

CORPUS SCRIPTORUM OIRATORUM

IV

ОЙРАТСКАЯ ВЕРСИЯ

«ИСТОРИИ ГУСЮ-ЛАМЫ»

CORPUS SCRIPTORUM OIRATORUM

IV

Серия основана в 2013 году

Редакционная коллегия серии
«CORPUS SCRIPTORUM OIRATORUM»:

Председатель

Л. Болд (Монголия)

Ответственный секретарь

Б. Тувшинтугс (Монголия)

Арджа Ринпоче (Арджа Лобсанг Туптен) (США),

А. В. Бадмаев (Россия), **Ц. Бату** (Китай), **Б. А. Бичеев** (Россия),

До. Галдан (Китай), **О. Самбуудорж** (Монголия), **М. Эрдэмт** (Китай),

Н. С. Яхонтова (Россия).

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Решение о публикации памятников ойратской литературы на «ясном письме», хранящихся в научных архивах, библиотеках, частных коллекциях Монголии, России и Китая, в серии «CORPUS SCRIPTORUM OIRATORUM» было принято в 2013 году по инициативе Института языка и литературы Академии наук Монголии.

В научный оборот будут вводиться письменные памятники в виде критических и факсимильных изданий текстов рукописей, ксилографов, литографий и их научных переводов.

Серия готовится и выпускается учеными и специалистами Института языка и литературы Академии наук Монголии, Калмыцкого научного центра Российской академии наук и Кабинета по сбору, каталогизации и изданию письменных памятников национальных меньшинств Отдела религии Управления по делам национальностей СУАР КНР.

В серии увидели свет:

Ойратская версия «Истории Белой Тары» («Повести о Багамай-хатун»). Факсимиле рукописей. Исследование, транслитерация, перевод с ойратского, комментарии Б. А. Бичеева. – Элиста: КИГИ РАН, 2013. – 284 с.

Ойратская версия «Истории Белой Тары» («Повести о Нарану Герел»). Факсимиле рукописи. Исследование, транслитерация, перевод с ойратского, комментарии Б. А. Бичеева. – Улан-Батор: ИЯЛ АНМ, 2014. – 254 с.

«Повесть-наказ Цаган Дара-эхэ» («Повесть о Нарану Гэрэл»). Факсимиле рукописи. Исследование, транслитерация, перевод с ойратского, комментарии А. Г. Сазыкина. – СПб.: ИВ РАН, 2015. – 238 с.

В серии готовятся к изданию:

Ойратская версия «Истории Чойджид-рагини». Факсимиле рукописи. Издание текста, исследование, перевод с ойратского, транслитерация, комментарии Б. А. Бичеева.

«Волшебный мертвец». Факсимиле рукописи. Издание текста, исследование, перевод с ойратского, транслитерация, комментарии До. Галдана.

Ойратская версия «Истории о Молон-тойне». Факсимиле рукописи. Издание текста, введение, перевод с ойратского, транслитерация, комментарий и приложения Н. С. Яхонтовой. Изд. 2-е, доп.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

ОЙРАТСКАЯ ВЕРСИЯ «ИСТОРИИ ГУСЮ-ЛАМЫ»

Факсимиле рукописей.
Исследование, транслитерация, перевод с ойратского,
комментарии А. Г. Сазыкина и Б. А. Бичеева

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2017

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ
в рамках гранта «Старописьменная калмыцкая литература»
(Проект № 15-04-00308)

Утверждено к печати Ученым советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Институт восточных рукописей Российской академии наук

Утверждено к печати Ученым советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Ответственный редактор
Н. С. Яхонтова

О 48 **Ойратская версия «Истории Гусю-ламы».** Факсимиле рукописи.
Исследование, транслитерация, перевод с ойратского, комментарии
А. Г. Сазыкина и Б. А. Бичеева. – СПб.: ИВР РАН, 2017. – 213 с.

Ойратская версия «Истории Гусю-ламы» относится к произведениям, повествующим о «хождении в ад» или «видении ада». Несмотря на достаточно широкую распространенность этого произведения в прошлом, известно всего лишь о трех сохранившихся рукописях этого текста на «ясном письме». В данном издании впервые публикуются факсимиле всех трех сохранившихся ойратских рукописей этого сочинения из собрания ИВР РАН (Санкт-Петербург, Россия), Музея-квартиры академика Ц. Дамдинсурэна (г. Улан-Батор, Монголия) и личной коллекции Увелзэнг-генге (г. Текес, СУАР КНР).

В издание включены две работы А. Г. Сазыкина, который впервые ввел текст этого произведения в научный оборот: одна посвящена обзору существующих редакций монгольских текстов «Истории Гусю-ламы», вторая – анализу старейшей сохранившейся в России ойратской рукописи этого сочинения из коллекции ИВР РАН.

ISBN 978-5-906881-29-8

- © Бичеев Б.А., издание текста, исследование, русский перевод, транслитерация, комментарий, 2017.
© Сазыкин А. Г., издание текста, исследование, русский перевод, транслитерация, комментарий, 1982, 1983, 1997, 2004.
© ФГБУН ИВР РАН, 2017.
© ФГБУН КалмНЦ РАН, 2017.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
«ПОВЕСТЬ О ГУСЮ-ЛАМЕ» В РУКОПИСЯХ МОНГОЛЬСКОГО ФОНДА ЛО ИВ АН СССР	9
ОЙРАТСКАЯ (КАЛМЫЦКАЯ) ВЕРСИЯ «ИСТОРИИ ГУСЮ-ЛАМЫ»	21
«Töböddi-yin xutuqtu Güüsü blama nirvān boluqsani touji oršibo» (C 391)	
Транслитерация	24
Перевод. «A Story about the Deceased Saint Tibetan Gūsū-Lama»	34
Перевод. «Төвдин хутгт Гүсү лам нирван болсн тууж оршв»	41
Факсимиле	50
СПИСКИ ОЙРАТСКОЙ ВЕРСИИ «ИСТОРИИ ГУСЮ-ЛАМЫ»	64
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СТРУКТУРА «ИСТОРИИ ГУСЮ-ЛАМЫ»	85
«Xutuqtu Gūsū blamayin tuuji orošibo» (XGMO 0299)	
Транслитерация	105
Перевод. «История святого Гусю-ламы»	112
Перевод. «Хутгт Гүсү ламин тууж оршв»	121
Факсимиле	127
«Xutuqtu Gūsū blamayin tuuji orošibo» (A3-170 (MH-397))	
Транслитерация	136
Перевод. «История святого Гушю-ламы»	144
Перевод. «Хутгт Гүшү ламин тууж оршв»	154
Факсимиле	163
ПРИЛОЖЕНИЕ I	
«Qutuγ-tu Gūsū blam-a-yin qamuγ amitan-i tamu-ača tonilyaysun šastar orosiba» (C 236)	
Транслитерация	183
Перевод. «Шастра о святом Гусю-ламе, освободившем из ада всех живых существ»	192
ПРИЛОЖЕНИЕ II	
Лепехин И. Мнение калмыков о будущей жизни	202
ПРИЛОЖЕНИЕ III	
Список некоторых рукописей из личной коллекции Увелзэнг-генге	207
SUMMARY	211

ВВЕДЕНИЕ

Четвертый выпуск серии «CORPUS SCRIPTORUM OIRATORUM», посвящен одному из ойратских сочинений, относящемуся к жанру «хождения в ад» или «видения ада». Это – рассказ о путешествии в ад, совершенном тибетским Гусю-ламой. Несмотря на достаточно широкую распространенность ойратской версии «Истории Гусю-ламы» в прошлом, на данный момент известно всего лишь о трех сохранившихся рукописях этого текста на «ясном письме»: в собрании ИВР РАН (г. Санкт-Петербург, Россия), Музее-квартире академика Ц. Дамдинсурэна (г. Улан-Батор, Монголия) и в личной коллекции Увелзенг-генге (г. Текес, СУАР КНР). Факсимиле всех этих рукописей, вперые публикуются в данном издании.

Исследование жанра «хождения в ад» было одним из важных направлений научной деятельности А. Г. Сазыкина (1943–2005), старшего научного сотрудника СПбФ ИВ РАН (ныне ИВР РАН). Начиная с кандидатской диссертации «„Повесть о Чойджид-дагини“ как памятник монгольской литературы XVII в.» (1978), которая легла в основу его монографии «История Чойджид-дагини» (1990), им было опубликовано более 20 работ, так или иначе связанных с сюжетами посещения героем или героиней ада и описанием того, что они там увидели. В предисловии к одной из своих последних монографий – «Видения буддийского ада» (2004), А. Г. Сазыкин приводит сведения о всех известных текстах «хождения в ад» на монгольском и ойратском языках. Он же первым ввел в научный оборот и текст «Истории Гусю-ламы», опубликовав статью «„Повесть о Гусю-ламе“ в рукописях монгольского фонда ЛО ИВ АН СССР» (1982, 1983). Эта работа, изначально вышедшая двумя частями, дает обзор девяти рукописей «Истории Гусю-ламы» из монгольского фонда ИВР РАН. Она включена в данное издание. Им были опубликованы еще две статьи, посвященные этому памятнику: одна, написанная на немецком языке (1983), содержит, кроме сведений об известных текстах этого сочинения, транслитерацию и перевод на немецкий монгольской рукописи (шифр F 80), а вторая, на английском (1997), – транслитерацию и английский перевод ойратской рукописи на «ясном письме» из коллекции ИВР РАН (шифр С 391). Последняя работа также включена в данное издание.

Тексты А. Г. Сазыкина публикуются в авторской редакции, за исключением краткого предисловия к изданию ойратской рукописи, которое представлено в переводе с английского на русский язык. Дополнения и уточнения от издателей даются в угловых скобках: < >.

Ойратская рукопись из личной коллекции Увелзенг-генге (г. Текес, СУАР КНР), является самой старой из трех известных на сегодня текстов этого памятника: она датируется серединой XVIII века. К ней (и по периоду создания, и по содержанию) приближается ойратская рукопись С 391. Это обстоятель-

ство позволило издателям к транслитерации, выполненной А. Г. Сазыкиным, для наглядности добавить в сносках разночтения с рукописью из Китая.

Более поздней является ойратская рукопись «Истории Гушю-ламы» из Музея-квартиры академика Ц. Дамдинсурэна (г. Улан-Батор, Монголия). В отличие от двух вышеупомянутых текстов в ней имеются небольшие добавления, с помощью которых переписчик пытался оформить текст по образцу канонического сочинения.

В настоящее издание включено сопоставительное исследование трех списков ойратской версии «Истории Гусю-ламы» и художественной структуры этого произведения, выполненное в.н.с. Калмыцкого научного центра РАН Б. А. Бичеевым. Он же сделал транслитерацию и перевод на русский язык двух рукописей «Истории Гусю-ламы» (из Музея-квартиры академика Ц. Дамдинсурэна и личной коллекции Увелзенг-генге), а также переложение на современный калмыцкий язык всех трех текстов ойратской «Истории Гусю-ламы».

Таким образом, читателю представлены все три известные на данный момент ойратские рукописи «Истории Гусю-ламы»: их факсимиле, исследования, транслитерации и переводы.

В трех приложениях дается: 1) транслитерация и русский перевод монгольской рукописи (из коллекции ИВР РАН, шифр С 236), опубликованные в монографии А. Г. Сазыкина «Видения буддийского ада»; 2) Раздел «Мнение калмыков о будущей жизни» из книги «Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году» (СПб., 1771 г.); 3) краткий биографический очерк Увелзенг-генге и список некоторых ойратских текстов, хранящихся в его коллекции.

Редакционная коллегия научной серии «CORPUS SCRIPTORUM OIRATORUM» искренне благодарит профессора, д.ф.н. А. Д. Цендину за оказанное содействие в публикации текста рукописи «Истории Гушю-ламы» из фонда Музея-квартиры академика Ц. Дамдинсурэна.

Выражаем особую признательность уважаемому Увелзенг-генге, хранителю уникальной коллекции ойратских рукописей, в том числе единственного сохранившегося экземпляра калмыцкого ксилографа «Алтан Герел», за возможность публикации текста «Истории Гусю-ламы» из его личной коллекции.

Приносим благодарность нашему коллеге, члену редакционной коллегии До. Галдану, хранителю ойратской коллекции рукописей Кабинета по сбору, каталогизации и изданию письменных памятников национальных меньшинств Управления по делам национальностей СУАР КНР, за содействие в публикации текста синьцзянской рукописи «Истории Гусю-ламы».

А. Г. Сазыкин

«ПОВЕСТЬ О ГУСЮ-ЛАМЕ» В РУКОПИСЯХ МОНГОЛЬСКОГО ФОНДА ЛО ИВ АН СССР*

Часть I

На протяжении всей истории существования Азиатского Музея (с 1930 г. Института востоковедения АН СССР) работа по изучению и публикации памятников письменной монгольской литературы» начало которой было положено 150 лет назад изданием Я. И. Шмидтом летописи Саган-Сэцэна [Schmidt 1829], всегда оставалась одним из важнейших направлений научного творчества монголоведов. Результатам этой работы явилось введение в научный обиход целого ряда ценнейших письменных источников, не встречающихся в европейских и иных, расположенных за пределами Советского Союза и МНР собраниях монгольских рукописей и ксилографов.¹ Работа по выявлению и изданию редких образцов письменной словесности монгольских народов продолжается в стенах ЛО ИВ и в настоящее время.² Это сообщение также посвящено одному из произведений монгольской письменной литературы, практически неизвестному специалистам-монголоведам.

* <Статья А. Г. Сазыкина была опубликована в двух выпусках ППиПИКНВ (в 1982 и 1983 годах) двумя частями. Здесь деление на части сохранено, но библиографические ссылки объединены и переделаны по современным стандартам. Текст приводится по изданиям: Сазыкин А. Г. «Повесть о Гусю-ламе» в рукописях монгольского фонда ЛО ИВ АН СССР. Часть 1. // ППиПИКНВ. Т. XVI. Ч. 1. М., 1982. С. 57–61. Сазыкин А. Г. «Повесть о Гусю-ламе» в рукописях монгольского фонда ЛО ИВ АН СССР. Часть 2. // ППиПИКНВ. Т. XVII. Ч. 1. М., 1983. С. 84–91. ЛО ИВ АН СССР — с 2007 г. ИВР РАН >.

¹ Владимирцов Б. Я. Монгольский сборник рассказов из Rañcatantra // Сборник Музея антропологии и этнографии при АН СССР. Т. V. Вып. 2. — Пг.: Академическая Двенадцатая Государственная Типография, 1921. — 162 с.; «Шара туджи» — Монгольская летопись XVII. Сводный текст, перевод, введение и примечания Н. П. Шастиной, М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957 — 199 с.; Гомбоджаб. Ганга-йин урусхал. (История золотого рода владыки Чингиса. — Сочинение под названием «Течение Ганга»). Издание текста, введение и указатель Л. С. Пучковского. — М.: Изд-во восточной литературы, 1960. — 66 с. (Памятники литературы народов Востока. Малая серия / Акад. наук СССР. Ин-т востоковедения; 10); Ц. Дамдинсурэн. «Рамаяна» в Монголии. — М.: Наука, 1979. — 216 с.

² К изданию подготовлена монография «Повесть о Чойджид-дагини». Издание текста, транслитерация, перевод и исследование А. Г. Сазыкина. <Монография была опубликована в 1990 году: История Чойджид-дагини. Факсимиле рукописи. Транслитерация текста, пер. монг., исслед. и коммент. А. Г. Сазыкина. Ответственный редактор С. Ю. Неклюдов. — М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1990. — 253с. (Памятники письменности Востока. XC. Bibliotheca Buddhica XXXVII)>.

«Повесть о Гусю-ламе» – сравнительно небольшое по объему сочинение, распространявшееся под самыми разнообразными заглавиями исключительно в рукописном виде – представлено в монгольском фонде Института девятью рукописями:

С 236 – Qutuγ-tu Gūsū blam-a-yin qamuγ amitan-i tamu-ača tonilyaysan orosiba;

С 391 – Töbödi-yin xutuqtu Gūsū blama nirvān boluqsani tuuji oršibo (Xutuqtu Gūsū blamayin Erliḡiyin zakā);

Ф 80 – Qutuγ-tu Güse <Gusi> blam-a-yin qamuγ amitan-i tamu-ača tonilyaysan šistar orošiba;

Q 262 – Tanggad-un qutuγ-tu Gūsū blam-a-yin nirvan boluγsan düsi (!) [=tuji];

Q 367 – Qutuγ-tu yeke Gūsū blam-a-yin tuyuji ene bui;

Q 681 – Qutuγ-tu Gūsū blam-a-yin šastar;

Q 2157 – Adistu boyda-yin lüngdün orosiba;

Q 693 – Qutuγ-tu Gūsū blam-a nertü sudur-a oročiγulabai;

Q 1969 – Qutuγ-tu Gūsū blam-a-yin čidig mör-ün tuuji sudur orošibai.

Первое упоминание о существовании этой повести можно найти в «Списке материалам Ц. Жамцаранова и Б. Барадайна» [Список 1905], где учтена одна из перечисленных выше рукописей, вошедшая в составе второй коллекции Ц. Жамцарано в монгольский фонд Института под шифром **Ф 80**. В переводе заглавия рукописи, помещенном в «Списке», имя героя сочинения передано в форме «Гоуши». Однако это несомненная ошибка, поскольку и в рукописи, и в заглавии на старомонгольской графике, приведенном в «Списке», это имя вполне определенно можно прочесть как «Гусэ». Правда, и вариант Гуши имеется на обложке рукописи **Ф 80**¹, но это уже одна из позднейших интерполяций, коими изобилует и весь текст рукописи, вписанная красными чернилами (весь первоначальный текст записан черными чернилами).

Такое искажение написания имени ламы послужило причиной последующих недоразумений. В немалой степени это объясняется тем, что, судя по изданным к настоящему времени каталогам коллекций, монгольских рукописей и ксилографов Европы, США, Японии, а также ж МНР, «Повесть о Гусю-ламе» не встречается ни в одной из них. Отсутствует она

¹ В монгольском фонде ЛО ИВ имеется, правда, и рукопись, озаглавленная как «Guusi neritü bayši-yin tuuji orosiba» – (С 207). Но под этим заглавием находится другое произведение более известное как «Повесть о мальчике на черном неоседланном быке» (Jayidan qar-a er-e üker-tü köbegün-ü tuyuji).

и в монгольском собрании Восточного факультета ЛГУ. Таким образом, единственным фондом, обладающим упомянутым сочинением является пока фонд ЛО ИВ. Потому-то, при необходимости упоминания или ссылки на это произведение, монголоеды вынуждены были опираться исключительно на сведения, содержащиеся в «Списке». Так, в частности, поступили и В. Хайссиг, передавший имя ламы в форме «Гуоши» [Heissig 1972: 99] и В. Ц. Найдаков, автор раздела «Зарождение бурятской литературы», в «Очерках истории культуры Бурятии», переделавший это имя в «Гонши» [Очерки 1972: 391]. Причем, еще большим недоразумением, на наш взгляд, является то, что В. Ц. Найдаков поместил нашу повесть, в которой судя даже по цитированному им заглавию, содержится история «путешествия» в ад, среди описаний реальных путешествий, совершенных бурятскими ламами к святым местам Тибета и Индии в конце XVIII – XIX вв.

Но, очевидно, искаженными являются не только форма «Гуши» и производные от нее «Гоуши», «Гуоши», «Гонши», а и форма «Гусэ», помещенная на обложке рукописи **Ф 80**. На это указывает то, что во всех остальных семи рукописях на старомонгольской графике, имеющих в рукописном отделе ЛО ИВ, да и в тексте самой рукописи **Ф 80** имя ламы неизменно передается в написании, которое можно прочесть как «Гусю» или «Госю». Окончательную ясность вносит рукопись **С 391**, записанная на ойратском «ясном письме», в которой это имя однозначно читается как Гусю (на обложке – Гусю).

Ни одна из имеющихся в нашем распоряжении рукописей не содержит колофона. Поэтому невозможно с абсолютной точностью установить время и место появления этого произведения. И только на основе результатов палеографического и текстологического анализа возможно хотя бы приблизительно определить хронологические рамки и область первоначального распространения «Повести о Гусю-ламе». Так, о рукописи **Ф 80** в «Списке» сказано, что это «список со старинной бурятской рукописи, слог старинный; небрежного письма» [Список 1905: 67]. Здесь, видимо, необходимо уточнить понятие «старинная бурятская рукопись». Дело в том, что поскольку ранний период развития бурятской письменности приходится на вторую половину XVIII в., то в рамках бурятской письменной литературы определение «старинный» оказывается применимым к сравнительно недавним по времени происхождения письменным образцам. Причем, первоначально письменность у бурят использовалась главным образом в делопроизводстве и при составлении сборников степных за-

конов [Очерки 1972: 373; Доржиев 1970]. И только позднее, уже с конца XVIII – начала XIX вв. стало развиваться бурятское летописание и активно распространяться буддийские, преимущественно переводные, сочинения. Правда с 60-х годов прошлого столетия стали появляться и сочинения бурятских лам. Особенно многочисленны были работы, принадлежавшие перу Дылгырова и Данджинова, во множестве печатавшиеся ксилографическим способом в печатных, мастерских бурятских дацанов [Владимирцов 1918]. Однако эти сочинения едва ли можно причислить к подлинно художественной литературе, ибо содержат они весьма однообразные назидания о пользе религии и необходимости исполнения нравственных заповедей буддизма. Среди литературных произведений, отпечатанных в Бурятии, находим в основном переводы индо-тибетских сказок и легенд, изданные прежде в Пекине и Монголии. Произведения же оригинальной словесности бурят не только не печатались в дацанах, но и в рукописном виде встречаются не часто. Объясняется это, несомненно, преимущественно устной традицией ее бытования [Соктоев 1976]. Потому-то «Повесть о Гусю-ламе», являющая собой, по словам составителя «Списка», «образчик чисто народно-религиозной литературы в начале распространения буддизма среди бурят» [Список 1905: 67], представляет несомненный интерес для изучения истории письменной литературы бурят.

Необходимо, однако, прежде всего, выяснить – действительно ли это «образчик» литературного творчества бурят. Ведь утверждение о его бурятском происхождении основано лишь на знакомстве с одной «старинной» рукописью, с которой и была выполнена копия, поступившая в Азиатский Музей. Нам не довелось ознакомиться с оригиналом и потому не можем судить о действительном времени его происхождения. Что же касается в данном случае определения «старинный», то выше мы уже отмечали реальное его значение для бурятской письменной литературы. Остальные известные нам рукописи повести на старомонгольской графике датируются XIX в., причем четыре из них – **C 236**, **Q 262**, **Q 367** и **Q 693** – написаны, судя по фактуре бумаги (на листах рукописи **Q 693** имеется даже филигрань: «1825»), чернилам и почерку, в первой половине XIX в. Следовательно, на материале имеющихся письменных источников на старомонгольской графике, временем появления записей повести можно назвать первую половину или даже первую четверть XIX в.

Но все же, вероятнее всего, что рукописные образцы «Повести о Гусю-ламе» появились значительно раньше и основание к такому предпо-

ложению дает ойратская рукопись из собрания ЛО ИВ. Эта рукопись, которую следует датировать не позднее, чем XVIII в., является старейшей по происхождению среди всех известных ныне списков. И хотя, основываясь на более раннем происхождении ойратской рукописи можно было бы предположить и об ойратском происхождении самой повести, но сличая текст рукописи **C 391** с рукописями на старомонгольском письме, нетрудно заметить, что ойратская версия подверглась уже некоторой литературной обработке и является вторичной по отношению к монголографичной версии. Следовательно, еще в XVIII в. существовали рукописи на уйгуро-монгольском письме, взятые за основу при переложении на заяпандитовское «ясное письмо».

Рукописи повести, имеющиеся ныне в фонде ЛО ИВ, позволяют с большей долей вероятности судить и о районе преимущественного распространения (а возможно и появления) этого произведения письменной литературы монгольских народов, ибо в дополнение к двум рукописям, имевшимся в старой части фонда Института (**C 236**, **F 80**) добавилось еще шесть рукописей (шифр Q), выделенных при разборке тибетского фонда ЛО ИВ [Сазыкин 1981]. Все указанные рукописи бурятского происхождения, о чем свидетельствует, например, орфография их, изобилующая существенными отклонениями от норм монгольского классического письменного языка. Такие перемены в орфографии наиболее типичны как раз для бурятских письменных материалов и вызваны стремлением бурятских переписчиков приблизить устаревшую классическую орфографию к нормам живой, разговорной речи. В результате, многие слова в рукописях «Повести о Гусю-ламе» изменены почти до неузнаваемости. Этим обстоятельством, кстати, и вызвано появление многочисленных интерполяций в рукописи **F 80**, дающих общепонятное, литературное написание, разъясняющее во многих случаях бурятские орфографические новации. Представляется маловероятным, чтобы бурятские переписчики сумели до такой степени переработать текст, записанный прежде монгольскими литераторами. Таким образом, мнение составителя «Списка» о бурятском происхождении повести подтверждается вполне.

В не меньшей мере на это указывает и наличие значительного влияния народных представлений о загробном существовании на эсхатологическую картину, помещенную в повести. Но этот аспект будет специально рассмотрен уже во второй части статьи.

Часть 2

Спасение живых существ от адских страданий – мотив не новый для буддийской литературы. Первоначально в произведениях буддийских авторов в роли спасителей выступали либо Хонгшим-бодисатва (Авалоки-тешвара), в буддийском пантеоне само воплощение милосердия (один из его наиболее употребительных эпитетов «Великий Милосердный»), либо богиня Ногоон Дара-эхэ, т.е. всегда это были существа сверхъестественного, божественного происхождения.

В «Повести о Гусю-ламе» таким могущественным освободителем становится уже простой лама – существо вполне земное, хотя, разумеется, и преисполненное добродетелей и религиозных заслуг, заключавшихся, впрочем, суда по тексту повести, лишь в почитании трех драгоценностей (Будды, его учения и монашеской общины), а также чтении священных книг.

Подобное возвышение чудодейственных спасительных способностей лам до уровня, доступного прежде лишь божественным силам, обнаруживаемое в поздних религиозно-дидактических сочинениях, объясняется переменами, произошедшими в тибетском буддизме, результаты которых позволили западным ориенталистам охарактеризовать тибетскую ветвь учения Будды как «ламаизм». Действительно, в тибетском варианте буддизма образ ламы, активно распространявшего святое учение и направлявшего каждого верующего по пути истинной веры, становится важнейшим элементом всего учения о спасении.

Естественно, что такие изменения отразились и в письменной тибетской (а позже и монгольской) литературе, в том числе и повествовательной. В качестве примера можно привести тибетское сочинение XVI в. «Повесть о Чойджид-дагини», в котором трижды появляются ламы, уводящие из ада живые существа, находившиеся там. Правда, ламы эти освобождают не всех, а только своих родственников и тех, кто был связан с ними духовными и прочими узами, т.е. выслушивал их проповеди, молился с ними, а также кормил, одевал и делал подношения. Причем, эрлики, служители ада, строго следят за тем, чтобы из ада не ушел кто-либо не достойный спасения и возвращают таких обратно с помощью железных крюков. Заметим также, что описания этих лам-спасителей в «Повести о Чойджид-дагини» составляют лишь краткие вставные эпизоды в довольно пространным изображении суда Владыки Ада.

Иное дело «Повесть о Гусю-ламе», которая целиком посвящена идее всеспасительной силы лам и где их авторитет и могущество представлены в наиболее чистом виде и доведены до наивысшей степени. Потому-то главный персонаж повести, проходя по многочисленным отделениям ада, беспрепятственно опустошает большинство из них, отправляя томящиеся там существа к перерождениям в высших областях Будды и тенгриев.

Однако и в данном случае лама освобождает не всех грешников. Но причины этого заключаются не в каких-то внешних обстоятельствах или недостаточном могуществе ламы, а в неискренности грехов, за которые наказываются эти недостойные спасения существа. Так, милосердие Гусю-ламы не распространяется на осквернителей и разрушителей монастырей и изображений Будды, а также на людей, унижавших и оскорблявших при жизни буддийских монахов.

Кроме милосердного спасителя Гусю-ламы в повести упомянуты еще два ламы с аналогичными же функциями. Один из этих лам по имени Иридзамц, при жизни прославился строгим воздержанием от запретного и длительным созерцанием. Подобные религиозные подвиги наиболее характерны для раннего буддизма, где самоусовершенствование почиталось главной задачей религиозной деятельности.

Судя же по тексту нашей повести, большего одобрения у тибетских и монгольских буддистов заслуживала религиозная активности второго ламы, который, как оказалось, за всю свою жизнь бесчисленное число раз прочитал шестисложное «мани», т.е. самую короткую и распространенную у буддистов священную формулу «ом ма-ни пад-мэ хум». На то, что подобное усердие почиталось весьма похвальным и заслуживающим всяческого подражания, указывает, например, такой эпизод, включенный в «Повесть о Гусю-ламе». Узнав о приближении этого, второго, ламы, Эрлик Номин-хан произнес: «Как бы мне встретиться с таким великим святым ламой!», после чего вышел даже наружу и поклонился в сторону того ламы.

Следует также отметить, что в приведенном отрывке довольно отчетливо прослеживается связь с фольклором монгольских народов. Дело в том, что в сочинениях тибетских авторов, более строго придерживавшихся канонических представлений о повелителе ада, Эрлик-хан изображался всегда как всемогущий и грозный судья, перед которым трепещут все представшие на суд души умерших. И уж во всяком случае, в подобных произведениях мы не встретим упоминаний об Эрлик-хане, выходящем

кланяться или хотя бы даже встречать лам у ворот ада. В монгольском же эпосе и фольклоре Владыка Ада изображался не столько грозным и неподкупным судьей, сколько зловредным существом, мучившим умерших и причинявшим всяческие беды живым существам. К тому же, судя по циклу сказок о Балан-сэнгэ и Далан-худалчи [Потанин 1883: 241–244], обнаруживается, что Эрлик-хана легко было подкупить или обмануть. Поэтому для героев таких сказок вовсе не считалось невозможным или зазорным одурачить Эрлик-хана или даже проучить за злонамеренные козни и несправедный суд, как это можно видеть в сказании о Гэсэре. Подобные народные представления были еще, видимо, свежи для автора «Повести о Гусю-ламе» и потому отголоски их находим в этом раннем произведении бурятских буддистов.

Необходимо учесть и то, что сам образ посредника между миром живых и потусторонним миром, тоже спасающего умерших от мук ада, не является чем-то совершенно новым и необычным для монгольской народной словесности. Рассказы о хождениях в ад ради вызволения оттуда душ умерших были и прежде известны монголам. Но тогда это составляло одну из важнейших отраслей шаманской практики и до нас дошел ряд описаний шаманских мистерий, изображавших путешествие в ад за душой умершего [Потанин 1883: 64–68; Ксенофонов 1931].

С распространением ламаизма место шамана занял, разумеется, лама и таким образом новое содержание легко заполнило уже имевшиеся традиционные формы и буддийским проповедникам не пришлось существенно ломать, устоявшиеся эсхатологические представления новых адептов своей веры. Стремление к приспособлению буддийских космологических и эсхатологических представлений к новым условиям можно проследить и в самом описании областей ада, представленном в «Повести о Гусю-ламе».

Вся повесть композиционно состоит из пяти частей:

1. Сошествие Гусю-ламы в ад.
2. Встреча с Эрлик-ханом.
3. Путешествие по аду.
4. Суд Эрлик-хана.
5. Поучения Эрлик-хана и возвращение Гусю-ламы.

Из них три первые части посвящены изображению адов и их окрестностей. Все эти части построены по единому принципу – расспросы Гусю-ламы об увиденном и разъяснения, даваемые различными персонажами.

В первой части такие объяснения об устройстве подземных областей мира дает старушка, встреченная ламой на склонах ледяной горы. Этот

персонаж, неизвестный сочинениям индийских и тибетских авторов, попал в монгольскую литературу, вероятнее всего, из китайских описаний путешествий в ад. Так, в китайских историях о хождениях в ад неоднократно упоминается старушка по имени Мэн, угощавшая «чаем забвения» всех прибывающих в пределы ада [Duyvendak 1952: 267–268]. Эта же старушка упоминается в одной южномонгольской версии «Повести о Чойджид-дагине», а также в монгольской «Повести о Наран-Гэрэл», созданной под сильным влиянием китайской повествовательной литературы. Видимо, из этих сочинений указанный персонаж и был заимствован автором «Повести о Гусю-ламе».

Описываемая в первой части область, это еще не сам ад, а только преддверие его, где помимо уже упомянутой ледяной горы, известной также по устным народным рассказам о загробном мире, расположены еще и четыре моста, ведущие в различные области перерождений живых существ. Три из них (золотой, красно-медный и желто-медный) ведут в высшие области благоприятных перерождений. Четвертый, железный, ведет к местопребыванию Эрлик-хана. В индо-тибетской литературе обычно упоминается всего один мост. Так в легенде о Маутгальяне описан золотой мост, по которому могут пройти только добродетельные существа. «Адские» мосты из золота, серебра, нефрита и т.д. (до шести мостов), каждый из которых предназначен только для определенного вида перерождений, описаны в китайской повествовательной литературе о хождениях в ад. И это, видимо, является развитием первоначальной идеи о возможности или невозможности переправы через мост в зависимости от суммы добрых и порочных прижизненных деяний [Duyvendak 1952: 274]. Любопытно, что эта идея в своем первоначальном виде также нашла отражение в «Повести о Гусю-ламе» при описании железного моста.

Судя по представленному в повести описанию, когда на этот мост ступали грешные существа, то он, становясь толщиной с волос, сразу же обрывался и грешники проваливались в ад. Добродетельные же беспрепятственно проходили по мосту. И здесь мы обнаруживаем третий источник заимствования, ибо представление об «адском волосяном мосте» наиболее характерно для народных эсхатологических воззрений монголо- и тюркоязычных народов Сибири.

Следующее затем описание встречи Гусю-ламы с Эрлик-ханом начинается с наставлений Владыки Ада о бренности всего живого и пользе святого учения. Аналогичные наставления помещены в сценах суда и затем в конце повести, уже перед возвращением Гусю-ламы в мир живых. После

наставлений Эрлик-хана следует описание некоторых адов. Это «кровавое море», «мучительный ад» и «область биритов». Изображенные во второй части повести ады должны, видимо, соответствовать близлежащим адам в системе описаний канонических сочинений. Перечисление основных адов помещено уже в третьей части сочинения.

Нужно отметить, что картины близлежащих адов, также как и адов «горячих» и «холодных», весьма отличны от характеристик канонических сочинений. Судя по всему, неизвестный нам автор «Повести о Гусю-ламе» не ставил перед собой задачи воспроизвести в повести всю систему буддийских адов, а выделив наиболее характерные (и, наверное, страшные) из них, обозначил лишь общую структуру буддийской преисподней. Так, в повести описаны, и притом весьма кратко, только «горячий», «холодный», «мрачный» и «коробчатый» ады, «ад экскрементов и мочи», а также «ад животных». Гусю-лама расспрашивает владык тех адов о причинах страданий помещенных туда. Выслушав объяснения, лама освобождает большинство из них и отправляет в области высших перерождений.

Кроме уже названных нами неизбывных грехов, остальные упомянутые в повести грехи вполне традиционны для обширной дидактической буддийской литературы. Это – убийство живых существ, сплетни и сеяние вражда, скупость и обман, недостаточное усердие в делах веры. Правда, один из указанных грехов прежде не встречался нам в других описаниях буддийских адов. Грех этот заключался в сидении с «непочтительно вытянутыми ногами» в присутствии лам или перед изображениями Будды. За это в аду таким грешникам отрубали ноги.

Закончив путешествие по адам, Гусю-лама опять возвращается к престолу Эрлик-хана и здесь начинается четвертый раздел повести – описание суда над душами умерших. Наиболее подробное и красочное изображение такого суда в письменной литературе на монгольском языке находим в «Повести о Чойджид-дагини». Гораздо лаконичнее суд Эрлик-хана описан во второй редакции «Повести о Наран-Гэрэл», выполненной под влиянием истории о деде Чойджид. И, наконец, самое краткое из известных нам, изображение суда помещено в «Повести о Гусю-ламе». В этой повести вместо лам и мирян, родовитых особ и простого люда, богатеев и бедняков, изображенных в предыдущих двух повестях, появляются белый и черный мужчина, белая и черная женщина, как олицетворения добра и зла, прижизненной добродетели и греховности (ср.: «десять белых добродетелей» и «десять черных грехов» многократно упоминаемые в буддийской этико-назидательной литературе). Все перечисленные в этих сценах деяния

(как добрые, так и греховные) исключительно религиозного характера и таким образом здесь в предельно сжатом и наглядном виде изложены основы буддийского учения о посмертном воздаянии и возмездии. Трудно определить конкретный прототип описания суда в «Повести о Гусю-ламе». Скорее всего, это парафраз на тему многочисленных назидательных буддийских трактатов о сущности добра и зла, изложенный в наиболее уместной в данной ситуации форме суда Эрлик-хана.

Более определенно можно судить об истоках следующего эпизода, включенного в последнюю, пятую, часть повести. В самом конце этой части (и всей повести в целом) сообщается, что уже на обратном пути в мир живых, Гусю-лама повстречался со старушкой, которая, как выяснилось, прежде была его матерью. Поэтому лама тут же отправляет ее переродиться в область Будды.

В данном эпизоде также вполне вероятно влияние двух традиций – народной монгольской и буддийской, поскольку мотив спасения сыном своей матери из бездн ада был широко известен в письменной литературе монголов и в составе эпической по происхождению Гэсэриады, и индийской легенды о Молон-тойне (Маутгальяне), и тибетского сборника сказок «Улигерун ном». Правда в «Повести о Гусю-ламе» он не связан с основной сюжетной линией произведения, а является вставным элементом, своего рода данью литературной моде, подражанием более известным и почтенным литературным образцам.

Итак, «Повесть о Гусю-ламе» была создана в Бурятии в период начала распространения там буддизма. Автором повести был, несомненно, лама достаточно хорошо знакомый не только с буддийской эсхатологией, но и с образцами монгольской письменной литературы, содержащими повествования о хождениях в потусторонний мир. Однако, используя ряд мотивов и элементов таких описаний, автор создал оригинальное произведение, наиболее отвечающее сложившемуся в то время уровню сознания и развитости художественного мышления, а также задачам, стоявшим на том этапе перед проводниками нового учения среди бурят.

Одной из главных задач в то время было утверждение авторитета и влияния лам в неизбежном и остром соперничестве с шаманами, выразителями народных религиозных воззрений с уже вполне сложившимся пантеоном, культом и обрядностью. Выполнению этой задачи и посвящена в основном рассматриваемая нами повесть.

К очевидным достоинствам сочинения можно отнести простой и общепонятный язык, которым оно написано, отсутствие растянутых опи-

саний и многословных религиозных назиданий, весьма характерных для большинства произведений дидактической литературы. Удачна и форма повести. Построенная в значительной мере на диалогах, она наиболее отвечает традициям устных пересказов, в виде которых она, вероятнее всего, также бытовала. Немалый интерес представляют и элементы народной эсхатологии, обнаруживаемые в «Повести о Гусю-ламе», что позволяет в какой-то мере уяснить характер и приемы приспособления буддийского учения в условиях распространения в новой конфессиональной среде.

Литература

В списке литературы приняты следующие сокращения:

ППиПИКНВ – Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока.

ИР АН – Известия Российской Академии наук.

Владимирцов 1918 – *Владимирцов Б. Я.* Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский Музей Российской Академии Наук от профессора А. Д. Руднева // ИР АН. Сер. VI, Т. 12, Вып. 14. – Пг., 1918, С. 1559–1561.

Доржиев 1970 – *Доржиев Д. Д.* Ранние памятники бурятской письменности // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 4. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. С. 107–112. (Труды Бурятского института общественных наук. Вып. 12. Серия востоковедная).

Ксенофонов 1931 – *Ксенофонов Г. В.* Сошествие шамана вниз, в преисподнюю // Воинствующий атеизм. – 1931. № 12. С. 120–145.

Очерки 1972 – Очерки истории культуры Бурятии. Т. 1. – Улан-Удэ: Бурят. Кн. изд-во, 1972. – 490 с.

Потанин 1883 – *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4. Материалы этнографические. – СПб.: Типография В. Киршбаума, 1883. – 1082 с.

Сазыкин 1981 – *Сазыкин А. Г.* К характеристике собрания монгольских рукописей и ксилографов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (шифр Q) // ПП и ПИКНВ, XV. Ч. 1. – М.: Наука, 1981. С. 56–60.

Соктоев 1976 – *Соктоев А. Б.* Становление художественной литературы Бурятии дооктябрьского периода. – Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1976. – 492 с.

Список 1905 – Список материалам Ц. Жамцаранова и Б. Барадийна. 1903–1904 // Известия Императорской Академии наук. Т. XXII. № 3. – СПб., 1905. С. 59–94.

Duyvendak 1952 – *Duyvendak J. J. L.* A Chinese «Divina Commedia» // T'oung Pao. Vol. 41. Leiden, 1952, P. 255–316.

Heissig 1972 – *Heissig W.* Geschichte der Mongolischen Literatur. Bd. 1-2. – Wiesbaden, 1972. XIX. – 969 s.

Schmidt 1829 – *Schmidt I. J.* Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses. Verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus. – St.-Pbg., 1829. – 509 p.

А. Г. Сазыкин

ОЙРАТСКАЯ (КАЛМЫЦКАЯ) ВЕРСИЯ «ИСТОРИИ ГУСЮ-ЛАМЫ»*

В монгольской литературе XVII – начала XX в. существовало несколько произведений, включавших описание «видений» буддийского ада [Heissig 1972]. Сочинения эти весьма различны по своему происхождению, времени и месту появления. Так, в их числе мы находим индийскую легенду о Маудгальяне (Молон-тойне) [Lőrincz 1982; Яхонтова 1999], тибетскую «Повесть о Чойджид-дагине» [Heissig 1969; Сазыкин 1990], монгольские «Повесть о Нарану Гэрэл» [Damdinsürüng 1959; Сазыкин, Ёндон 1987; Sazykin 1988] и «Повесть о деве Прекрасный Лотос» [Heissig 1972: 100–104], созданные под несомненным влиянием китайской повествовательной литературы. Тема «видения» ада также много раз использовалась в рассказах из «Комментариев о пользе „Алмазной Сутры“» (Vajracchedika)» [Сазыкин 1986].

У монгольских народов был распространен еще один сравнительно короткий рассказ о посещении буддийского ада. Он известен под кратким названием «Повесть о Гусю-ламе». По мнению Ж. Ц. Жамцарано, который приобрел одну рукопись этого текста в Бурятии и передал ее в Азиатский музей (ныне Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской Академии наук¹), это – «образец чисто народно-религиозной литературы в начале распространения буддизма среди бурят» [Список 1905: 57].

Остальные семь рукописей этой истории, написанные старым монгольским письмом и хранящиеся в рукописном фонде этого института, также происходят из Бурятии [Сазыкин 1983]. Еще одна рукописная копия «Повести о Гусю-ламе» имеется также в рукописном собрании Тувы [Sazykin 1994: М-89].

Однако, поиски этого текста в богатых рукописных собраниях Улан-Батора оказались безрезультатными, и он не упоминается в доступных каталогах монгольских рукописей.

* <Текст статьи приводится по изданию: Sazykin A.G. The Oirat (Kalmyk) Version of «The Story of Gusu-Lama» // Manuscripta Orientalia. – St. Petersburg; Helsinki, 1997. Vol. 3. P. 33–38. Вводная часть дается в переводе на русский язык. Библиографические ссылки приводятся по современным стандартам> .

¹ <С 2007 г. Институт восточных рукописей Российской Академии наук (ИВР РАН)>.

До недавнего времени отсутствовали какие-либо доказательства того, что этот текст был известен у западных монголов (ойратов). Во всяком случае, в работе Х. Лувсанбалдана «Ясное письмо и его памятники», содержащей обширный список письменных материалов на заяпандитовском письме, интересующая нас повесть не упоминается вовсе. [Лувсанбалдан 1975].

Единственный экземпляр «Повесть о Гусю-ламе», написанной на «ясном письме», находится в рукописном фонде Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения [Сазыкин 1988: №. 338]. Откуда и когда этот текст поступил в коллекцию – неизвестно. Можно предположить, основываясь на имеющихся свидетельствах, что это сочинение было записано у калмыков, где оно раньше было довольно распространено [Очиров 1913].

Сравнивая бурятскую и ойратскую (калмыцкую) версии повести, можно обнаружить ряд текстуальных различий. Помимо целенаправленных переработок текста, в рукописи **С 391** имеются ошибки, пропуски слов, а иногда и целых отрывков, что делает текст местами бессвязным и непонятным. Представляя здесь транслитерацию ойратской версии «Повести о Гусю-ламе», мы сочли необходимым исправить все упущения и ошибки переписчика, по тексту одной из семи бурятских рукописей, хранящихся в рукописном фонде Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН [Сазыкин 1988: №. 332].

Литература

В списке литературы приняты следующие сокращения:

ППиПИКНВ – Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока.

ИРКСВА – Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии.

Лувсанбалдан 1975 – Лувсанбалдан Х. Тод үсэг, түүний дурсгалууд. – Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1975. С. 208–255.

Очиров 1913 – Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы астраханских калмыков. Отчет Н. Очирова // ИРКСВА. – СПб., 1913. Сер. II. № 2. С. 61–75.

Сазыкин 1982 – Сазыкин А. Г. «Повесть о Гусю-ламе» в рукописях монгольского фонда ЛО ИВ АН СССР. Часть 1. // ППиПИКНВ. – М., 1982. Т. XVI. Ч. 1. С. 57–61; Т. XVII. Ч. 1. – М., 1983. С. 84–91; Sazykin A. G. Die mongolische «Erzählung über Güsü-Lama» // Zentralasiatischen Studien. – Wiesbaden, 1983. T. XVI. S. 111–140.

Сазыкин 1986 – Сазыкин А. Г. Монгольские версии рассказов о пользе «Ваджрачхеддики» // ППиПИКНВ. Т. 20, Ч. 1. – М.: Наука, 1986. С. 70–74.

Сазыкин 1988 – Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. 1. – М.: «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1988. – 507 с.

Сазыкин 1990 – История Чойджид-дагини. Факсимиле рукописи. Транслитерация текста, пер. с монг., исслед. и коммент. А. Г. Сазыкина. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 253 с. (Памятники письменности Востока. Т. XC. Bibliotheca Buddhica. Т. XXXVII)

Сазыкин, Ёндон 1987 – Сазыкин А. Г., Ёндон Д. Ранняя версия «Повести о Нарану Гэрэл» (Рукопись F 244 из собрания Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР) // Studia Mongolica. Т. XII (20). Fasc. 1-17. – Ulan-Bator, 1987. С. 54–106.

Список 1905 – Список материалам Ц. Жамцаранова и Б. Барадийна. 1903–1904 // Известия Императорской Академии наук. Т. XXII. № 3. – СПб., 1905. С. 59–94.

Яхонтова 1999 – Ойратская версия «Истории о Молон-тойне». Факсимиле рукописи. Издание текста, введение, перевод с ойратского, транслитерация, комментарий и приложения Н. С. Яхонтовой. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 200 с. (Памятники культуры Востока. Санкт-Петербургская научная серия. Т. VI).

Damdinsürüng 1959 – Damdinsürüng Će. Mongyol uran jökiyal-un degeji jayun bilig orusibai. – Ulayanbayatur, 1959. PP. 227–247. (Corpus Scriptorum Mongolorum. T. XIV).

Heissig 1969 – Heissig W. Zum Totentanzmotiv in Zentralasien: Eine neue mongolische Version von Čoyiĉid dakini-yin namtar // Zentralasiatischen Studien. Bd. 3. – Wiesbaden, 1969. S. 129–207.

Heissig 1972 – Heissig W. Geschichte der Mongolischen Literatur. Bd. 1-2. – Wiesbaden, 1972. XIX. – 969 s.

Lörincz 1982 – Molon toyin's Journey into the Hell. Altan Gerel's translation. 1. Introduction and transcription. 2. Facsimile. By L. Lörincz. – Budapest, 1982 (Monumenta Linguae Mongolicae Collecta; VIII).

Sazykin 1988 – Sazykin A. G. Mongol and Oyirat Versions of the Description of Naranu Gerel's Descent to the Buddhist Hell // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 1988. T. XLII. Fasc. 2-3. PP. 281–306.

Sazykin 1994 – A G. Sazykin. Catalogue of the Mongol manuscripts and xylographs in the Library of the Tuvan Ethnological Museum "Sixty Heroes (Kyzyl)" // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XLVII, fasc. 3. – Budapest, 1994. PP. 327–407.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

Töböddi-yin xutuqtu Gūsū blama nirvān boluqsani tuuḡi oroṣibo

(Рукопись С 391, ИВР РАН)

В транслитерации текста использованы следующие условные знаки:

Знак равенства = ставится в месте переноса части слова на другую строку.

Круглые скобки () заключают в себе межстрочные вставки в тексте рукописи.

Квадратные скобки [] заключают в себе графему, пропущенную в тексте и восстановленную как несомненную. Знак равенства в скобках [=] указывает на правильное написание слова

Издатели исправили некоторые очевидные опечатки и погрешности в опубликованной транслитерации А. Г. Сазыкина, сличив ее с текстом рукописи и черновиком транслитерации, выполненным А. Г. Сазыкиным. Исправления сделаны с использованием вышеперечисленных условных знаков, но с пометкой в сноске <Изд.>.

Кроме того, в тексте были выделены стихотворные отрывки.

Ойратская рукопись из Синьцзяна («Xutuqtu Gūsū blamayin tuuḡi oroṣibo») по своему содержанию не отличается от текста, опубликованного Сазыкиным, ее факсимиле публикуется отдельно, а разночтения с петербургской рукописью были внесены в транслитерацию А. Г. Сазыкина в сносках с пометкой XGMO 0299.

[1a] Töböddi-yin xutuqtu Gūsū blama nirvān boluqsani tuuḡi oroṣibo:*

[1b] Töböddi-yin xutuqtu Gūsū blama nirvān boluqsan aḡi¹ nirvān boluqsani xoyino teqṣi² burxani oron-du ese kürči dorogṣi tamu-du čü ese kürči: tere xo=yoriyin dundadu xōsun tamu-du unaḡi tegēd unaq=san-yēn xoi-no medeḡi: ḡurban erdeni'-yi sanaḡi om māḡi pad me huḡ:: kemēn ungṣād zūreken-dēn sed=kiḡi sanaqsan-yēn tulada: öndür oulayin beldü ḡar=či dēqṣi ḡarči³ üzetele nigē ada-biṣi tenggeri-dü tul=ḡi bai-xu mösün uula üzeq=debei:: basa tere kötöldü emegen kümün-dü zolḡoḡi: blama zarliq bolboi ai emegen ene mö=sün uula youni tula бүтүқсен oula bui geḡi asaqbā: tere emegen xa=riu ögüülebei: xutuqtu Gūsū [2a] blama či ese medeqsen buyu: xoyor zayāni dundadu mösün oula geqči ene bui: xutuqtu Gūsū blama asaqbā: emegen tere kötöl dēre yeke xoi [C 236: qoriyan] doto=ro xamuq бүгүде arātani beye üzeqdebe: tere youn bui (geḡi) asaq=bā: tere dēdū altan körgö youn bi geḡi asaqbā: töüni dorodu⁴ xoyitu ḡuuli[n] körgö youn bi geḡi asaqbā: töüni dorodu zes körgö youn bi geḡi asa=qbā: töüni dorodu tömür kör=gö youn bi geḡi asaqbā: caḡān ca'ng deledüqči bürē tataq=či nom ungṣiq-či zurḡān [ü]zü=gi tölöḡi nāduqči xamuq bla=ma baḡdi-yin xuraq-san čuulyān youn bi geḡi asaqbā: basa töüni cādu caḡān bayišing dotoro yeke kengger-ge deledüqči: youn bi geḡi asaqbā: nādu⁵ ye=ke [2b] dalai youn bi geḡi asaqbā: basa dorodu⁶ xara[n]ḡyui körgö youn bi geḡi asaqbā: tere emegen xa=riu ögüülebei: bi ükēd dolōn on bolboi bi: či blama sünesün-yēn beye-ēce xaḡačuul-ḡi abči odxui-yi ese üzebüči ā [=ē]⁷: či tere kötöli bü dāri dārixula mou bui: buyān keṣiq⁸ ḡurban er=deniyiḡi itegēq-či nigen üzür=tü⁹ čing sedkil

* <Транслитерация приводится по изданию: Sazykin A. G. The Oirat (Kalmyk) Version of «The Story of Gusu-Lama» // Manuscripta Orientalia. St. Petersburg; Helsinki, 1997. Vol. 3. P. 33 – 38. > Транслитерация текста выполнена по ойратской рукописи С 391 из собрания монгольского фонда Института восточных рукописей Российской Академии наук (ИВР РАН).

¹ XGMO 0299: xoyino.

² XGMO 0299: dēqṣi.

³ XGMO 0299: xaraḡi.

⁴ XGMO 0299: cādu

⁵ XGMO 0299: cādu.

⁶ XGMO 0299: dēdū.

⁷ <Изд.>

⁸ XGMO 0299: keqsen.

⁹ XGMO 0299: üzeqtü.

bariqsan kümün dāri-xula ɣai ügei bi¹: töün-ēce busu kilincetü ami=tan dāri-xula xamuq bügüdē arātan zouxu² zam bui: tere dēdū al=tan körgö burxani ɣazar-tu od=xu zam bui: töüni (xoi-tu) ɣouli[n] körgö umara zügiyin Abidabā³ burxani buyan xurāxu ɣazartu odu zam bui: töüni dorodu zes körgö ɣučin ɣurban tenggeri-yin ɣazar-tu odu zam bui: töüni dorodu tömür körgö Erliq xān-du odu zam (bui): tere cang deledüqçi bürē tataqçi nom: ungšiqçi zurān [ü] züqgi töloji⁴ [3a] nāduqçi xamuq ulus blama bañdiyin xurāqsan čuulān uridu amidu caqtān⁵ blama bañdi xoyor xamuq erkin [=irgen]⁶ ulus bügüdēr xamtu buyan üyiledü=qseni küčün-yēr jir-ɣaqsan udxu inu ene bui: tere caɣān bayišing dotoro yeke: kenggerge deledüqçi Erliq xāni beye tere tenggeri⁷ bui: nādu yeke dalai nere inu šesün da=lai bui: basa tere xutuqtu Gösü blamadu emegen ögüülebei: tere tömür körgöyin zam-yēr odu čī⁸ Erliq xāndu zolyo: tamuyin erke yeke buyu: üçüü=ken buyu: üzeji zolyo⁹: töüni xoyino xutuqtu Gösü blama tömür körgöyin zam-yēr ɣarči üzeqdetele¹⁰ xutuqtu Gösü blamayin xoyino-ēce ere eme olon kümün daxaji iretele tere tö=mür körgö xubil-ji kil-ɣasuni činēn bolji tere tere olon ere eme kümün giškiküdü tere: [3b] kilyasun tasuraji tamu-du unaji tere körgö xubilji kilyasuni činēn boluqsan udxu inu tere bui: uri=du amidu caqtān kilincē keqsen blamayigi dorom=jiloqson ɣurban erdeni=yin-gi ülü bišireqçi amitani kilyasun körgö¹¹ tere bui: tere xutuqtu Gösü blama tömür körgöyin zam-yēr odu-ji: Erliq xāni xāɣadu kürči bayiba: töüni xoyino Erliq xān uq[tu]ji ireji zolyobo:: tere xutuqtu Gösü blamadu Erliq xān zarliq bolboi:

amidu zayāni mungxaq a=mitan ɣaqca kümün
mingya nasulaxuyin činēn sanaji kilincē olo kekü bu'i:
blama nomi xudal bui: geji kelekü bui:
oluqsan zōqsön-yēn baraq-daxu [4a] činēn ülü sanaxu bui:
[ü]müsüqsen debil-yēn eleküyin činēn ülü sanaxu bui:
morin-yēn üküküyin činēn ülü sanaxu bui:

¹ XGMO 0299: bui.

² XGMO 0299: suuxu.

³ XGMO 0299: Amidabha.

⁴ XGMO 0299: töluqçi.

⁵ XGMO 0299 zayāndan.

⁶ XGMO 0299: ergin.

⁷ XGMO 0299: tenggeriyin dergede.

⁸ XGMO 0299 вместо odu čī стоит odči.

⁹ XGMO 0299: bolyo.

¹⁰ XGMO 0299 odtolo.

¹¹ XGMO 0299: körgö geqçi

bi töüni tu=lada zöb-tü buruu-tui=gi ilɣayā geji
xoyor zayāni dumda souqsan bui: bi
xutuqtu Gösü blamadu Erliq xān zarliq bolboi:
ci amidu zayāni erkin [=irgen] ulustu suryāl kelē
jiryal-tu burxani ɣazar-tu odboi bi geji kele
zobolong-tu tamuyin ɣazartu odboi bi geji kele::
nom buyani keqsen kümün-ni beye inu tenggeri-yin dēre
niyour inu na=rani gereldür adali bui:
nom buyan ügei kümüni inu tamuyin dotoro:
niyuur inu zourasqan [4b] šabar-tu adali bui:

Erliq xāndu Gösü blama zarliq bolboi: tere cādu čusu-tu yeke dala'i dotoro olon kümü=ni toloyoi üzeqdeji bayinam tere youni tulada tegeji bayixu bui: geji asaqbā:: basa tere cādu caɣān taladu ide=kü ügei ümüskü ügei ou=xu ügei olon kümün ü=zeqdem: idekü ügei-dēn ɣazar uxuji sounam tere¹ uxuqsan xuryuni eleji buyouduni kürči buyou=ni eleji toxoi-duni kürči toxoi-ni eleji müren=düni kürči bayinam: tere: youni tulada tegeji² bai=xu bui: geji asaqbā: töün-ēce nādu³ olon kümüni basa üzeqdeji bayixu youn bui: köl inu cöm⁴ muxur bayinam tere youni [5a] tulada tegeji bayixu bui: geji asaqbā: basa yeke dalayin tende olon kümün üzeqdenem:

amani [=C 236: iman-i] činēn alxutu
alxu ya=daxu költöi
ai-liyin tödüi terigüütü:
oulayin tödüi beyētü
asuri narin kilyasuni činēn xōloi-tu
olon kümün üzüqdem

tere: youni tulada tegeji bayixu bui: geji: asaqbā: töüni dorodu⁵ xarang-ɣui ɣazar-tu olon kümün xoxui ezei axai yoyō yoyō abai axai geji bayinam: tere youni tulada tege=ji bayixu bui: geji asaqbā: basa zōün tali⁶ olon kümün xuraji čuq=laji bayinam [5b] nom ungšixui-yi sonos=xu biši: šibineldüji bayinam: tere youni tulada tegeji bayixu bui ge=ji asaqbā: xutuqtu Gösü blamayin xoyino

¹ XGMO 0299: tere ɣazar.

² XGMO 0299 čingnaji.

³ XGMO 0299: cādu.

⁴ XGMO 0299: cuq.

⁵ XGMO 0299: dotoro.

⁶ XGMO 0299: zōün-te.

Erliq xān zarliq bolboi:: tere¹ čusu-tu yeke dalai dotoro olon kümüni to=loγoi üzeqdeji bayiqči tere xoyor kümüni xō'r-umda² zusur üge keleqči xobloqči alalduji üküldüji yabuq=san kümüni toloγoi genei oqtoloji³ čusuni (urusči) dalai boluqsan udxa' inu tere bui:: tere cādu⁴ dergedüki⁵ olon kümün üzeqdeji yazar uxu-ji souxu udxa inu ene bui: blamadu amidu:: [6a] caqtān idēn undan ümüskü züüküi-yi xayiralan yabuji töüni tula idekü⁶ ündesü ü=gei⁷ uuxu ügei ümüskü ügei ülü oldoxu bolxuyin ud=xa inu ene bui: töüni tula yar inu eleji möri-dü kürüqseni tere bui: töüni nādu tuladu olon kümün muxur boluqsani amidu caqtān blamayin ö=mönö-ēce köl-yēn jiyiji burxani nomi kölgöni giš-gi=leji⁸ yabuqsani tula köl ügei boluqsan udxa inu tere bui: basa tere yeke dalayin cādu

amani [=C 236: iman-i] činēn al=xutu

alxun yadaxu költü

ai=liyın caq terigüütü

oulayın caq beyetü

asuri narin kilyasuni caq xōloi-tu

boluqsan udxa inu: altan mönggön idēn bayiri⁹ [6b] xaram-laqsani [tula]¹⁰ biridtü töröq=sön udxa inu tere bui: nādu dorodu xarangyui yazariyin olon kümün yoyō xoxui xala=xai yākiyā axai abai geji yasa=luqsan udxa erüütü tamu geqči tere bui: (uridu amidu caqtān ecege¹¹-youyān alaqsān kümüni ene erüütü tamu geqči-dü unayaxu udxa' ene bui::) basa yosu ü=gei amitan ami tasuluqsani tu=la tamudu unayaxu udxa inu tere bui: zöüküle [=zöün tala]¹² olon kümün šibinel-düji bayiqči amidu caqtān nom un[g]šixui-yi ungšāči¹³ yabuqsan blamayigi blamayin zarligi büši bui: geji sanaqsan kümüni čikindu inu xayiluqsan širemü čudxuxu doun doun-yēn ülü sonos=či šibineldükü udxa inu ene bui: basa tere xutuqtu Gösü blama Erliq xāndu zarliq bolboi:

¹ XGMO 0299: tere cādu.

² XGMO 0299: xōr-dunda.

³ XGMO 0299: utalji.

⁴ XGMO 0299: cādu cayān talayin

⁵ XGMO 0299: zergedüki.

⁶ XGMO 0299: idekü ügei.

⁷ XGMO 0299: вместо ündesü ü=gei стоит undāsun.

⁸ XGMO 0299: biši geji.

⁹ XGMO 0299: bayuur.

¹⁰ <Изд.>

¹¹ XGMO 0299: ecege eke

¹² <Изд.>

¹³ XGMO 0299: moušāji.

bi Erliq xāni zarliq-yēr

amiduyin zayāni ergen [=irgen] ulustu

suryāl kele=sü bi:

tende¹ tamu-du odči

sayin mou-gi üzeji irēd: [7a] zarliq bolsu:

tende² kürüqseni xoyino širemün toγōn-du: olon kümüni činaji bayixui-yi³ tamuyin ezēd-ēce asaqbā: youni tula činaxu bi geji asa=bā: činaxu-du yasun maxani ö=börö öbörö iljireqsen-dü⁴ blama öbörö-yēn beyebēn⁵ metü sanaji öröšöji tere xutuqtu Gösü blama uyilaži tamuyin⁶ e=zēd keleküdēn xutuqtu blama či youni tulada uyilanai či geji asaqbā: xutuqtu Gösü blama zarliq bolboi: ene kümüni⁷ širemün toγōn-du činaxui-gi üzüji uyilababi gebe: blama youni tula uyilaba: ene uri-du amidu caqtān süme burxani ebdeji nom erdeniy=yi tüleji doroljiloji [=doromjiloji] yabuq=sani tula činaxu udxa inu tere bui: xutuqtu Gösü blama cānan⁸ odči üzetelē šöböğö⁹ oula-du [zoun] nayiman tö=mür: [7b] degēgi dēqši¹⁰ xāndoulji dēdū degēdū kümü ölgüji dorodu degēdū salkindu kiy-skeji bayixu-du san=jil-zaji¹¹ bayixu-du inu zu(ru)qdaži kiyime boltolo: tataji bayixui-yi xu=tuqtu blama Gösü blama¹² tedeni beye abxu-du yasun ü=sün inu turči xocorči töüni xoi-no basa edegēji ki=rōdōji urtu nüdüji sü=kes-yēr colgiji¹³ tēmedeji uyilaži čurkiraji bar=kiraji bayixui-yi xutuq=tu Gösü blama üzüji rōbēn (?) ebeči¹⁴ doqšin bur=xāni zūreke tarni sedkiji [C 236: usu] tarnidači cacuxu-du te=re nayiman xaluun tam'ui-gi xōsun bolγoji tamu-ēce tonilyōji burxāni yazartu kürgebei: basa tere töüni cāna üzetele [8a] küyitōn tamudu unayāji lingxo¹⁵ metü kürüqseni xoi=no tamuyin¹⁶ nara xarangxui [=xarangxui]

¹ XGMO 0299: ende.

² XGMO 0299: tende tamudu.

³ XGMO 0299: bayixui-yi üzeji.

⁴ XGMO 0299: šaljaraqsan-du.

⁵ XGMO 0299: beyebēn šaljaraqsan.

⁶ XGMO 0299: tere tamuyin.

⁷ XGMO 0299: olon kümüni.

⁸ XGMO 0299: činaqši.

⁹ XGMO 0299: šibegetü

¹⁰ XGMO 0299: doroqši.

¹¹ XGMO 0299: šaljaraži zuraqdaži.

¹² XGMO 0299: blama üzeji.

¹³ XGMO 0299: cokilaji.

¹⁴ XGMO 0299: öröbēn ebedči.

¹⁵ XGMO 0299: padma.

¹⁶ XGMO 0299: tere tamuyin ezed.

urida xou tataji abxudu arasun üsü'ni torči xo=corči töüni xutuqtu Gösü blama üzeji öröşöji usu tarnidaji cacuxudu nayiman küi-tön tamu-ēce yarči basa gesüqsüni xoi=no tamudu¹ unayāqsadi bur=xani yazartu zāji öqči: ilgebē: basa xutuqtu Gösü blama basa xarangyui yaza=riyin tamu-du odči: yeke dou doulaji ungšixu-du yurban erdeniyin kücün-yēr xarangyui tamui=gi gegēn bolyoji töüni² cāna üzetele xayircaqtu tamu-du kürči tere xayircaq-tu tamuyin [=tamuyin xayircaq] nēlūgē nēji ü=zebe basa üzeküdü xayir=[8b]=caq dotoroki olon kümüni nigen nigen-yēn ideldüji kebtéküi-yi xutuqtu: Gösü blama üzeji tere: tamuyin ezēd-ēce asaqbā: tere tamuyin ezēd kelekü-dēn uridu amidu: caqtān [C 236: ene tamu datora idilčejü kebtégči amitan ber urida amidu büküyin jayayan-dur bey-e bey-e-yin ed-iyen idege-yi adal mal-i arɣ-a jali qudal qayurmay-iyar qongjiu idilčigsen-iyer: eduge qayirčay-tu tamu-dur unaju öberün öberün bey-e-yi idelčejü kebtég-sen-ü udq-a tere bui kemebe: qutuy-tu Gösü blam-a nigen ekitü nom ungšiqui-dur qayirčay-ud inu ebderčü böged: tere tamu-yin amitan-i tonilyaju burqan-u yajar-i jiyaju ilgebei: basa qutuy-tu Gösü blam-a tegünče činayši odbasu: bayasun šigesün-ü dumda olan kümün-i kebtē-küyin dergede kürčü qutuy-tu Gösü blam-a üjged: tere tamuyin ejed-ece asayubai: tede amitan yayun-u tula teyimü boluysan bui kemebesü: tamuyin ejed ügülerün] uridu amidu: caqtān blama burxāni bu=zarlaji yabuqsani tulada šēsün bāsuni dunda tō=toqsoni [=tō=[rö]qsöni]³ udxa inu tere bui: basa xutuqtu Gösü blama cāna üzetele olon eme⁴ xurāji uran [=C 236: dörbön] kümün(-yer): tömür ulayilyaji dörbön⁵ züq büri tataji šoukinatala xāriji souxui-yi xutuq-tu Gösü blama üzeji ta=muyin ezēd-ēce asaqbā: te=re tamuyin ezēd keleküdēn uridu amidu caqtān altatu mönggütüyigi ümüsümüi altatu [=amtatu] idēni ideji ali-yēn⁶ üi=lei-yi sayišāji yabuqsani [9a] tula xārixu udxa inu: tere bui: basa xutuqtu Gösü blama nigen ekitü nom nomloxui-du züq⁷ büri tataji⁸ dörbön kümün barixu yariyā aldaji tamu-ēce tonilyoji burxani yazartu zāji öqči ilgebe: basa xutuqtu Gösü blama: töün-ēce cāna üzetele maliyin tamu-du kürči tere mal

¹ XGMO 0299: tere tamudu.

² XGMO 0299: basa töüni.

³ <Изд.>

⁴ XGMO 0299: emeši.

⁵ XGMO 0299: dörbön kümün.

⁶ XGMO 0299: aljiyās.

⁷ XGMO 0299: tere züq.

⁸ XGMO 0299: tataqči.

usu üzeküle oun ülü čidaxu öbözü üzeküle iden ülü čidaxu xutuqtu Gösü blama üzeqsen-dü tere tamuyin zergedü¹ altan mal'gai-tu² burxāni olon aqsanaji: tere altan malay'ai-tu burxani-ēce xutuqtu Gösü blama asaqbā: či eyimi xutuqtu burxan söüji [=souji] bögötölö ene mali youni tula tamudu unayāba: či gebe: tere altan malayai-tu burxan xutuqtu Gösü blamadu³ xa=riu [9b] ögüülebei: uridu ami=du caqtān kilinceyin: kücündü⁴ tamu-du unaqsani ud'xa inu tere bui: :: (kemebe) xutuqtu Gösü blama ni'gen (ekitü) nom nomloxui-du tere tamu-ēce tonilyoji burxani yazar-tu töröül-bei: tere xutuqtu Gösü blama tende-ēce xa=riji ireji Erliq xāni xālyadu kürči soutala Tang=yudiyin Nirzamca⁵ blama: nirvā[n] bolji oqtoroyin dēgüüber adabiši yeke čimēn yarči odxui-yi Erliq xān sono[s] či ars'lan terigüütü küböün-yēn ilgebe ars'lan terigüütü elči Erliq xān-du ireji kelebe: tere uri=du amidu caqtān er[ke]tütü blama aqsanaji: yeke⁶ tamui-yi xōsun bolyoji naran yaruqsan metü ödö bolji odbo: bi asaq=xudān iyimi yeke⁷ tamui-yi [10a] xōsun bolyoji odxu ken neretü kümün bui geji asaqbā: bi: tere Tangyudiy Nirzamca⁸ blama zarliq bolboi: amidu⁹ caqtan xatuujin: diyān soulayibi tere kü=čüni¹⁰ tula oqtoroyin dēgüür ödö bolxu mini ene bui geji zarliq bolji yabuba: basa ni=gen bars terigüütü čid=kür ireji Erliq xān-du ügē kelebe: xoi=no-ēce mini buyan-tu: blama ödö bolji āšin amidu caqtān zurjān [ü]züq tümen temesün ungšiq=san aqsanaji töüni udxa inu morin üker-tü açiji odui zes körgö-dü kürči odui tere (zurjān) [ü]zügiyin kücünü tula xamuq amitan yučin: [10b] yurban tenggeriyin-neriyin dēre tataji: abči yarba: geji tere bars terigüütü čidkür Erliq xān-du ayilad=xaba: Erliq xān zarliq bolboi teyimi yeke blama nada zolyotuɣai geji yadaqši mürgüji bayibai: nigen cayān kümün nigen xara kümün xoyor Erliq xāndu zolyoboi burxan zarliq bolxudān cayān kümün xara kümün xoyor kilincē ügei bui: geji kelebe: čidkür keleküdēn ene xoyor kümünü ki=lincē inu olon bui geji kelebe: Erliq xān zarliq bolxudān burxan čidkür xoyor bulāl=duuni [=bulāldunam]¹¹ či cayān kümün či nada ügēn kelege=be: [11a] bi: tere cayān

¹ XGMO 0299: dergede.

² XGMO 0299 maxlayitu.

³ XGMO 0299: blamayin xoyino.

⁴ XGMO 0299: kücün-yēr.

⁵ XGMO 0299: Irzamči.

⁶ XGMO 0299: kübčin yeke.

⁷ XGMO 0299: mani yeke.

⁸ XGMO 0299: Tangyudiyin Irzamči.

⁹ XGMO 0299: bi amidu.

¹⁰ XGMO 0299: diyāni kücün-yēr.

¹¹ <Изд.>

kümün kele=küdēn

bi amidu caqtān noyon kümün belei bi
nada kilincē ügei gebe:
tenggeri burxān-du takil örgüle bi
γuyilyači-du kümün-dü γui-laya ögü=lei bi
zoun nayiman nom biči-bei bi:

basa Erliq xān zarliq bolji: kelekü=dēn ene kümün itegel ügei kümün bayinam
gebe: bičī'čin bičiq nēji üzeji keleküdēn buyani olon bayinam geji ke=lebe:
tolidu üzeji či(ng)nüürtü čingneji üze='ji üzeküdü tabin nai=man nomi nigen
kilin=cē-luya teneg bolji: basa Erliq xān [zarliq] bolboi:

ene cayān kümün sayin itegel-tü kümün bayinam [11b]
zarim kümün xara beyēn üküküyin činēn ülü sanaji bayinam
ed barān-yēn ülü eleküyin či=nēn ülü sanaji
unuqsan morin-yēn eceküyin činēn ülü sanaji
γurban erdeniyin-yi sanaxu=la töüni ači ürē inu ene bui:
cayān sedkil-tü kümün-lügē ali kümün
nigen čü burxan-du šü=tüküle ende cuululcaji
umara zügiyin Abi=dabā burxani γazartu kürkü bui:

basa Erliq xān zarliq bolboi: xara kümüni ese itege=ji bičī'čini bičiq nēji üzebe:
basa čing=nöür-tü čingneji üze=be: töüni xoyino üze=küdü uridu amidu [12a]
caqtān buyan üyiled=küdü dara [=dura] ügei sanji burxan blama xoyor-tu
mürgükü dura ügei mürgü=kü kümüni ülü tālaji ya=buqsani tulada tamu-du
unayāba geji kelel-dü=be xara sedkil-tü kümü=ni ken zöbšöji tede бүгүдә arban
nayiman tamu-du orkixu udxā inu ene bui: Erliq xān-du cayān eme xara eme
xoyor zolyoji burxan zarliq bolxudān ene xoyor eme-dü kilincē ügei bui: uridu
amidu caqtān buyan burxan nomdu du=ratai: geji čidkür ke=leküdēn üküülkü
kilin=cēn inu olon bui: gebe: burxan blama nomi ü=gei geji kelebe: Erliq xān
zarliq bolxudān burxan [12b] čidkür xoyor bulāldunam či cayān eme ügēn
kelege=be: tere cayān eme kelekü=dēn

bi uridu amidu caq=tan
dolōn köbütei be=lei bi
dolōn buyan üi=ledbei: bi
burxani takim belei bi
toyidi kündüleji belei bi:
mini xoi-no do=lōn küböümini

dolōn buyan üyiledkü bui:

geji kele=be:: Erliq xān zes körgö=yin zam-yer γučin γur=ban tenggeriyin-
neri=yin γazartu ilgebe:: xara emei-yi bičī'čin bičiq nēji keleküdēn ene xara
eme uridu amidu caqtān blama bur=xani doromjiloji yabu=qsan aji xarangyui
mingyan kilincē üyiledči yabuqsani tula xarangyui tamu-du unayāxu udxā ene
bui: Erliq xān zarliq bolboi:

bi ene zöb-[13a]-tu buruutui-yi ilya=ya geji
ene xoyor zayāni dumda souq=san bui bi:
xutuqtu Gösü blama či
amidu za=yāni ulustu suryāl kele gebebi:
buyan keqsen kümüni
burxani γazartu tö=röülkü mini ene bui::
xarangyui mungxaq üyilēd=küle xara sedkil-tü kü=müni
xarangyui tamudu or=kixu ene bui:

geji kelebe: xutuqtu Gösü blama xariji iretelē inu xo=yor zayāni xōr-dumdu
endeki emegen zolyobo xutuqtu Gösü blama zarliq bolboi: ai emegen uridu
zayān čini mini eke belei či ödügē ene zayāndu burxani γazartu tö=rökö geji:
xariji odsu xu=tuqtu Gösü blamayin Erligiyin zakā tögüsbē:: ::
[13a] Ene nomi Atuyur bičibei ene ödür γurban: nom bütübei:

ПЕРЕВОД

A STORY ABOUT THE DECEASED SAINT TIBETAN GÜSÜ-LAMA

(Рукопись С 391, ИВР РАН)

Условные знаки, используемые в переводе:

В квадратные скобки [] заключены слова, уточняющие перевод;

**[1a] A STORY ABOUT THE DECEASED
SAINT TIBETAN GÜSÜ-LAMA¹**

[1b] The saint Tibetan Gösü-Lama died. On his death he did not reach the land of Buddhas, did not go to the Lower Hell, but fell to the Hell of Void between them. On falling down [he], due to his contemplation about the Three Jewels and the incantation of om mani padme hum, penetrating [into its meaning], reached the slopes of a high mountain. Ascending higher up he saw a mountain completely of ice, which seemed to support the sky. On that slope he met some old woman Lama asked: “Oh, old woman, what this mountain of ice has been made for?” The old woman answered “Saint **[2a]** Gösü-Lama, don’t you know? [It] is called “The Ice Mountain between Two Rebirths”.

Saint Gösü-Lama asked [again]: “Old woman, on that slope, within a huge enclosure, all have the appearance of beasts of prey. What is that? What is the high golden bridge over there? What is that lower bridge of yellow copper behind it? And lower there, what is that bridge of red copper? Below it, what is that iron bridge? What is that gathering of lamas and monks who are merrymaking, beating cymbals, trumpeting, reading sacred books and counting six syllables (mani)? What is the white house behind them where they are beating a great drum? Closer **[2b]** here, what is this great sea? What is that gloomy bridge there below?”

The old woman answered: “Seven years had passed since the time I had died. I see that you also, lama, detached your soul from your body. Do not go to that slope. If you go, it will be bad. The virtuous ones and those who respected and firmly remembered about the Three Jewels, even if they go there, no harm will befall them. All the other sinful creatures, if they go there, all will turn into beasts of prey. That high golden bridge conducts to the land of Buddhas. The bridge of yellow copper, which is behind it, leads to the realm of the virtue of Amitabha, the Buddha of the northern quarter. The bridge of red copper leads to the realm of thirty-three tengris. The lower [most] iron bridge leads to Erlig Khan. As for she gathering of all these lamas, monks and laymen, who are merrymaking there, **[3a]** beating cymbals, trumpeting, reading sacred books and counting six syllables (mani), before, when they were alive, the lamas, monks and all the people – all together – were performing virtuous deeds. That

¹ <Перевод приводится по изданию: Sazykin A. G. The Oirat (Kalmyk) Version of «The Story of Gusu-Lama» // Manuscripta Orientalia. – St. Petersburg; Helsinki, 1997. Vol. 3. P. 33 – 38>.

is why they have a blissful existence. In that white house stays a tengri in the appearance of Erlig Khan beating a great drum. The sea which is closer here is called "The Sea of Urine". And the old woman also said to Gösü-Lama: "Going by that iron bridge you will meet Erlig Khan. You will see if the power of Hell is great or little, and [then] meet [Erlig Khan]".

After that saint Gösü-Lama went by the iron bridge. But as soon as he went forth, a multitude of men and women followed him. But that iron bridge became thin as a hair, and when that great number of men and women stepped on it, [3b] it broke, and [they all] fell down to Hell. This is the reason why the iron bridge became thin as a hair. For those living beings who committed sins in their lives, abused lamas and were not respecting the Three Jewels, the bridge of hair [is designed].

Saint Gösü-Lama went by the iron bridge and approached the gates of Erlig Khan. Erlig Khan came to meet him and spoke to saint Gösü-Lama: "In their lives stupid living beings and men commit numerous sins thinking that they will live a thousand years. Saying that lamas and the sacred teaching are lying, they do not think about the loss of what they have gained. [4a] They think that their dress will never be worn out and their horse will never fall. To distinguish between true and the false I am staying here, between the two kinds of rebirths". [After that] Erlig Khan ordered saint Gösü-Lama: "Take my admonishment to all the people now living. Tell them that you have visited the blessed land of Buddhas and the realm of torturous Hells. The body of a righteous man is better than [the body] of a tengri. His face is like sun-shine. The body of a man who performed no virtuous deeds is in Hell. His face is like a mixed [4b] clay.

Gösü-Lama asked Erlig Khan: "There, far away, what are these heads of numerous people amidst the great sea of blood? What for are they [placed] there? Further on, in the white plains, many people are seen having no food, no drink, and no clothes. Those who have no food are sitting, scraping the earth. Their fingers are torn to wrists. Their wrists are torn to elbows. Their elbows are torn to shoulders. What for it is done to them? What is the multitude of people closer here? Why have they been left with no legs? [5a] By the great sea a multitude of people is seen. Their mouth is [like a pea], their feet are not able to walk a step, their heads are huge as a house, their bodies are huge as a mountain, their throats are like the thinnest hair. What for was it done to them? Below them, in a sombre realm, numerous people are crying 'Oh, dear! Oh, dear!' What for it is done to them? To the left [of them] there gathered many people. [5b] They do

not hear the recitation of sacred books, [but are only] whispering. What for it is done to them?"

After saint Gösü-Lama had [asked about it], Erlig Khan said: "Those heads of many people visible in that sea of blood are the heads of those who, when alive, by spreading slander among people were making them commit murder. When [the slanderers] were beheaded for that, this sea was formed by the streams of blood. The reason why there, further on, numerous people are sitting and scraping earth, is the following. In their lives, [6a] having food, drink, and clothes, they were giving neither food, nor drink, nor cloth to lamas because of their greed. For that their arms are torn to the shoulders. The stumps who are closer here, in their lives were stretching their legs in the presence of lamas and trampling over the sacred of Buddha. That is why they were left with no legs.

Those who are sitting by the great sea, their mouth small as a pea, with feet unable to walk a step, whose heads are huge as a mountain, whose throats are like the thinnest hair, were in their lives greedy for gold, silver goods and food. [6b] That is why they were reborn as birds.

Closer here, in the sombre realm, many people are crying: 'Oh! Oh, father! Oh, mother!' This is the Torturous Hell. In their lives these people have murdered their fathers, also they were lawlessly taking lives of living beings. That for they collapsed into the Torturous Hell. The multitude of people, who are whispering on the left, in their lives were not following the instructions of lamas, who were reading sacred books. That for melted cast iron was poured into their ears. That is why they whisper not hearing a sound".

Saint Gösü-Lama addressed Erlig Khan again: "By the order of Erlig Khan I shall go and take your instructions to the people living. [But first] I shall go to the Hell and see what is good and what is evil". [7a] When he reached the [Hell], he [saw] how a great number of people were boiling in a cauldron of cast iron, asking the masters of [that] Hell: "What for are we boiling?" When boiling meat was falling off from bones. Saint Gösü-Lama was distressed and began to cry, as if his own body [was boiling there]. "Saint lama, why do you cry?" – asked the masters of [that] Hell. Saint Gösü-Lama answered: "I cry, because I see those people boiling in a cauldron of cast iron". "They are boiling, because in their lives they used to destroy monasteries and buddhas' images and were abusing and burning sacred relics".

Saint Gösü-Lama went further and saw how on a mountain [named] "Awl" [7b] [C236: a hundred and] eight hooks were raised with a man hanging on

each. When strong wind blew, they were swinging and falling into pieces like hemp husk. When saint Gösü-Lama touched their bodies, bones and hair fell off. After that they were restored to life, sawed, pounded in a mortar and cut with axes. [All] were crying, weeping and wailing. Seeing this, saint Gösü-Lama considered the secret incantation of the fearsome Medicine Buddha, sprinkled holy [water] and devastated those eight Hot Hells. Liberating [all] from Hell, he sent them to the land of Buddhas. Then, looking into the distance, [8a] Gösü-Lama saw how falling into the Cold Hell were becoming lotus-like. When they were dragged out from Hell, their skin and hair were falling off. In his mercy saint Gösü-Lama sprinkled holy water, brought everyone out from the Cold Hell and, after instructing them sent the fallen ones into the land of Buddhas.

Then, upon coming to the Dark Hell, saint Gösü-Lama [saw people] crying loudly. Reciting [a prayer], by the power of the Three Jewels he illuminated the Dark Hell. Then he went to the Box Hell. Opening a gash in that devilish box and looking inside [8b] he saw that numerous people were lying in the box, devouring each other. Seeing that, saint Gösü-Lama asked the masters [of that Hell] about [the reason of their suffering], and the masters of the Hell answered: “[Supplemented from manuscript C 236 – All living beings lying and devouring each other, in their former lives were feeding, acquiring property, food and herds by cunning and trickery, cheating each other. That is why now, falling into the Box Hell, they are lying there, devouring each other”. When saint Gösü-Lama recited the Sacred Book, the boxes fell apart. On liberating the living beings of that Hell he sent them to the land of Buddhas.

Then saint Gösü-Lama went further and came upon numerous people immersed in urine and excrement. Seeing this, saint Gösü-Lama asked the masters of that Hell: “What for these living beings are here?” “[These], in their former lives, were abusing buddhas and lamas. That for they are thrown into excrement and urine”.

Looking further, saint Gösü-Lama saw how, on bringing together numerous women, [C 236: four] men, beating iron redhot, are stretching out and cauterising [them]. Saint Gösü-Lama asked [about the reason for their suffering] the masters of [that] Hell, and the masters of the Hell answered: “They are cauterising them, because in their former lives they were decorating themselves with gold and silver, and were eating delicious food”. [9a] Saint Gösü-Lama again recited the principal Sacred Book. The four men dragging [those women] apart let them go. Liberating [them] from Hell, saint Gösü-Lama sent [them all] to the land of Buddhas.

Then saint Gösü-Lama reached the Hell of animals. Those animals, seeing water, could not drink, seeing grass, could not eat. Looking around, saint Gösü-Lama [noticed] by that Hell numerous buddhas in golden headgears. Saint Gösü-Lama asked of [those] buddhas in golden headgears: “Why, at the time when you, saint buddha, are sitting [here], these animals are being thrown into Hell?” “But they were overthrown into Hell for the sins they had committed in their lives” – answered that buddha in a golden headgear. [9b] Saint Gösü-Lama recited the principle Sacred Teaching, liberated those [animals] and sent them to be reborn in the land of Buddhas.

[After that] saint Gösü-Lama came back and sat by the gates of Erlig Khan. At that time Erlig Khan heard the noise produced by a Tangut lama [named] Irdjamts, who died and was ascending to Heaven. [Erlig Khan] sent his lion-headed son [to have a look]. The lion-headed messenger came back and reported to Erlig Khan: “In his life he was a powerful lama. Now he is proceeding, devastating the Great Hell and rising there the sun. When I asked [10a] the name of the man, who was devastating the Great Hell, that Tangut lama Irdjamts answered: ‘In my life I have shown firmness staying in meditation. Due to this I now go to Heaven’ ”.

There came also a tiger-headed devil and reported to Erlig Khan: “A virtuous lama is following me. In his life he innumerable times recited the six syllables (mani). Loading horses and cows he is going by the bridge of red copper. By the power of those six syllables he led all the living creatures [10b] [to the realm] of thirty three tengris”. When the tiger-headed devil thus reported to Erlig Khan, he said: “We should meet such a great lama”, and coming out he bowed.

[After that] a white and a black man were brought to Erlig Khan. The buddha [who brought them] reported: “The white and the black man have no sins”. The devil [who came with them] said: “These two men have numerous sins”. Then Erlig Khan ordered: “A dispute arose between the buddha and the devil. [Therefore] you, white man, speak”. [11a] The white man told [them]: “In my life I was a noyon. I have no sins. I made offerings to buddhas and tengris, gave alms to beggars, copied one hundred and eight sacred books”.

Erlig Khan ordered again: “They say that this is not a virtuous man. Scribes, look in the record, how many virtues does he have”. When they looked at a mirror and weighed on scales, it turned that in fifty-eight books there was only one sin after him. Erlig Khan said: “This white man truly virtuous. [11b]

Some people never think that their mortal body will die, that their property will wear out, their horses will get tired. If, however, one meditates upon the Three Jewels, the use that will come is this: every man with pure thoughts, who respects Buddha, comes to the northern realm of the Buddha Amitabha”.

[Then], by the orders of Erlig Khan, not trusting the black man, they looked in the record, weighed on scales and reported: “In his life [12a] he was not inclined to perform good deeds. He disliked people worshipping buddhas and lamas. Therefore he is plunged into Hell”. On discussing, they plunged the man with the black soul into eighteen hells.

A black and a white woman were brought to Erlig Khan. The buddha [who brought them] reported: “These two women have no sins. In their lives [they] were respecting virtue, buddhas and the Sacred Writing”. The devil argued: “There are numerous mortal sins on them. They did not believe in buddhas, lamas and the Sacred Writing”.

“A dispute arose between the buddha and the devil. [Therefore] speak you, white woman” – ordered Erlig Khan. [12b] The white woman told them: “I had seven sons in my life. I performed seven good deeds. I made offerings to buddhas, respected monks. After my [death] my seven sons will perform seven good deeds”. Erlig Khan sent her by the bridge of red copper to the realm of thirty-three tengris. [Then] the [erliks] looked through records on the black woman and reported: “Because in her life this black woman humiliated buddhas and lamas, committed a thousand black sins, [she] will be thrown into the Dark Hell”.

[After that] Erlig Khan said: “I stay here between the two kinds of rebirths to distinguish between the true and the false. You, oh, saint Gösü-Lama, [13a] take to the living people my instructions. Virtuous people will be reborn in the land of Buddhas. Dark, evil-minded people committing follies will be thrown into the Dark Hell”.

When saint Gösü-Lama was going back [to the world of the living], then [on the road] between the two rebirths he met an old woman. Saint Gösü-Lama said: “Oh, old woman! In your former rebirth you were my mother. In this rebirth you will be reborn in the land of Buddhas”. [And] on saying this, he returned [home].

This is the end of the messages of Erlig [Khan] and of saint Gösü-Lama.

[13b] This book has been copied by Atugur. On this day he made copies of three books.

ПЕРЕВОД

ХУТГТ ГҮСҮ ЛАМИН ТУУЖ ОРШВ

(Рукопись С 391, ИВР РАН)

Условные знаки, используемые в переводе:

В квадратные скобки [] заключены слова, уточняющие перевод.

[1a] ТӨВДИН ХУТГТ ГҮСҮ ЛАМ НИРВАН БОЛСНА ТУУЖ ОРШВ

[1b] Төвдин хутгт Гүсү лам нирван болсн бээж. Нирван болсна хөөн тегш бурхна орнд эс күрч, дорагшан тамд чигн эс күрч, тер хойрин дунд хоосн тамд¹ унж.

Тегэд унсна хөөн медж *Һурвн эрдниг*² санж: «Ом мани пад ме хум!» – гиж умшад, зүркндэн седкж сансн төлэд өндр уулын белд *Һарч*. Деегшэн харж үзхлэ, нег ад биш³ теңгрт тулж бээх Мөсн уул үзгдв.

Бас тер көтлд эмгн күүнлэ золж.

[Гүсү] лам зэрлг болв:

– Ая, эмгн, эн Мөсн уул юн төлө бүтэсн уулв? – гиж асуув.

Тер эмгн хэрү өгүүлв **[2a]**:

– Хутгт Гүсү лам, чи эс медсмбч? Хойр заяни дундк Мөсн уул гиснчн эн болдг!

Хутгт Гүсү лам асуув:

– Эмгн, тер көтл деер ик хү⁴ дотр хамг бүгд аратна бий үзгднэлм. Тер юмб? Тер деед алтн көрг⁵ юмб? Түүнэ дорд хөөт *Һууль көрг юмб*? Түүнэ дорд зес көрг юмб? Түүнэ дорд төмр көрг юмб? Цаһан цаң делдгч, бүрэ татгч, ном умшгч, зурһан үзг⁶ тоолж наадгч хамг лам, бандин⁷ хурсн чуулһн юмб? Бас түүнэ цаад цаһан бээшң дотр ик кеңкрг делдгч юмб? Наадк ик **[2b]** дала юмб? Бас дорд харңһу көрг юмб? – гиж асуув.

Тер эмгн хэрү өгүүлв:

– Би үкэд долан он болв. Чи, лам, сүмсиг бийэс хаһцулж авч одхиг эс үзвч? Чи тер көтл бичэ дар! Дархла, му болх! Буйн кесн, *Һурвн эрдниг* иткгч, нег үзгт чаңг седкл бәрсн күн дархла, һэ уга. Түүнэс бус килнцтэ эмтн дархла, хамг бүгд аратн зуух зам⁸ болдг.

Тер деед алтн көрг – бурхна һазрт одх зам болдг. Түүнэ хөөт *Һууль көрг* – умара⁹ үзгин *Эмдв бурхна*¹⁰ буйн хурах һазрт¹¹ одх зам болдг. Түүнэ

¹ хоосн там – зуурдын орн.

² *Һурвн эрднь* – Бурхн, Ном, Хуврг.

³ ад биш – йирин биш, том, аһу.

⁴ хү (китд үг) – олн ламнр эс гиж олн күн хурсн хурлыг «хү хурл» гиж келдг.

⁵ көрг – тагт, гүр.

⁶ зурһан үзг – Ом ма ни пад мех ум.

⁷ банди – манж.

⁸ Талдан хойр ширкгд «суух», «саад болх» гиж бичэтэ бээнэ.

⁹ умара – ар үзг.

¹⁰ *Эмдв бурхн* – Цаглшго герлтэ бурхн (Амитабха).

¹¹ Буйн хурах һазр – Суквади нертэ таралггин орн.

дорд зес көрг – *Һучн Һурвн теңгрин һазрт одх зам болдг*. Түүнэ дорд төмр көрг – Эрлг хаанд одх зам болдг.

Тер цаң делдгч, бүрэ татгч, ном умшгч, зурһан үзг тоолж наадгч **[3a]** хамг улс – лам, бандин хурсн чуулһн. Урд, эмд цагтан, лам банди хойрт хамг эргн улс бүгдэр хамт буй үүлдснэ күчэр жирһсн утхнь эн болдг.

Тер цаһан бээшң дотр ик кеңкрг делдгч – Эрлг хан бийнь тер теңгр болдг.

Наадк ик далан нернь – Шеесн Дала болдг.

Бас тер хутгт Гүсү ламд эмгн өгүүлв:

– Тер төмр гүрин замар одж Эрлг хаанд золһ! Тамин эрк ик бээнү, үчүкн бээнү – үзж золһ!

Түүнэ хөөн хутгт Гүсү лам төмр көргин замар *Һарч* үзтл, хутгт Гүсү ламин хөөнэс эр, эм олн күн дахж иртл, тер төмр көрг хувлж, килһсн чинэн болж. Тер олн эр, эм күн ишкхд тер **[3b]** килһсн тасрж, тамд унж. Тер көрг хувлж, килһсн чинэн болсн утхнь тер болхла – урд, эмд цагтан, килнц кесн, ламиг дормжлсн, *Һурвн эрдниг* эс бишргч эмтнэ килһсн көрг тер болдг.

Тер хутгт Гүсү лам төмр гүрин замар одж Эрлг хаана хаалһд¹ күрэд бээв. Түүнэ хөөн Эрлг хан угтж ирж золһв. Тер хутгт Гүсү ламд Эрлг хан зэрлг болв:

– Эмд заяни муңхг эмтн һагц күн

Миңһ наслхин чинэн санж, килнц олн кех болв.

Лам, номиг худл бээнэ гиж келдг болв,

Олсн, зөөсән баргдх **[4a]** чинэн эс санх болв,

Өмссн девлән элхин чинэн эс санх болв,

[Унсн] мөрән үкхин чинэн эс санх болв.

Би түүни төлөд зөвтэ, бурутаг йилһий гиж

Хойр заяни дунд суусн бээнэв!

Хутгт Гүсү ламд Эрлг хан бас зэрлг болв:

– Чи эмд заяни эркн улст сурһал кел,

Жирһлтэ бурхна һазрт одв би гиж кел,

Зовлңта тамин һазрт одв би гиж кел!

Ном, буйн кесн күүнэ бийнь – теңгрин деер,

Нүүрнь – нарна герллэ эдл болдг.

Ном, буйн уга күн – тамин дотр,

Нүүрнь – зуурсн **[4b]** шаврла эдл болдг!

¹ хаалһд – үүднд.

Эрлг хаанд Гүсү лам зэрлг болв:

– Тер цаад цуста ик дала дотр олн күүнэ толһа үзгдж бээнэлм. Тер юн төлөд тиигж бээхмб? Бас тер цаад цаһан талд идх уга, өмсх уга, уух уга олн күн үзгднэлм. Идх угадан һазр ухж¹ сууналм. Тер [һазр] ухсн хурһнь элж – буһуднь күрч, буһунь элж – тохаднь күрч, тохань элж – мөрнднь² күрч бээнэлм. Тер юн төлөд тиигж бээхмб? Түүнэс наад олн күн бас үзгдж бээх юмб? Көлнь цөм мухр бээнэлм. Тер юн [5a] төлөд тиигж бээхмб? – гиж асуув.

Бас:

– Ик далан тенд олн күн үзгднэлм.

Амуни³ чинэн амта,

Алхн ядх көлтә,

Өэлин⁴ тедү толһата,

Уулын тедү бийтә,

Өср нэрн килһсн чинэн хоолта

Олн күн үзгднэлм. Тедн юн төлөд тиигж бээхмб?

Түүнэ дорд харһу һазрт олн күн: «Хохой, ээж, ах! Йо-йо, йо-йо, аав, ах!» – гиж бээнэлм. Тер юн төлөд тиигж бээхмб? Бас зүн талд олн күн хурж цуглрсн бээнэлм. [5b] Ном умшхиг соңсх биш, шимлдж бээнэлм. Тедн юн төлөд тиигж бээхмб? – гиж асуув.

Хутгт Гүсү ламин хөөн Эрлг хан зэрлг болв:

– Тер цуста ик дала дотр олн күүнэ толһа үзгдж бээх тер – хойр күүнэ хоорнд зуср үг⁵ келгч, ховлгч, аллдулж, үклдүлж йовсн күүнэ толһа гинә. [Толһаһинь] утлж, цусинь урсхаж дала болһсн утхнь тер болдг.

Тер цаад дергдк олн күн үзгдж һазр уухж суух утхнь эн болдг: ламд эмд [6a] цагтан идә-унд, өмсх-зүүхиг [хармнж] хээрли йовж. Түүни төлөд идх үндсн уга, уух уга, өмсх уга. Эс олдх болсн утхнь эн болдг. Түүни төлөд һарнь элж, мөрнднь күрсн тер болдг.

Теднә наад талд олн күн мухр болснь – эмд цагтан ламин өмнәс көлән жииж, Бурхна ном көлгиг ишкж йовсн төлөд көл уга болсн утхнь тер болдг.

Бас тер ик далан цаад

Амуни чинэн амта,

Алхн ядх көлтә,

¹ ухж – малтх.

² мөр – ээм.

³ амун – тэрэн, тэрэнә үр.

⁴ ээл – гер.

⁵ зуср үг – зуһу үг.

Өэлин цаг толһата,

Уулын цаг бийтә,

Өср нэрн килһсн цаг хоолта болсн утхнь – алтн, мөнг, идә-бээр [6b] хармнсн төлөд бирдт¹ төрсн утхнь тер болдг.

Наад дорд харһу һазрин олн күн: «Йо-йо, хо-хо! Халаха, ах, аав!» – гиж һаслсн утхнь – Эрүтә там² гисн тер болдг. Урд, эмд цагтан, эцк-[экән] алсн күүг эн Эрүтә там гиснд унһах утхнь эн болдг. Бас йосн угаһар әмтнә әм таслсн төлөд тамд унһах утхнь тер болдг.

Зүн талд олн күн шимлдж бээхнь – эмд цагтан ном умшхиг муушаж йовсн, ламиг, ламин зэрлгиг биш бэәнә гиж сансн күүнә чикнднь хээлсн ширм цутхсн. Дун дууһан эс соңсч шимлдх утхнь эн болдг.

Бас тер хутгт Гүсү лам Эрлг хаанд зэрлг болв:

– Би Эрлг хаана зэрлгәр

Әмдин заяни эргн улст сурһал келсв.

Тендк тамд одж,

Сән, мууг үзж ирәд [7a] зэрлг болсв! – гив.

Тенд күрснә хөөн ширмн тоһнд³ олн күүг чанж бээхиг [үзәд], тамин эздәс асуув:

– Юн төлә чанж бэәнә? – гиж асуув.

Чанхд яснь, махнь салу-салу илжрснд лам эврә бийән [илжрсн] мет санж, өршәж, тер хутгт Гүсү лам уульж.

Тамин эзд келхдән:

– Хутгт лам, чи юн төлөд уульнч? – гиж асуув.

Хутгт Гүсү лам зэрлг болв:

– Эн күмиг ширмн тоһнд чанхиг үзәд уульв би, – гив.

– Лам, юн төлә уульвч?! Эдн урд, эмд цагтан, сүм, бурхиг эвдж, ном эрдниг түлж, дормжлж йовсн төлөд чанх утхнь тер болдг! – гилдв.

Хутгт Гүсү лам цааран одж үзхлә, Шөвг уулд [зун] нәәмн төмр [7b] дегәг деегшән хандулж, [зун нәәмн төмр дегәг дорагшән хандулж,] деед дегәд кү өлгж. Дорд дегәд салькнд киискж бээхд, санжлзж⁴ бээхднь, зургдж ким⁵ болтл татж бээхиг хутгт Гүсү лам [үзв]. Теднә бийинь [татж] авхд яснь, үснь торж хоцрв. Түүнә хөөн бас эдгәж, көрәдж, уурт нүдж,

¹ бирд – һурвн му заятна негнь. Өлссн, ундассн нег зүүл әмтн.

² Эрүтә там – цаажлдг там.

³ тоһн – том ик хәәсн.

⁴ санжлзх – нәәхлх.

⁵ ким – күүрг ясн.

сүкэр цоолж, теермдж. Уульж, цүкрж, бэркж бээхиг хутгт Гүсү лам үзэд, өр өвдж, догшн бурхна зүркн тэрни¹ седж, [ус] тэрндж цацхд тер нээмн халун тамиг хоосн болхв. [Эмтиг] тамас тоньлж, бурхна һазрт күргв.

Бас түүнэс цааран үзхлэ, [8a] киитн тамд унһаж лиңхо² мет көрснэ хөөн, тамин [эзд] нарн һархин урд хү татж авхд арсн үснь торж хоцрж. Түүг хутгт Гүсү лам үзэд, өршэж, ус тэрндж цацв. Нээмн киитн тамас һарч бас кесгсн хөөн тамд унгсудт бурхна һазр зааж өгч илгэв.

Бас хутгт Гүсү лам харнһу һазрин тамд одж ик ду дуулж умшхд һурвн эрднин күчэр харнһу тамиг гегэн болһулв. Түүнэ цаад одхла Хээрцгтэ тамд күрч. Тер Хээрцгтэ тамин неелгэ³ нееж үзв. Бас үзхд хээрцг [8b] дотрк олн күн нег-негэн идлцж кевтхиг хутгт Гүсү лам үзж, тер тамин эздэс асуув.

Тер тамин эзд келхдэн:

– Эн там дотр идлцж кевтх эмтн урд, эмд цагтан, [нег-негнәннь эдэн-идэг, адун-малыг арвижхдан⁴ худл, хуурмгар хонжлн⁵ идлцсэр, өдгэ Хээрцгтэ тамд унж, нег-негнэ бийиг идлцж кевтсн утхнь тер болдг! – гив.

Хутгт Гүсү лам нег эктэ ном умшхд хээрцгүднэ эвдрж, тер тамин эмтиг тоньлж, бурхна һазр зааж илгэв.

Бас хутгт Гүсү лам түүнэс цааран одхла, баасн шеесн дунд олн күн кевтхин дергд күрв. Хутгт Гүсү лам үзэд, тер тамин эздэс асуув:

– Тер эмтн юн төлэ тиим болсмб? – гив.

Тер тамин эзд келхдэн:]

– Урд, эмд цагтан, лам, бурхиг бузрдж йовсн төлэд шеесн, баасн дунд төрсн утхнь тер болдг, – гив.

Бас хутгт Гүсү лам цааран үзхлэ, олн эм хураж, урн күүһэр төмр улалһж, дөрвн үзг болһнд татж сүүкнтл хээрж сухиг хутгт Гүсү лам үзж. Тер тамин эздэс асуув. Тер тамин эзд келхдэн:

– Урд, эмд цагтан, алтта, мөнгтэг өмсч, амтта идэ идж, аля⁶ үүлиг сээшж йовсн [9a] төлэд хээрх утхнь тер болдг! – гив.

Бас хутгт Гүсү лам нег эктэ ном номлхд, үзг болһнд татгч дөрвн күүнэ бэрх һарас алдулж, тамас тоньлж, бурхна һазр зааж өгч илгэв.

¹ зүркн тэрни – нууц тэрни.

² лиңхо – бадм цецг.

³ неелгэ – ора, бүркэсн.

⁴ арвижх – малар, мөнгэр байжх.

⁵ хонжх – худл, мекэр олз олх.

⁶ аля үүл – хурцал, шагшавд эвдсн үүл.

Бас хутгт Гүсү лам түүнэс цааран үзхлэ, малын тамд күрч. Тер мал ус үзхлэ – ун эс чадхиг, өвс үзхлэ – идн эс чадхиг хутгт Гүсү лам үзв. Тер тамин зергд алтн махлата бурхн олн бээсн бээж. Тер алтн махлата бурхнас хутгт Гүсү лам асуув:

– Чи иим хутгт бурхн сууж бээтл эн малыг юн төлэ тамд унһавч? – гив.

Тер алтн махлата бурхн хутгт Гүсү ламд хэрү [9b] өгүүлв:

– Урд, эмд цагтан, килнцин күчнд тамд унсн утхнь тер болдг, – гив.

Хутгт Гүсү лам нег эктэ ном номлхд тер тамас тоньлж, бурхна һазрт төрүлв.

Тер хутгт Гүсү лам тендэс хэрж ирв. Эрлг хаана хаалһд күрч суутл, таңһдын Ниржамца лам нирван болж, оһтрһун деегүр [өөд болсн] ад биш ик чимэн һарч одхиг Эрлг хан соңсч, арслң толһата көвүһән илгэв. Арслң толһата элч Эрлг хаанд ирж келв:

– Тер урд, эмд цагтан, эрктэ лам бээсн бээж. [Көвчн¹] ик тамиг хоосн болһж, нарн һарсн мет өөд болж одв. Би асуухдан: «Иим мана ик тамиг [10a] хоосн болһж одх кен нертэ күмбч?» – гиж асуув. Тер таңһдын Ниржамца лам зэрлг болв: «Би эмд цагтан хатужн даянд суулав. Тер [даяна] күчнэс төлэ оһтрһун деегүр өөд болх мини эн болдг», – гиж зэрлг болад йовв, – гив.

Бас нег барс толһата чөткр ирж, Эрлг хаанд үг келв:

– Хөөнэс мини буйнта лам өөд болж аашна. Эмд цагтан зурһан үзг түмн темсн² умшсн бээсн бээж. Түүнэ утхнь, мөрн үкрт ачж ода зес көргд күрч одв. Тер зурһан үзгин күчнэс төлэ хамг эмтиг һучн [10b] һурвн теңгрин деер татж авч харв! – гиж тер барс толһата чөткр Эрлг хаанд аэлдхв.

Эрлг хан зэрлг болв:

– Тиим ик лам нанд золһтха! – гиж һазагшан [һарч, хөөнэснь] мөргн бээв.

Нег цаһан күн нег хар күн хойр Эрлг хаанд золһв.

Бурхн³ зэрлг болхдан:

– Цаһан күн хар күн хойр килнц уга бээнэ, – гиж келв.

Чөткр келхдэн:

– Эн хойр күүнэ килнцнь олн бээнэ, – гиж келв.

Эрлг хан зэрлг болхдан:

– Бурхн чөткр хойр булалдналм. Чи, цаһан күн, чи нанд үгән кел! –

гив.

¹ көвчн – бүгд, олн.

² түмн темсн – то уга.

³ Күн болһн эврэ бурхн чөткр хойрта болдг.

[11a] Тер цаһан күн келхдэн:

– Би эмд цагтан нойн күн билэв,
Нанд килнц уга.
Теңгр, Бурхнд тэкл өрглэв би,
Һуульһнч күүнд һуульһ өглэв би,
Зун нээмн ном бичв би! – гив.

Бас Эрлг хан зэрлг болж келхдэн:

– Эн күн иткл уга күн бээнэлм, – гив.

Бичэчн бичг нееж үзж келхдэн:

– Буйнь олн бээнэлм! – гиж келв.

Тольд үзж, чиңнүрт чиңнэж үзж үзхд тэвн нээмн ном нег килнцлэ тең болж. Бас Эрлг хан зэрлг болв:

– Эн цаһан күн сэн итклтэ күн бээнэлм, [11b]
Зэрм күн хар бийән үкхин чинән эс санж бээнэлм,
Эд-бараһан элхин чинән эс санж,
Унсн мөрән эцхин чинән эс санж.
Һурвн эрдниг санхла түүнэ ач-үрнь¹ эн болдг:
Цаһан седклтэ [эн мет] күүнлэ аль күн,
Нег чигн бурхнд шүтхлэ, энд чуулцж,
Умара үзгин Эмдв бурхна һазрт күрх болх!

Бас Эрлг хан зэрлг болв:

– Хар күүнд эс иткүв. Чи, бичэчн, бичг нееж үз, бас чиңнүрт чиңнэж үз! – гив.

Түүнэ хөөн үзхд, урд, эмд [12a] цагтан, буйн үүлдхд дурн уга санж. «Бурхн лам хойрт мөргх дурн уга, мөргх күүг эс таалж йовсн төлөд тамд унһай!» – гиж келлдв. Хар седклтэ күүнлэ кен зөвшөгч тер бүгдиг арвн нээмн тамд оркх утхнь эн болв.

Эрлг хаанд цаһан эм хар эм хойр золһж.

Бурхн зэрлг болхдан:

– Эн хойр эмд килнц уга бээнэ. Урд, эмд цагтан, буйн, Бурхн, номд дурта, – гив.

Чөткр келхдэн:

– Үкүлх килнцнь олн бээнэ. Бурхн, лам, ном уга! – гиж келв.

Эрлг хан зэрлг болхдан:

– Бурхн [12a] чөткр хойр булалдналм. Чи, цаһан эм, үгән кел! – гив.

¹ ач-үр – кесн үүлин ач, үр.

Тер цаһан эм келхдэн:

– Би урд, эмд цагтан,
Долан көвүтэ билэв,
Би долан буйн үүлдүв,
Би бурхиг тэkdг билэв,
Би тойдыг¹ күндлдг билэв.
Мини хөөн долан көвүм
Мини долан буйим үүлдх болх! – гиж келв.

Эрлг хан зес гүрин замар Һучн Һурвн теңгрин һазрт илгэв.

Хар эмиг бичэчнь бичг нееж келхдэн:

– Эн хар эм урд, эмд цагтан, лам, бурхиг дормжлж йовсн бээж. Харһу миңһн килнц үүлдж йовсн төлөд харһу тамд унһах утхнь эн болв! – гив.

Эрлг хан зэрлг болв:

– Би эн зөвтэ, [12b] бурутаг йилһий гиж
Эн хойр заяни дунд суусн бээнэв.
Хутгт Гүсү лам, чи эмд заяни улст сурһал кел!
Буйн кесн күүг
Бурхна һазрт төрүлх мини эн болдг!
Харһу, мунхг үүлдсн хар седклтэ күүг
Харһу тамд оркх эн болдг! – гиж келв.

Хутгт Гүсү лам хэрж иртлән хойр заяни хоорнд эндк эмгнлэ золһв.

Хутгт Гүсү лам зэрлг болв:

– Ая, эмгн, урд заянд чи мини эк билэч! Өдгэ эн заянд бурхна һазрт төрхч! – гиһэд хэрж одв.

Хутгт Гүсү ламин Эрлгин зака төгсв. [13a]

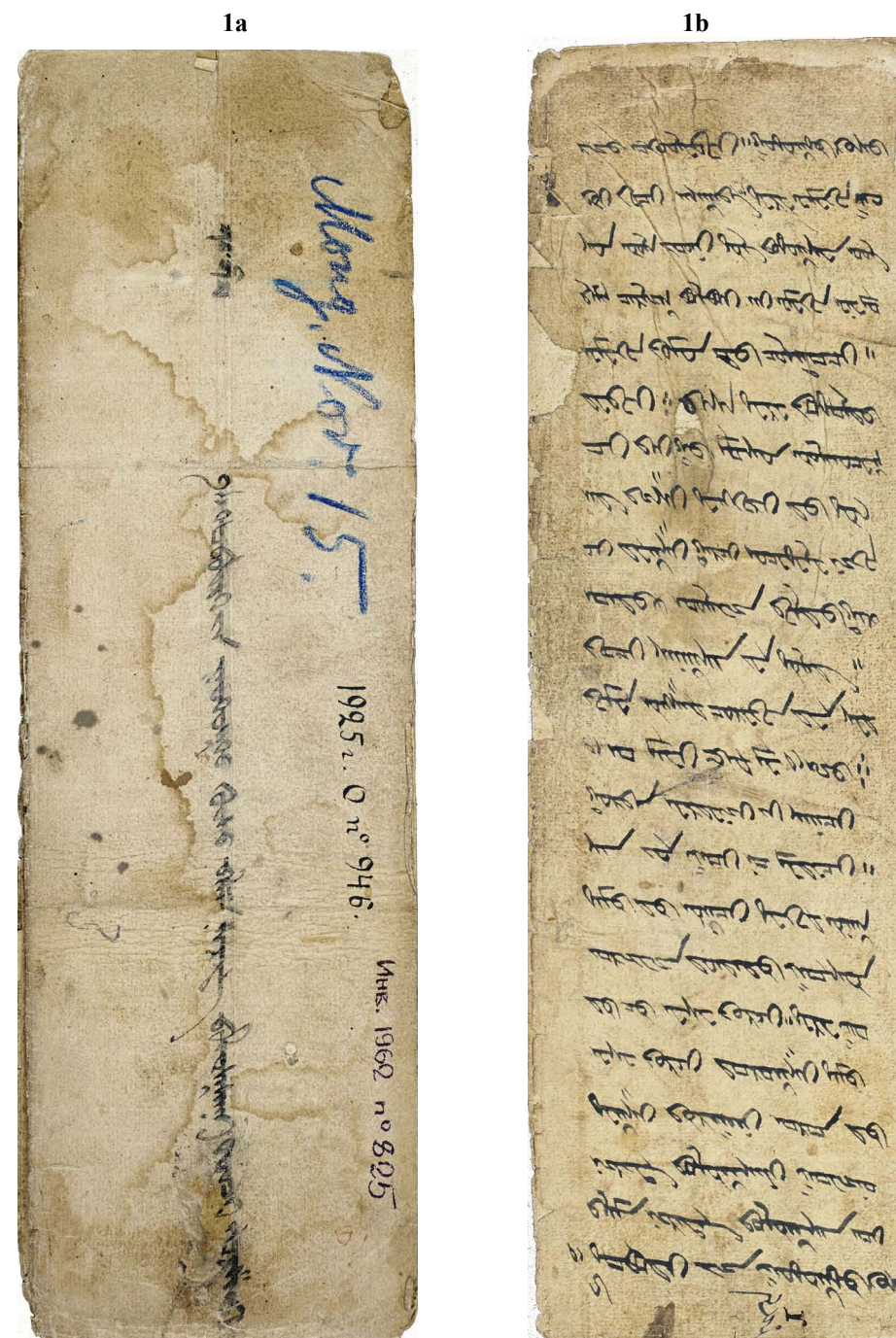
Эн номиг адһур бичүв. Эн өдр Һурвн ном бүтэв.

¹ тойн – цаһан яста лам.

ФАКСИМИЛЕ

Төбөдди-йин хутуqtu Гүүсү blama nirvān boluqsani tuuḡi oroṣibo

Ойратская рукопись, 13 л., 31 x 9,5 (28 x 7,5), 25 стк.,
 плотная желтая бумага, тушь, калам.
 Институт восточных рукописей РАН,
 Шифр С 391 (М. Nova, 15), инв. № 825
 [Сазыкин 1988: № 338].

2a

2b

3a

3b

[The page contains approximately 20 lines of handwritten text in a cursive script, likely from a 16th-century manuscript. The ink is dark brown or black, and the paper shows signs of age and wear.]

[The page contains approximately 20 lines of handwritten text in a cursive script, likely from a 17th-century manuscript. The ink is dark brown or black, and the paper shows signs of age and wear.]

12

[The page contains approximately 20 lines of handwritten text in a cursive script, likely from a 16th-century manuscript. The ink is dark brown or black, and the paper shows signs of age and wear.]

1. *Handwritten text in a cursive script, likely a list or index, written on aged, yellowed paper. The text is oriented vertically and appears to be a transcription of a document.*

[illegible]

۱۲
 ۱۳
 ۱۴
 ۱۵
 ۱۶
 ۱۷
 ۱۸
 ۱۹
 ۲۰
 ۲۱
 ۲۲
 ۲۳
 ۲۴
 ۲۵
 ۲۶
 ۲۷
 ۲۸
 ۲۹
 ۳۰
 ۳۱
 ۳۲
 ۳۳
 ۳۴
 ۳۵
 ۳۶
 ۳۷
 ۳۸
 ۳۹
 ۴۰
 ۴۱
 ۴۲
 ۴۳
 ۴۴
 ۴۵
 ۴۶
 ۴۷
 ۴۸
 ۴۹
 ۵۰
 ۵۱
 ۵۲
 ۵۳
 ۵۴
 ۵۵
 ۵۶
 ۵۷
 ۵۸
 ۵۹
 ۶۰
 ۶۱
 ۶۲
 ۶۳
 ۶۴
 ۶۵
 ۶۶
 ۶۷
 ۶۸
 ۶۹
 ۷۰
 ۷۱
 ۷۲
 ۷۳
 ۷۴
 ۷۵
 ۷۶
 ۷۷
 ۷۸
 ۷۹
 ۸۰
 ۸۱
 ۸۲
 ۸۳
 ۸۴
 ۸۵
 ۸۶
 ۸۷
 ۸۸
 ۸۹
 ۹۰
 ۹۱
 ۹۲
 ۹۳
 ۹۴
 ۹۵
 ۹۶
 ۹۷
 ۹۸
 ۹۹
 ۱۰۰

[illegible]

6a

١
 ٢
 ٣
 ٤
 ٥
 ٦
 ٧
 ٨
 ٩
 ١٠
 ١١
 ١٢
 ١٣
 ١٤
 ١٥
 ١٦
 ١٧
 ١٨
 ١٩
 ٢٠
 ٢١
 ٢٢
 ٢٣
 ٢٤
 ٢٥
 ٢٦
 ٢٧
 ٢٨
 ٢٩
 ٣٠
 ٣١
 ٣٢
 ٣٣
 ٣٤
 ٣٥
 ٣٦
 ٣٧
 ٣٨
 ٣٩
 ٤٠
 ٤١
 ٤٢
 ٤٣
 ٤٤
 ٤٥
 ٤٦
 ٤٧
 ٤٨
 ٤٩
 ٥٠
 ٥١
 ٥٢
 ٥٣
 ٥٤
 ٥٥
 ٥٦
 ٥٧
 ٥٨
 ٥٩
 ٦٠
 ٦١
 ٦٢
 ٦٣
 ٦٤
 ٦٥
 ٦٦
 ٦٧
 ٦٨
 ٦٩
 ٧٠
 ٧١
 ٧٢
 ٧٣
 ٧٤
 ٧٥
 ٧٦
 ٧٧
 ٧٨
 ٧٩
 ٨٠
 ٨١
 ٨٢
 ٨٣
 ٨٤
 ٨٥
 ٨٦
 ٨٧
 ٨٨
 ٨٩
 ٩٠
 ٩١
 ٩٢
 ٩٣
 ٩٤
 ٩٥
 ٩٦
 ٩٧
 ٩٨
 ٩٩
 ١٠٠

6b

١
 ٢
 ٣
 ٤
 ٥
 ٦
 ٧
 ٨
 ٩
 ١٠
 ١١
 ١٢
 ١٣
 ١٤
 ١٥
 ١٦
 ١٧
 ١٨
 ١٩
 ٢٠
 ٢١
 ٢٢
 ٢٣
 ٢٤
 ٢٥
 ٢٦
 ٢٧
 ٢٨
 ٢٩
 ٣٠
 ٣١
 ٣٢
 ٣٣
 ٣٤
 ٣٥
 ٣٦
 ٣٧
 ٣٨
 ٣٩
 ٤٠
 ٤١
 ٤٢
 ٤٣
 ٤٤
 ٤٥
 ٤٦
 ٤٧
 ٤٨
 ٤٩
 ٥٠
 ٥١
 ٥٢
 ٥٣
 ٥٤
 ٥٥
 ٥٦
 ٥٧
 ٥٨
 ٥٩
 ٦٠
 ٦١
 ٦٢
 ٦٣
 ٦٤
 ٦٥
 ٦٦
 ٦٧
 ٦٨
 ٦٩
 ٧٠
 ٧١
 ٧٢
 ٧٣
 ٧٤
 ٧٥
 ٧٦
 ٧٧
 ٧٨
 ٧٩
 ٨٠
 ٨١
 ٨٢
 ٨٣
 ٨٤
 ٨٥
 ٨٦
 ٨٧
 ٨٨
 ٨٩
 ٩٠
 ٩١
 ٩٢
 ٩٣
 ٩٤
 ٩٥
 ٩٦
 ٩٧
 ٩٨
 ٩٩
 ١٠٠

7a

١
 ٢
 ٣
 ٤
 ٥
 ٦
 ٧
 ٨
 ٩
 ١٠
 ١١
 ١٢
 ١٣
 ١٤
 ١٥
 ١٦
 ١٧
 ١٨
 ١٩
 ٢٠
 ٢١
 ٢٢
 ٢٣
 ٢٤
 ٢٥
 ٢٦
 ٢٧
 ٢٨
 ٢٩
 ٣٠
 ٣١
 ٣٢
 ٣٣
 ٣٤
 ٣٥
 ٣٦
 ٣٧
 ٣٨
 ٣٩
 ٤٠
 ٤١
 ٤٢
 ٤٣
 ٤٤
 ٤٥
 ٤٦
 ٤٧
 ٤٨
 ٤٩
 ٥٠
 ٥١
 ٥٢
 ٥٣
 ٥٤
 ٥٥
 ٥٦
 ٥٧
 ٥٨
 ٥٩
 ٦٠
 ٦١
 ٦٢
 ٦٣
 ٦٤
 ٦٥
 ٦٦
 ٦٧
 ٦٨
 ٦٩
 ٧٠
 ٧١
 ٧٢
 ٧٣
 ٧٤
 ٧٥
 ٧٦
 ٧٧
 ٧٨
 ٧٩
 ٨٠
 ٨١
 ٨٢
 ٨٣
 ٨٤
 ٨٥
 ٨٦
 ٨٧
 ٨٨
 ٨٩
 ٩٠
 ٩١
 ٩٢
 ٩٣
 ٩٤
 ٩٥
 ٩٦
 ٩٧
 ٩٨
 ٩٩
 ١٠٠

7b

١
 ٢
 ٣
 ٤
 ٥
 ٦
 ٧
 ٨
 ٩
 ١٠
 ١١
 ١٢
 ١٣
 ١٤
 ١٥
 ١٦
 ١٧
 ١٨
 ١٩
 ٢٠
 ٢١
 ٢٢
 ٢٣
 ٢٤
 ٢٥
 ٢٦
 ٢٧
 ٢٨
 ٢٩
 ٣٠
 ٣١
 ٣٢
 ٣٣
 ٣٤
 ٣٥
 ٣٦
 ٣٧
 ٣٨
 ٣٩
 ٤٠
 ٤١
 ٤٢
 ٤٣
 ٤٤
 ٤٥
 ٤٦
 ٤٧
 ٤٨
 ٤٩
 ٥٠
 ٥١
 ٥٢
 ٥٣
 ٥٤
 ٥٥
 ٥٦
 ٥٧
 ٥٨
 ٥٩
 ٦٠
 ٦١
 ٦٢
 ٦٣
 ٦٤
 ٦٥
 ٦٦
 ٦٧
 ٦٨
 ٦٩
 ٧٠
 ٧١
 ٧٢
 ٧٣
 ٧٤
 ٧٥
 ٧٦
 ٧٧
 ٧٨
 ٧٩
 ٨٠
 ٨١
 ٨٢
 ٨٣
 ٨٤
 ٨٥
 ٨٦
 ٨٧
 ٨٨
 ٨٩
 ٩٠
 ٩١
 ٩٢
 ٩٣
 ٩٤
 ٩٥
 ٩٦
 ٩٧
 ٩٨
 ٩٩
 ١٠٠

9b

10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100. 101. 102. 103. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 112. 113. 114. 115. 116. 117. 118. 119. 120. 121. 122. 123. 124. 125. 126. 127. 128. 129. 130. 131. 132. 133. 134. 135. 136. 137. 138. 139. 140. 141. 142. 143. 144. 145. 146. 147. 148. 149. 150. 151. 152. 153. 154. 155. 156. 157. 158. 159. 160. 161. 162. 163. 164. 165. 166. 167. 168. 169. 170. 171. 172. 173. 174. 175. 176. 177. 178. 179. 180. 181. 182. 183. 184. 185. 186. 187. 188. 189. 190. 191. 192. 193. 194. 195. 196. 197. 198. 199. 200. 201. 202. 203. 204. 205. 206. 207. 208. 209. 210. 211. 212. 213. 214. 215. 216. 217. 218. 219. 220. 221. 222. 223. 224. 225. 226. 227. 228. 229. 230. 231. 232. 233. 234. 235. 236. 237. 238. 239. 240. 241. 242. 243. 244. 245. 246. 247. 248. 249. 250. 251. 252. 253. 254. 255. 256. 257. 258. 259. 260. 261. 262. 263. 264. 265. 266. 267. 268. 269. 270. 271. 272. 273. 274. 275. 276. 277. 278. 279. 280. 281. 282. 283. 284. 285. 286. 287. 288. 289. 290. 291. 292. 293. 294. 295. 296. 297. 298. 299. 300. 301. 302. 303. 304. 305. 306. 307. 308. 309. 310. 311. 312. 313. 314. 315. 316. 317. 318. 319. 320. 321. 322. 323. 324. 325. 326. 327. 328. 329. 330. 331. 332. 333. 334. 335. 336. 337. 338. 339. 340. 341. 342. 343. 344. 345. 346. 347. 348. 349. 350. 351. 352. 353. 354. 355. 356. 357. 358. 359. 360. 361. 362. 363. 364. 365. 366. 367. 368. 369. 370. 371. 372. 373. 374. 375. 376. 377. 378. 379. 380. 381. 382. 383. 384. 385. 386. 387. 388. 389. 390. 391. 392. 393. 394. 395. 396. 397. 398. 399. 400. 401. 402. 403. 404. 405. 406. 407. 408. 409. 410. 411. 412. 413. 414. 415. 416. 417. 418. 419. 420. 421. 422. 423. 424. 425. 426. 427. 428. 429. 430. 431. 432. 433. 434. 435. 436. 437. 438. 439. 440. 441. 442. 443. 444. 445. 446. 447. 448. 449. 450. 451. 452. 453. 454. 455. 456. 457. 458. 459. 460. 461. 462. 463. 464. 465. 466. 467. 468. 469. 470. 471. 472. 473. 474. 475. 476. 477. 478. 479. 480. 481. 482. 483. 484. 485. 486. 487. 488. 489. 490. 491. 492. 493. 494. 495. 496. 497. 498. 499. 500. 501. 502. 503. 504. 505. 506. 507. 508. 509. 510. 511. 512. 513. 514. 515. 516. 517. 518. 519. 520. 521. 522. 523. 524. 525. 526. 527. 528. 529. 530. 531. 532. 533. 534. 535. 536. 537. 538. 539. 540. 541. 542. 543. 544. 545. 546. 547. 548. 549. 550. 551. 552. 553. 554. 555. 556. 557. 558. 559. 560. 561. 562. 563. 564. 565. 566. 567. 568. 569. 570. 571. 572. 573. 574. 575. 576. 577. 578. 579. 580. 581. 582. 583. 584. 585. 586. 587. 588. 589. 590. 591. 592. 593. 594. 595. 596. 597. 598. 599. 600. 601. 602. 603. 604. 605. 606. 607. 608. 609. 610. 611. 612. 613. 614. 615. 616. 617. 618. 619. 620. 621. 622. 623. 624. 625. 626. 627. 628. 629. 630. 631. 632. 633. 634. 635. 636. 637. 638. 639. 640. 641. 642. 643. 644. 645. 646. 647. 648. 649. 650. 651. 652. 653. 654. 655. 656. 657. 658. 659. 660. 661. 662. 663. 664. 665. 666. 667. 668. 669. 670. 671. 672. 673. 674. 675. 676. 677. 678. 679. 680. 681. 682. 683. 684. 685. 686. 687. 688. 689. 690. 691. 692. 693. 694. 695. 696. 697. 698. 699. 700. 701. 702. 703. 704. 705. 706. 707. 708. 709. 710. 711. 712. 713. 714. 715. 716. 717. 718. 719. 720. 721. 722. 723. 724. 725. 726. 727. 728. 729. 730. 731. 732. 733. 734. 735. 736. 737. 738. 739. 740. 741. 742. 743. 744. 745. 746. 747. 748. 749. 750. 751. 752. 753. 754. 755. 756. 757. 758. 759. 760. 761. 762. 763. 764. 765. 766. 767. 768. 769. 770. 771. 772. 773. 774. 775. 776. 777. 778. 779. 780. 781. 782. 783. 784. 785. 786. 787. 788. 789. 790. 791. 792. 793. 794. 795. 796. 797. 798. 799. 800. 801. 802. 803. 804. 805. 806. 807. 808. 809. 810. 811. 812. 813. 814. 815. 816. 817. 818. 819. 820. 821. 822. 823. 824. 825. 826. 827. 828. 829. 830. 831. 832. 833. 834. 835. 836. 837. 838. 839. 840. 841. 842. 843. 844. 845. 8

10a

[illegible]

10b

[illegible]

11a

١٠
 ١١
 ١٢
 ١٣
 ١٤
 ١٥
 ١٦
 ١٧
 ١٨
 ١٩
 ٢٠
 ٢١
 ٢٢
 ٢٣
 ٢٤
 ٢٥
 ٢٦
 ٢٧
 ٢٨
 ٢٩
 ٣٠
 ٣١
 ٣٢
 ٣٣
 ٣٤
 ٣٥
 ٣٦
 ٣٧
 ٣٨
 ٣٩
 ٤٠
 ٤١
 ٤٢
 ٤٣
 ٤٤
 ٤٥
 ٤٦
 ٤٧
 ٤٨
 ٤٩
 ٥٠
 ٥١
 ٥٢
 ٥٣
 ٥٤
 ٥٥
 ٥٦
 ٥٧
 ٥٨
 ٥٩
 ٦٠
 ٦١
 ٦٢
 ٦٣
 ٦٤
 ٦٥
 ٦٦
 ٦٧
 ٦٨
 ٦٩
 ٧٠
 ٧١
 ٧٢
 ٧٣
 ٧٤
 ٧٥
 ٧٦
 ٧٧
 ٧٨
 ٧٩
 ٨٠
 ٨١
 ٨٢
 ٨٣
 ٨٤
 ٨٥
 ٨٦
 ٨٧
 ٨٨
 ٨٩
 ٩٠
 ٩١
 ٩٢
 ٩٣
 ٩٤
 ٩٥
 ٩٦
 ٩٧
 ٩٨
 ٩٩
 ١٠٠

11b

10. 11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22. 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31. 32. 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39. 40. 41. 42. 43. 44. 45. 46. 47. 48. 49. 50. 51. 52. 53. 54. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. 67. 68. 69. 70. 71. 72. 73. 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81. 82. 83. 84. 85. 86. 87. 88. 89. 90. 91. 92. 93. 94. 95. 96. 97. 98. 99. 100. 101. 102. 103. 104. 105. 106. 107. 108. 109. 110. 111. 112. 113. 114. 115. 116. 117. 118. 119. 120. 121. 122. 123. 124. 125. 126. 127. 128. 129. 130. 131. 132. 133. 134. 135. 136. 137. 138. 139. 140. 141. 142. 143. 144. 145. 146. 147. 148. 149. 150. 151. 152. 153. 154. 155. 156. 157. 158. 159. 160. 161. 162. 163. 164. 165. 166. 167. 168. 169. 170. 171. 172. 173. 174. 175. 176. 177. 178. 179. 180. 181. 182. 183. 184. 185. 186. 187. 188. 189. 190. 191. 192. 193. 194. 195. 196. 197. 198. 199. 200. 201. 202. 203. 204. 205. 206. 207. 208. 209. 210. 211. 212. 213. 214. 215. 216. 217. 218. 219. 220. 221. 222. 223. 224. 225. 226. 227. 228. 229. 230. 231. 232. 233. 234. 235. 236. 237. 238. 239. 240. 241. 242. 243. 244. 245. 246. 247. 248. 249. 250. 251. 252. 253. 254. 255. 256. 257. 258. 259. 260. 261. 262. 263. 264. 265. 266. 267. 268. 269. 270. 271. 272. 273. 274. 275. 276. 277. 278. 279. 280. 281. 282. 283. 284. 285. 286. 287. 288. 289. 290. 291. 292. 293. 294. 295. 296. 297. 298. 299. 300. 301. 302. 303. 304. 305. 306. 307. 308. 309. 310. 311. 312. 313. 314. 315. 316. 317. 318. 319. 320. 321. 322. 323. 324. 325. 326. 327. 328. 329. 330. 331. 332. 333. 334. 335. 336. 337. 338. 339. 340. 341. 342. 343. 344. 345. 346. 347. 348. 349. 350. 351. 352. 353. 354. 355. 356. 357. 358. 359. 360. 361. 362. 363. 364. 365. 366. 367. 368. 369. 370. 371. 372. 373. 374. 375. 376. 377. 378. 379. 380. 381. 382. 383. 384. 385. 386. 387. 388. 389. 390. 391. 392. 393. 394. 395. 396. 397. 398. 399. 400. 401. 402. 403. 404. 405. 406. 407. 408. 409. 410. 411. 412. 413. 414. 415. 416. 417. 418. 419. 420. 421. 422. 423. 424. 425. 426. 427. 428. 429. 430. 431. 432. 433. 434. 435. 436. 437. 438. 439. 440. 441. 442. 443. 444. 445. 446. 447. 448. 449. 450. 451. 452. 453. 454. 455. 456. 457. 458. 459. 460. 461. 462. 463. 464. 465. 466. 467. 468. 469. 470. 471. 472. 473. 474. 475. 476. 477. 478. 479. 480. 481. 482. 483. 484. 485. 486. 487. 488. 489. 490. 491. 492. 493. 494. 495. 496. 497. 498. 499. 500. 501. 502. 503. 504. 505. 506. 507. 508. 509. 510. 511. 512. 513. 514. 515. 516. 517. 518. 519. 520. 521. 522. 523. 524. 525. 526. 527. 528. 529. 530. 531. 532. 533. 534. 535. 536. 537. 538. 539. 540. 541. 542. 543. 544. 545. 546. 547. 548. 549. 550. 551. 552. 553. 554. 555. 556. 557. 558. 559. 560. 561. 562. 563. 564. 565. 566. 567. 568. 569. 570. 571. 572. 573. 574. 575. 576. 577. 578. 579. 580. 581. 582. 583. 584. 585. 586. 587. 588. 589. 590. 591. 592. 593. 594. 595. 596. 597. 598. 599. 600. 601. 602. 603. 604. 605. 606. 607. 608. 609. 610. 611. 612. 613. 614. 615. 616. 617. 618. 619. 620. 621. 622. 623. 624. 625. 626. 627. 628. 629. 630. 631. 632. 633. 634. 635. 636. 637. 638. 639. 640. 641. 642. 643. 644. 645. 646. 647. 648. 649. 650. 651. 652. 653. 654. 655. 656. 657. 658. 659. 660. 661. 662. 663. 664. 665. 666. 667. 668. 669. 670. 671. 672. 673. 674. 675. 676. 677. 678. 679. 680. 681. 682. 683. 684. 685. 686. 687. 688. 689. 690. 691. 692. 693. 694. 695. 696. 697. 698. 699. 700. 701. 702. 703. 704. 705. 706. 707. 708. 709. 710. 711. 712. 713. 714. 715. 716. 717. 718. 719. 720. 721. 722. 723. 724. 725. 726. 727. 728. 729. 730. 731. 732. 733. 734. 735. 736. 737. 738. 739. 740. 741. 742. 743. 744. 745. 746. 747. 748. 749. 750. 751. 752. 753. 754. 755. 756. 757. 758. 759. 760. 761. 762. 763. 764. 765. 766. 767. 768. 769. 770. 771. 772. 773. 774. 775. 776. 777. 778. 779. 780. 781. 782. 783. 784. 785. 786. 787. 788. 789. 790. 791. 792. 793. 794. 795. 796. 797. 798. 799. 800. 801. 802. 803. 804. 805. 806. 807. 808. 809. 810. 811. 812. 813. 814. 815. 816. 817. 818. 819. 820. 821. 822. 823. 824. 825. 826. 827. 828. 829. 830. 831. 832. 833. 834. 835. 836. 837. 838. 839. 840. 841. 842. 843. 844. 845. 8

12a

۱۰۰
 ۱۰۱
 ۱۰۲
 ۱۰۳
 ۱۰۴
 ۱۰۵
 ۱۰۶
 ۱۰۷
 ۱۰۸
 ۱۰۹
 ۱۱۰
 ۱۱۱
 ۱۱۲
 ۱۱۳
 ۱۱۴
 ۱۱۵
 ۱۱۶
 ۱۱۷
 ۱۱۸
 ۱۱۹
 ۱۲۰
 ۱۲۱
 ۱۲۲
 ۱۲۳
 ۱۲۴
 ۱۲۵
 ۱۲۶
 ۱۲۷
 ۱۲۸
 ۱۲۹
 ۱۳۰
 ۱۳۱
 ۱۳۲
 ۱۳۳
 ۱۳۴
 ۱۳۵
 ۱۳۶
 ۱۳۷
 ۱۳۸
 ۱۳۹
 ۱۴۰
 ۱۴۱
 ۱۴۲
 ۱۴۳
 ۱۴۴
 ۱۴۵
 ۱۴۶
 ۱۴۷
 ۱۴۸
 ۱۴۹
 ۱۵۰
 ۱۵۱
 ۱۵۲
 ۱۵۳
 ۱۵۴
 ۱۵۵
 ۱۵۶
 ۱۵۷
 ۱۵۸
 ۱۵۹
 ۱۶۰
 ۱۶۱
 ۱۶۲
 ۱۶۳
 ۱۶۴
 ۱۶۵
 ۱۶۶
 ۱۶۷
 ۱۶۸
 ۱۶۹
 ۱۷۰
 ۱۷۱
 ۱۷۲
 ۱۷۳
 ۱۷۴
 ۱۷۵
 ۱۷۶
 ۱۷۷
 ۱۷۸
 ۱۷۹
 ۱۸۰
 ۱۸۱
 ۱۸۲
 ۱۸۳
 ۱۸۴
 ۱۸۵
 ۱۸۶
 ۱۸۷
 ۱۸۸
 ۱۸۹
 ۱۹۰
 ۱۹۱
 ۱۹۲
 ۱۹۳
 ۱۹۴
 ۱۹۵
 ۱۹۶
 ۱۹۷
 ۱۹۸
 ۱۹۹
 ۲۰۰

12b

Handwritten text in a cursive script, likely a manuscript page. The text is written in a single column, with some lines starting with a large initial letter. The script is dense and appears to be a form of shorthand or a specific dialect. The page is numbered '10' in the bottom right corner.

13a

15. 154

13b

Handwritten text in a cursive script, likely a title or chapter heading, running vertically down the center of the cover.

Бичеев Б. А.

СПИСКИ ОЙРАТСКОЙ ВЕРСИИ «ИСТОРИИ ГУСЮ-ЛАМЫ»

Повествования на сюжет «хождения в ад» или «видений ада» в старописьменной монгольской литературе представляют особый вид произведений, связанных с основным положением буддийского учения о посмертном воздаянии за прижизненные благие или греховные деяния. Такие произведения, благодаря своему необычному содержанию, имели широкое распространение среди разных социальных слоев общества.

Вполне естественен интерес к таким произведениям и со стороны исследователей [Heissig, Sagaster 1961; Цэрэнсодном 1997]. Известным российским монголоведом А. Г. Сазыкиным (1943–2005) были опубликованы исследования, транслитерации и переводы различных рукописных текстов или версий произведений этого жанра на старомонгольской графике и на ойратском «ясном письме»: «Истории Чойджид-дагини» [Сазыкин 1990, 2004], «Истории о Нарану Гэрэл» [Сазыкин 2004, 2015], «Рассказов о пользе “Алмазной сутры”» [Сазыкин 1997, 1998, 2004, 2004а], «Истории Гусю-ламы» [Сазыкин 1997, 1982, 1983; Sazyikin 1982, 1997], «Истории о Молон-тойне» [Сазыкин 2004].

К числу текстов, введенных в научный оборот А. Г. Сазыкиным, совсем недавно добавилось еще одно произведение старописьменной монгольской литературы на сюжет «видения ада». Это «Сутра-повесть о Цаган Дара-эхэ» («*Getülgegči Čaγayan Dar-e eke-yin tuγijī-un sudur orošiba*»), которую обнаружила Д. Сумъяа в Национальной библиотеке Автономного района Внутренняя Монголия КНР (г. Хух-Хото) [Сумъяа 2011: 349–356]. Описание адского суда занимает основную часть содержания этой уникальной сутры-повести [Бичеев 2015: 205–243]. Таким образом, в настоящее время с полной уверенностью можно говорить о шести повествованиях на сюжет «видения ада» в монгольской старописьменной литературе.

Пять¹ из шести, перечисленных выше произведений существовали и в ойратской (калмыцкой) литературе на «ясном письме». Повествования на сюжет «видений ада» действительно пользовались популярностью среди

¹ В это число не входит «Сутра-повесть о Цаган Дара-эхэ» («*Getülgegči Čaγayan Dar-e eke-yin tuγijī-un sudur orošiba*»). Однако этот монгольский текст, по всей видимости, является переложением с «ясного письма». См.: [Бичеев 2015: С. 28–34].

представителей разных слоев калмыцкого общества. Свидетельства этому можно найти в отчете известного калмыцкого исследователя Н. О. Очирова, который в 1909–1911 гг. совершил поездку по Малодербетовскому и Александровскому улусам астраханских калмыков. Он пишет, что за трехнедельное пребывание в одном только Александровском улусе ему удалось приобрести 60–70 экземпляров тибетских и калмыцких рукописей. В этом улусе в первой половине XIX в. был построен большой храм – Хошеутовский хурул¹, в который приглашались ученые ламы из Монголии и Тибета. Там активно велась работа по переводу духовных книг на калмыцкий язык² и была собрана богатая коллекция тибетских, монгольских и калмыцких рукописей. Н. О. Очиров отмечает, что распространённость старинных рукописей в Александровском улусе была больше чем в других местах [Очиров 2006: 160].

В конце своего отчета он приводит список рукописей, которые ему довелось встретить в домашних коллекциях отдельных лиц из этих двух улусов. В их числе названы три текста на сюжет «видений ада». Так, в коллекции рукописей простолюдина Ахтубы, состоявшей из тринадцати сочинений, под № 8 значится «История Чойджид-рагини» («Чөөжид күүкнэ тууж»). Среди двадцати четырех рукописей из домашней библиотеки нойона Тюменя под № 6 указан текст «Истории Гусю-ламы» («Хутугт Гүш лама нирван болгсн»). У зайсанга Бочи Талтаева имелось шесть рукописей, среди которых под № 4 также значится еще один список «Истории Гусю-ламы» («Гүш ламин нирван болгсн») [Очиров 2006: 171–172].

К сожалению, историческая судьба российских калмыков не способствовала сохранению их письменного наследия. Большая его часть была утрачена в ходе сложных исторических перипетий. Такая же печальная участь постигла и произведения на сюжет «видений ада»: указанные выше пять произведений сохранились на «ясном письме» лишь в единичных экземплярах, которые можно найти в рукописных коллекциях разных стран. Сводную информацию о них приводит А. Г. Сазыкин в предисловии к монографии «Видения буддийского ада» [Сазыкин 2004].

¹ Хошеутовский хурул был построен при нойоне Сереб-Джаб Тюмене (1774–1858).

² В частности, в колофоне текста «Үлгүрмүд» («Оюни түлкүр»), опубликованного в «Калмыцкой хрестоматии» Ш. Болдырева, упоминается переводчик из этого хурула: «Ене surγumjiyin üligüürmüdiyigi töböd kelenēsü mongγol kelendü хошууд нутуγай Rencen geleng tömör хонин jiliyin моγoi sarayin bayasxolong geqči arban nigen šinedü bičibe» [Болдырев 1927: 91]. (Эти поучительные наставления с тибетского на монгольский язык перевел хошоутовский гелонг Ринцен в год железной овцы (1811 г., или 1871 г.) в благополучный 11 день месяца змеи).

А. Г. Сазыкин отмечает, что наиболее удачно сложилась литературная судьба сборника «Рассказы о пользе “Ваджраччхеддики”» («*Zodbayin ači tusa orošibo*»). Известно о более чем двадцати списках этого сборника на «ясном письме», сохранившихся в Монголии, России и Германии [Porre, Hurvitz, Okada 1964: № 87; Бильгүүдэй 1998: № 113; Сазыкин 1988: № 377–380; Heissig, Sagaster 1961: № 151–155; Uspensky 1997: № 397, 398; Лувсанбалдан 1975: № 0063; Gerelmaa 2005: № 421–436]. Опубликованы транслитерация и перевод одного ойратского текста на русский язык [Сазыкин 1997]. Перевод на современный монгольский язык и факсимиле другого списка рукописи был издан в Монголии [Цэвгээ 2003].

До недавнего времени единственным дошедшим до нас образцом ойратского перевода «Истории о Молон-тойне» («*Molon toyin ekēn tamu-ēce γarγaqsan sudur orošibo*») считалась рукопись, хранящаяся в монгольской коллекции ИВР РАН в г. Санкт-Петербурге [Сазыкин 1988: № 316]. Исследование, транслитерация, перевод и факсимиле этого текста были опубликованы Н. С. Яхонтовой в работе «Ойратская версия “Истории о Молон-тойне”» [Яхонтова 1999]. За последнее время в ходе поисковых экспедиций удалось установить существование еще двух списков этого произведения. Один список хранится в коллекции текстов на «ясном письме» Музея Увс аймака Монголии (г. Улан-Гом)¹. Вторая рукопись находится в ойратском фонде Кабинета по сбору, каталогизации и изданию письменных памятников национальных меньшинств Управления по делам национальностей СУАР КНР². Таким образом, на сегодня известно о трех списках «Истории о Молон-тойне» на «ясном письме», хранящихся в России, Монголии и Китае.

По свидетельству А. Г. Сазыкина, не менее интересна литературная судьба «Истории Чойджид-рагини» («*Erdeni-tu Erliq Nomiyn xāni zaka zarliq orosibo*»). Монгольский перевод повести был выполнен Зая-пан-дитой Намкайджамцо еще до 1648 г. Он получил широкое распространение у монгольских народов и известен как в записи на ойратском «ясном письме», так и на старомонгольской графике. В начале XX в. текст этого перевода был даже издан ксилографическим способом в Бурятии [Сазыкин 2004: 21]. К настоящему времени выявлено четыре рукописных экзем-

¹ Ойратская рукопись. «*Molon toyin ekēn tamu-ēce γarγaqsan sudur orošibo*». Шифр Y.07.1, 35 x 10, 32 л., черная и красная тушь, калам.

² Ойратская рукопись. «*Xutuqtu Molon toyin ekeyin ači xariulaqsan sudur*». Шифр XGMO 0294, сшитая тетрадь, 28 x 23,5 (21 x 18), 61 с., черная тушь, кисть.

пляра этой повести на «ясном письме». Две рукописи хранятся в Монголии [Бильгүүдэй 1998: № 160; Лувсанбалдан 1975: № 0059; Gerelmaa 2005: № 294], одна рукопись – в Научной библиотеке им. А. Горького СПбГУ [Uspensky 1997: № 410]. И еще одна рукопись недавно была обнаружена в личной коллекции Л. Утнасуна (г. Монголкурэ, СУАР КНР)¹. Известно также литографическое издание «Повести о Чойджид-рагини» на «ясном письме», выполненное в 1908 г. калмыцкими ламами в Санкт-Петербурге [Сазыкин 2001: № 3890].

Особая редакция одной главы «Повести о Нарану-Гэрэл», посвященной описанию путешествия героини в ад и известной под названием «Повесть-наказ Цаган Дара-эхэ» («*Caγān Dāre ekeyin tuuji zarliq orošibo*»), сохранилась на «ясном письме» лишь в единственном экземпляре. Транслитерация, русский перевод и комментарии, выполненные А. Г. Сазыкиным, а также факсимиле этой уникальной ойратской рукописи опубликованы в третьей книге научной серии «Corpus Scriptorum Oiratorum» [Сазыкин 2015].

Ойратская версия «Истории Гусю-ламы» («*Xutuqtu Gūsū blamayin tuuji orošibo*»), которая дважды упоминается Н. Очировым в его научном отчете о поездках в 1909–1911 гг. по улусам астраханских калмыков, была в свое время распространена и среди западномонгольских ойратов [Бильгүүдэй 1998: № 162]. До недавних пор было известно о существовании двух рукописей этой повести на «ясном письме». Один экземпляр хранится в коллекции монгольских рукописей ИВР РАН [Сазыкин 1988: № 338], второй в фонде монгольских рукописей Музея-квартиры академика Ц. Дамдинсурэна [Бильгүүдэй 1998: № 162]. Третий список рукописи недавно был обнаружен в личной коллекции Увелзенг-генге (г. Текес, СУАР КНР) [Galdan 2014; Inouye, Erdemtu 2009]. Таким образом, теперь известны три ойратских рукописи этого сочинения.

На сравнительном анализе трех текстов ойратской версии «Истории Гусю-ламы» мы остановимся более подробно. Но прежде следует высказать некоторые предположения относительно происхождения этого сочинения. А. Г. Сазыкин называет этот текст «бурятской повестью», «парафразом тибетско-монгольских историй о хождениях в ад» и пишет: «Наряду с переводами, обработками и литературными подражаниями, появивши-

¹ Ойратская рукопись. «*Erliq Nomiyn xāni zakā orošibo*». 11,2 x 41, 42 л., черная и красная тушь, калам [Erdemtu 2017: 216–258].

мися в разное время в Монголии, есть на монгольском языке еще одно произведение на сюжет “видений ада”, созданное в Бурятии» [Сазыкин 2004: 26].

Основанием для высказанного А. Г. Сазыкиным мнения о бурятском происхождении этой повести, по всей видимости, послужило описание монголографичной рукописи под № 11 в списке материалов, которые Ж. Ц. Жамцарано (1881–1942) и Б. Барадийн (1887–1937), командированные для сбора «бурятской старины», привезли в Азиатский музей¹. Приведем эту часть записи полностью:

«(11) MS. *Qutuy-tu Güse blam-a qamuy amitan-i tamu-ača tonilyaysan šistar orošiba*. Сказание о том, как Гоуши лама ходил в ад и спасал страждущих. Список со старинной бурятской рукописи, слог старинный; небрежного письма. Образчик чисто народно-религиозной литературы в начале распространения буддизма среди бурят» [Список 1905: 67].

Отметим, что в приведенной записи авторы не утверждают, что повесть бурятского происхождения, а лишь констатируют, что это «список со старинной бурятской рукописи». А. Г. Сазыкин по этому поводу замечает, что самый ранний период развития бурятской письменности приходится на вторую половину XVIII в., и понятие «старинный» в данном случае совпадает с этим временем, тем более что активное распространение буддийских, преимущественно переводных, сочинений в Бурятии начинается с конца XVIII – начала XIX вв. [Сазыкин 1982: 59]. Таким образом, если эта повесть появилась в Бурятии, то это могло произойти не ранее, чем в конце XVIII в.

Исходя из данных, полученных в ходе палеографического и текстологического анализов девяти списков этого текста из монгольского фонда ИВР РАН, А. Г. Сазыкин называет первую половину или даже первую четверть XIX в. временем появления бурятских рукописей повести на старомонгольской графике. Однако ойратская рукопись из монгольского фонда ИВР РАН датируется им не позднее XVIII в. [Сазыкин 1982: 59] Эта датировка подтверждается и анализом недавно обнаруженной обнаруженной рукописи из Синьцзяна, которую китайские исследователи датируют серединой XVIII в. [Galdan 2014: 137].

А. Г. Сазыкин пишет, что ойратская версия «подверглась уже некоторой литературной обработке и является вторичной по отношению к

¹ Это монгольская рукопись F 80 из рукописного фонда ИВР РАН [Сазыкин 1988: № 332].

монголографичной версии». Затем он вполне логично предположил, что «еще в XVIII в. существовали рукописи на уйгуро-монгольском письме, взятые за основу при переложении на заяпандитовское “ясное письмо”» [Сазыкин 1982: 60]. Однако, сделав такое предположение, автор на основе района преимущественного распространения рукописей и орфографии, изобилующей отклонениями от норм монгольского письменного языка, что наиболее типично для бурятских письменных материалов, приходит к неожиданному выводу: «...представляется маловероятным, чтобы бурятские переписчики сумели до такой степени переработать текст, записанный прежде монгольскими литераторами. Таким образом, мнение составителя «Списка» о бурятском происхождении повести подтверждается вполне» [Сазыкин 1982: 60].

Исходя из вышеизложенных фактов бурятское происхождение «Истории Гусю-ламы» не кажется столь убедительным. Если, как считает А. Г. Сазыкин, эта повесть имеет бурятское происхождение, то по его же мнению, она появилась не ранее, чем в конце XVIII века. Нужно также учитывать отсутствие тесных культурно-исторических контактов между бурятами и калмыками в XVIII веке. Основываясь на известных исторических обстоятельствах, можно смело утверждать, что вплоть до 1771 г., времени ухода большей части калмыков в пределы Джунгарии и упразднения Калмыцкого ханства, между бурятами и калмыками таких контактов практически не было. И лишь в последней четверти XIX в., калмыки начинают восстанавливать прежние связи с монгольским, буддийским миром. В этот период в Бурятии оказываются редкие калмыцкие паломники, направлявшиеся на поклонение в Тибет, поскольку традиционный путь в Лхасу через Джунгарию был для них навсегда утрачен. В свою очередь в калмыцких кочевьях изредка стали появляться бурятские ламы.

Таким образом, «вторичность» ойратского текста по отношению к бурятским текстам вызывает сомнение. И вопрос о происхождении текста «Истории Гусю-ламы» все еще нуждается в уточнении. Остается только согласиться с предположением А. Г. Сазыкина о существовании монгольского текста, послужившего основой, как для «старинной бурятской рукописи», так и для ойратских текстов. Однако подтверждения о существовании монголографичной версии такого текста в Монголии или в Китае у нас пока нет. Так или иначе, к концу XIX в. – началу XX в., судя по свидетельствам Ж. Ц. Жамцарано, Б. Барадийна и Н. Очирова, которые

осуществляли свои научные поездки практически в одно время (первые двое в 1903–1904 гг., третий в 1909–1911 гг.), повесть была широко распространена как среди бурят, так и калмыков.

Обратимся к анализу текста трех списков рукописей на «ясном письме», которые происходят из трех ареалов исторического проживания ойратов, и сравним его с монгольским текстом **С 236**, транслитерация которого была опубликована А. Г. Сазыкиным [Сазыкин 2004: 237–242].

1. *Töböddi-yin xutuqtu Gūsū blama nirvān boluqsani tuuji orošibo*. Ойратская рукопись, 13 л., 31 x 9,5 (28 x 7,5), 25 стк., плотная желтая бумага, тушь, калам. ИБР РАН (Санкт-Петербург, Россия), Шифр **С 391** (М. Nova, 15), инв. № 825 [Сазыкин 1988: № 338; Яхонтова 2014].

2. *Xutuqtu Gūsū blamayin tuuji orošibo*. Ойратская рукопись, 8 л., 25,5 x 12 (21 x 7,5), 20–22 стк., плотная желтая бумага, красная и черная тушь, калам. Рукопись неполная. Нет последних листов. Личная коллекция Увелзенгенге (г. Текес, СУАР КНР) [Do. Galdan 2014: **XGMO 0299**].

3. *Xutuqtu Gūsū blamayin tuuji orošibo*. Ойратская рукопись, 19 л., 25,5 x 9, 15–17 стк., плотная желтая бумага, красная и черная тушь, калам. Музей-квартира академика Ц. Дамдинсурэна (г. Улан-Батор, Монголия), Шифр **A3-170 (MH-397)** [Бильгүүдэй 1998: № 162].

Для удобства ссылок на эти три ойратские рукописи, в дальнейшем первую, из коллекции ИБР РАН, мы будем условно называть «калмыцкой», хотя ее происхождение из Калмыкии нельзя считать окончательно доказанным (см. ниже). Тем более что «откуда и когда этот текст поступил в коллекцию – неизвестно» [Sazykin 1997: 33]. Вторую, из Синьцзяна – «синьцзянской», а третью, из коллекции академика Ц. Дамдинсурэна – «западномонгольской».

Имя главного героя в названии калмыцкой рукописи **С 391** из ИБР РАН написано как *Gūsū*, а непосредственно в самом тексте – *Gūsū*. В списке рукописи **XGMO 0299** из Синьцзяна – *Gūsū*. В третьем западномонгольском списке **A3-170 (MH-397)** из Музея-квартиры академика Ц. Дамдинсурэна (г. Улан-Батор, Монголия) – *Gūsū*. Расхождение в написании имени во всех трех рукописях на «ясном письме» не столь значительно как в текстах на старомонгольской графике. Именно «калмыцкая» рукопись позволила А. Г. Сазыкину выяснить правильность написания имени главного героя повести в названиях, записанных старомонгольской графикой. Он пишет: «окончательную ясность вносит рукопись **С 391**, записанная

на ойратском «ясном письме», в которой это имя однозначно читается как Гусю (на обложке – Гүсю)» [Сазыкин 1982: 57–58].

Остается лишь добавить, что наиболее точное написание тибетского, по мнению Сазыкина, слова «гюшю», означающего «высокородный, святой» [Цыбиков 1981: 105; Сазыкин 2004: 229], мы видим в третьем списке рукописи на «ясном письме» из Музея-квартиры академика Ц. Дамдинсурэна. В нем в оригинальном написании есть диакритика у буквы *ṣ*. Что же касается значения имени главного героя повествования – Гусю, Гушю, – то, скорее всего, оно происходит не из тибетского, а китайского языка. Китайское «国师» («guo shi»)¹ означает «государственный наставник», т.е. учитель-наставник правителя страны.

Прежде чем обратиться к непосредственному анализу текста монгольской и ойратской версий «Истории Гусю-ламы», необходимо отметить насколько идентичны все три списка рукописей на «ясном письме». Калмыцкую рукопись **С 391** «*Töböddi-yin xutuqtu Gūsū blama nirvān boluqsani tuuji orošibo*» из монгольского фонда ИБР РАН вполне можно охарактеризовать, используя описание, данное Ж. Ц. Жамцарано и Б. Барадийном по отношению к бурятской рукописи **F 80**. Это такой же список со «старинной» (только калмыцкой) рукописи, «слог старинный; небрежного письма», «образчик чисто народно-религиозной литературы», но в данном случае периода существования Калмыцкого ханства на Волге (1630–1771).

Оформление рукописи и небрежный почерк свидетельствуют о том, что список выполнялся не по просьбе кого-то из верующих калмыков или любителей рукописных книг. В таком случае переписка совершалась, как правило, тщательно и достаточно продолжительное время, поскольку донатор совершал подношение, обеспечивавшее переписчика всем необходимым для выполнения работы над рукописью. Данная же переписка текста была выполнена в короткое время, по всей видимости, по указанию настоятеля монастыря для кого-то из приезжих исследователей. Это могло быть связано с тем обстоятельством, что оригинал, с которого сделали копию, имелся в монастырской библиотеке в единичном экземпляре. Список был выполнен со старинной рукописи не профессиональным переписчиком, а кем-то из лам, кто мог быстро переписать текст. Цель переписки

¹ Явно китаизированную форму имени главного героя приводят Ж. Ц. Жамцарано и Б. Барадийна (Гоуши) [Список 1905: 67] и В. Хайссиг (Гоуши) [Heissig 1972: 99]. Их варианты записи имени отмечены у А. Г. Сазыкина, однако он считал такое написание ошибочным [Сазыкин 1982: 58].

была определенной – нужен был текст, а не сама рукопись. Известно, что отечественные и зарубежные исследователи активный сбор полевого материала в Калмыцкой степи начинают вести в конце XVIII в.¹ – первой половине XIX в. [Неклюдов 1984: 11]. Есть основания полагать, что «калмыцкая» рукопись С 391 была переписана в этот период и именно с такой целью.

Наши предположения подтверждаются не только внешними признаками рукописи (небрежный почерк, пропуски в тексте, отклонения от норм письменного языка, написание слов с обозначением переносов в том виде, в каком они были в оригинале), но, главное, и заключительной фразой переписчика на обороте последнего листа:

[13b] *Ene nomi atuyur bičibeı ene ödür yurban: nom бүтүбей: (Эту книгу написал в спешке². В этот день закончил три книги).*

Было бы интересно узнать, какие еще два текста были переписаны в этот день неизвестным калмыцким ламой. Во всяком случае, небрежный почерк переписчика может помочь в опознании двух других текстов, если они сохранились в отечественных хранилищах рукописей.

Название произведения указано на титульном листе – «*Töböddi-yin xutuqtu Güüsü blama nırvān boluqsanı tuuji oroşibo*» («История смерти тибетского святого Гусю-ламы»). Здесь же, на титульном листе, перед названием произведения тибетскими буквами написано *gang gis* ‘тот который, тот кто’, которое производит впечатление начала неоконченной фразы.

А. Г. Сазыкин, публикуя транслитерацию текста калмыцкой рукописи, отмечал, что «в рукописи С 391 имеются ошибки, пропуски слов, а иногда и целых отрывков». Он внес исправления и дополнения в транслитерацию по монгольскому тексту одной из семи бурятских рукописей (шифр С 236) из монгольского фонда ИВР РАН [Sazykin 1997: 33]. Надо отметить, что таких исправлений и добавлений в транслитерации оказалось не так много.

Калмыцкая рукопись С 391	Монголографичная рукопись С 236
hoi	qoriyan
amani	ıman-i
xaıırsaq-tu tamuyin	tamuyin xaıırsaq

¹ См. [Pallas 1776; Лепехин 1771].

² В русском переводе А. Г. Сазыкина слово *atuyur* передается как имя собственное, тогда как можно предположить, что здесь его надо понимать как ойр. *adaııur* ‘торопливо’, ‘в спешке’.

erkin	irgen
ergen	irgen
altatu	amtatu
söüji	souji
dara	dura
Добавленные слова	
tarnidači	usu tarnidači
uran kümün(-yer)	uran dörbön kümün(-yer)

Что касается пропусков в калмыцкой рукописи, то это один, но большой абзац, в котором объясняется причина падения грешников в Ад коро-бов и в Ад испражнений.

[8b] *uridu amidu: caqtān [C 236: ene tamu dotora idilčejü kebtegči amitan ber urida amidu büküyin jayayan-dur bey-e bey-e-yin ed-ıyen idege-yi adal mal-i arı-a jali qudal qayurmay-ıyar qongjiı idilčigsen-ıyer: eduge qayırčay-tu tamu-dur unaıı öberün öberün bey-e-yi idelčejü kebteg-sen-ü udq-a tere bui kemebe: qutuy-tu Güsü blam-a nigen ekitü nom ungşiqıı-dur qayırčay-ud inu ebderčü böged: tere tamu-yin amitan-i tonııyafu burqan-u yaıar-i jiıyafu ilgebei: basa qutuy-tu Güsü blam-a tegünče čınayşı odbasu: bayasun şigesün-ü dumda olan kümün-i kebte-küyin dergede kürčü qutuy-tu Güsü blam-a üjeged: tere tamuyin ejed-eče asaıubai: tede amitan yaıun-u tula teyimü boluısan bui kemebesü: tamuyin ejed ügülerün] uridu amidu: caqtān*

Синьцзянская рукопись **XGMO 0299** «*Xutuqtu Güsü blamayin tuuji oroşiboı*» («История святого Гусю-ламы») представляет собой традиционно оформленную рукописную книгу формы «ботхи», написанную ровным красивым почерком. Листы сильно изношены. Рукопись неполная. Не хватает нескольких последних листов, описывающих сцены суда, наставление Эрлик Номин-хана и возвращение Гусю-ламы в мир живых людей.

Название произведения, написанное на лицевой стороне (recto) первого листа параллельно длинной его части, обрамлено в двойную рамку красного цвета. Сама рамка имеет две оградки. Одна расположена над текстом названия произведения, вторая – под ним. В верхней оградке вертикально к длинной части рамки написан номер листа (*nigen*), нижняя – оставлена пустой. На обороте [verso] первого листа красной тушью выделены: первая строка (*Töbödiyin xutuqtu Güsü*), мантра шести слогов (*om mā ni pad me hum*) в середине листа и слова семнадцатой строки (*blama zarlıq bolbo*).

На лицевой (recto) стороне второго листа [2a] – слова четвертой и пятой строк (*xutuqtu Güsü blama*), а также девятнадцатой строки (*blama bandiyin*). На обороте [verso] второго листа [2b] – слова шестой (*blama sünesün-yēn*) и девятнадцатой строк (*umara zügiyin Ami=dabha*).

На лицевой (recto) стороне третьего листа [3a] – слова шестой и седьмой (*blama bandiyin*), а также двадцатой строк (*tamuyin erke*). На обороте [verso] третьего листа [3b] – слова девятой и десятой (*boluqsan ud=xa inu*), а также девятнадцатой строк (*tere xutuqtu Güsü blamadu Er=liq*).

На лицевой (recto) стороне четвертого листа [4a] – слова восьмой и девятой строк (*töün-ēce cādu*). На обороте [verso] четвертого листа [4b] – слова девятой строки (*xutuqtu Güsü*).

На остальных листах выделения слов красной тушью отсутствуют. Как видно, переписчик, выделяя отдельные слова и выражения, пытался придать рукописной книге визуальную притягательность. При этом он не просто технически равномерно выделял строки, определенные по счету от начала и конца листа, а находящиеся в них торжественные слова и выражения.

Палеографический и текстологический анализ рукописи позволил исследователям датировать синьцзянский список **XGMO 0299** серединой XVIII в. [Galdan 2014: 137]. Следовательно, синьцзянский текст и текст рукописи, с которого была выполнена копия калмыцкой рукописи, были выполнены приблизительно в один период времени. При сравнительном анализе калмыцкого текста **С 391** и синьцзянской рукописи **XGMO 0299** выявляется достаточно большое количество разночтений. В основном это различия в написании и пропуски некоторых слов.

Приведем для примера лишь некоторые из разночтений, касающиеся написания слов, выбора грамматических форм и их написания. Более существенные расхождения отмечены в сносках к транслитерации текста **С 391**.

Калмыцкая рукопись	Синьцзянская рукопись
С 391	XGMO 0299
üzetele	üzekülē
bui	bi
šibinelükü	šibinelcekü
öndür	öndör

tömür	tömör
mürendüni	mürindüni
xōloi-tu	xōltoi
xaramlaqsani	xaramnaqasni
ideldüji	idelceji

В синьцзянской рукописи **XGMO 0299** также есть большие пропуски в тексте. Их два. Первый – это наставление Эрлик Номин-хана, которое он дает в стихотворной форме Гусю-ламе при их первой встрече:

amidu zayā=ni [C 391: *mungxaq amitan yaqca kümün mingya nasulaxuyin činēn sanajī kilincē olo kekü bui: blama nomi xudal bui: geji kelekü bui:*

oluqsan zōqsön-yēn baraq-daxu činēn ülü sanaxu bui:

ümüsüqsen debil-yēn eleküyün činēn ülü sanaxu bui:

morin-yēn üküküyün činēn ülü sanaxu bui:

bi töüni tu=lada zōb-tü buruu-tui=gi ilyayā geji

xoyor zayāni dumda souqsan bui: bi

xutuqtu Güsü blamadu Erliq xān zarliq bolboi:

ci amidu zayāni erkin ulustu suryāl kele

jiryal-tu burxani yazar-tu odboi bi geji kele

zobolong-tu tamuyin yazartu odboi bi geji kele::

nom buyani keqsen kümün-ni beye inu tenggeri-yin dēre

niyour inu na=rani gereldür adali bui:

nom buyan ügei kümüni inu tamuyin dotoro:

niyuur inu zouraqsan šabar-tu adali bui:

Erliq xāndu Güsü blama zarliq bolboi: tere cādu cusu-tu yeke dalai dotoro olon kümü=ni toloyoi üzeqdeji bayinam tere youni tulada tegeji bayixu bui: geji asaqbā:: basa tere cādu caγān taladu] idekü ügei ümüskü ügei uuxu ügei olon kümün [4a.] üzeqdenem

Второй пропуск в синьцзянском списке идентичен пропуску большого абзаца в калмыцкой рукописи **С 391**, разъясняющего причину попадания грешников в Ад коробов и в Ад испражнений.

Наличие одинакового крупного пропуска в обеих рукописях – существенный довод в пользу предположения, что обе рукописи восходят к одному источнику. Кроме него между этими двумя списками есть еще некоторые интересные совпадения.

К примеру, только в этих двух рукописях присутствует одинаковое слово ‘*alxotu*’, значение которого не понятно (возможно, это ошибочное написание слова¹ или какое-то другое малоупотребительное слово). Оно использовано в стихотворном описании внешнего вида голодных духов (претов).

Калмыцкая рукопись **С 391**:

[5a] *amani činēn alxotu*
alxu ya=daxu költöi

Синьцзянская рукопись **XGMO 0299**:

[4a] *amani činēn alxotu*
alxau yadaxu kültöi

В тоже время, в тексте третьего, западномонгольского списка, на «ясном письме» из Музея-квартиры академика Ц. Дамдинсурэна употреблено понятное и подходящее по контексту слово *amuta* ‘имеющие рот’.

[6b] *amuni činēn: amuta*
alxu yadaxu külte:

Рот у них с зернышко,

Ноги, не могут ступить и шагу

Это слово употреблено и в монголографичной рукописи **С 236**:

iman-u činegen amtai
alqun yadaqu költü [Сазыкин 2004: 238]

Традиционно голодные духи описываются как существа с очень маленьким ртом (или горлом) и большим животом. Например, в шастре Дже Гампопа «Украшение освобождения» («*Tonilxuyin čimeq ketēkū šaštir*»²) о голодных духах сказано, что у них «рот с игольное ушко» [Гампопа 2001: 51].

Также можно привести пример с ошибочным написанием слова ‘*xayiralan*’ ‘милостиво’ вместо слова ‘*xarmanajī*’ ‘из жадности’ в тексте обеих рукописей. При этом следует отметить, что ошибочное написание этого слова меняет смысл всего предложения. Переписчики не могли не заметить этого, но исправить эту ошибку, по всей видимости, не решились, поскольку в тех списках, которые имелись у них, это предложение было написано именно в таком виде.

¹ Н. С. Яхонтова предполагает, что это ошибочно записанное слово *xöltu* ‘с горлом’.

² Краткий текст этой шастры был переведен и опубликован калмыцкими монахами. См.: [Позднеев 1907: 178–195].

Калмыцкая рукопись **С 391**:

tere cādu dergedüki olon kümün üzeqdeji yazār uxu-ji souxu udxā inu ene bui: blamadu amidu: [6a] caqtān idēn undan ümüskü züüküi-yi xayiralan [=xarmanajī] yabuji töüni tula idekü ündesü ü=gei uuxu ügei ümüskü ügei ülü oldoxu bolxuyin ud=xa inu ene bui:

Причина, по которой множество людей, виднеющихся в той дальней местности, скребут землю [6a] в том, что при жизни они милостиво [=из скупости не] подносили ламам пищу и одежду. По этой причине они не имеют ни пищи, ни воды, ни одежды и никогда не обретут их.

Синьцзянская рукопись **XGMO 0299**:

tere cādu cayān tala=yin zergedü-ki olon kümün üzeqdeji bayiqči yazār [5a] uxiyi suuxu udxā inu blamadu amidu zayān-dān idēn undā ümüskü zöüküiyi xayir=lan [=xarmanajī] yabuji töüni tula idekü üge-yi undāsun uuxu ügei ümüs=kü ügei: ülü olduxu [=udxa] inu tere bui:

Причина, по которой множество людей, виднеющихся в той дальней пустынной местности, скребут землю [5a] в том, что при жизни они милостиво [=из скупости не] подносили ламам пищу и одежду. Поэтому они не имеют ни пищи, ни воды, ни одежды и никогда не обретут их. Потому руки у них истерты до плеч.

Западномонгольская рукопись **A3-170 (MH-397)**:

[6a] ...*tere cādu dalagiyin: dergedü olon kümün üzü=qdeči yazār uxaḡi: soxu udxā inu urdu zayan-du idēn undün: ümüskü: züküiyi blamā: noyoud-ēce xarmanjī yabu=qsanı tulā idkü uxu üge=dēn: yazār uxaḡi ündüsü čü ese oloqsen udxā inu ene bui::*

[6a] ...Причина, по которой виднеющиеся у края океана множество людей, скребут землю руками, в том, что в прежней жизни они из скупости не подносили еду, питье и одежду ламам. Поэтому, не имея пищи они скребут землю и не находят даже корешка.

Монголографичная рукопись **С 236**:

tegün-i činadu dalai-yin dotorki olan kümün yaḡar uquḡu sayuqu-yi üjegde[e] ḡči inu: urida amidui jayaḡan-dur blam-a-nar-tur [5a] edige [=idege] umdayan-i ba: emüskü jégüküiyi qaramlan’ qayiralan yabuysun-u tula’: yaḡar maltaḡu ündü’sün-i olduqu böged: qoḡoloi qub=čisa ügei bayiqu-yin udq-a tere bui:

Виднеющиеся там дальше, сидящие у моря люди, скребущие землю руками, в прежней жизни, [5a] имея еду, питье и одежду, из скупости не давали их ламам.

За это они и скребут землю и, не находя корешка, не имеют [здесь] ни пищи, ни одежды, и руки их ободрены до плеч [Сазыкин 2004: 231].

Еще один общий элемент в содержании этих двух текстов – это пропуск одного и того же слова *usu* ‘вода’ в описании окропления того или иного отдела ада освященной водой для освобождения страдающих в нем существ.

«Калмыцкая рукопись» **С 391**:

[7b] *xutuqtu Gūsū blama üzüjī [ö]röbēn ebeči doqšin burxāni züreke tarni sedkiḡi [usu] tarnidači cacuxu-du tere nayiman xaluun tam’ui-gi xōsun bolḡoḡi tamu-ēce tonilyōḡi burxāni yazartu küргеbei::*

Синьцзянская рукопись **XGMO 0299**:

[6b] *xutuqtu Gūsū blama üzeḡi öröbēn ebedči doqšin burxāni züreen tarni sedkiḡl [usu] tarnidaḡi cacuxuyidu tere nayiman xaluun tamuyigi xōsun bolḡoḡi tamu-ēce tonilyōḡi burxāni yazartu töröülbei::*

Впрочем следует отметить, что в западномонгольской рукописи **A3-170 (MH-397)** это слово также пропущено, но оно есть монголографичной рукописи **С 236**:

[7a] *qutuy-tu Gūsū blam-a öber-ün sayin sedkil-iyer doysin burqan-u ḡirūken tarni unḡsiḡu emüne usun-i tamidaḡu sačuqu-dur tere nayiman qalayun tamu qoḡosun bolḡu:*

Можно привести еще один пример, касающийся употребления слова *xoi*, который также может указывать на то, что калмыцкая рукопись **С 391** и синьцзянская рукопись **XGMO 0299** имеют общий источник.

Калмыцкая рукопись **С 391**:

xutuqtu Gūsū blama asaqbā: emegen tere kötöl dēre yeke xoi doto=ro xamūq büḡüde arātani beye üzeqdebe: tere youn bui (geḡi) asaḡ=bā:

Синьцзянская рукопись **XGMO 0299**:

Gūsū blama basa asaḡba: emegen [tere] kütöl dēre yeke xoi dotoro xamūq büḡüde arātani beye üzeqde=nem tere youn bi geḡi asaḡba:

Западномонгольская рукопись **A3-170 (MH-397)**:

xutuqtu Gūsū blama zarliḡ bolboi: ā emegen tere kütöl dēre olun: xoi: dotoro xamūq arāt=ani: beyē üzüqdenei: youmbi:

Монголографичная рукопись **С 236**:

basa qutuy-tu Gūsū blam-a ḡarliḡ bolurun: ai emegen tere kötöl degere yeke quriyan dotoro: qamūḡ büḡüde aray-a-tuyin bey-e üḡegdeḡsen tere yayun bui:

В транслитерации калмыцкой рукописи А. Г. Сазыкин слово *xoi* исправил на монгольское *qoriyan* и в переводе обозначил как «загон». Од-

нако в современном языке ойратов и монголов Китая сохранилось малоупотребительное заимствованное из китайского языка слово ‘*xoi*’, ‘*xüi*’ в значении «большое собрание священнослужителей» или «многолюдное собрание людей» [Toli 1994: 979]. Это значение не только здесь больше подходит, но и подтверждается употреблением слов *yeke quriyan* ‘большое собрание людей’ на этом месте в монголографичной рукописи **С 236**.

Таким образом, судя по примерам приведенным выше, можно с большой долей уверенности утверждать, что текст калмыцкой рукописи **С 391** и синьцзянский **XGMO 0299** восходят к одному неизвестному нам ойратскому источнику, существовавшему в XVIII в., несмотря на достаточно большое количество разночтений в этих двух списках.

Третий список повести на «ясном письме» из Музея-квартиры академика Ц. Дамдинсүрэна написан ровным, характерным для западномонгольских рукописей почерком. На титульном листе написано название произведения – «*Xutuqtu Gūsū blamayin tuuḡi oroḡiboḡi*» («История святого Гушю-ламы»).

Только на трех листах (из 19) красной тушью выделены строки, торжественные слова и выражения. На лицевой (recto) стороне листа [11a] красным выделены две строки текста (*basa xutuqtu Gūsū blama: xarangyui yazariyin tamudu*) в середине листа. На обороте [verso] листа [11b] слова десятой и одиннадцатой (*blama nigei ekē=tē nom*) строк, а также одно слово (*burxani*) четырнадцатой строки.

На лицевой (recto) стороне листа [12a] красным выделены нумерация листа (*arban xoyor*), знак начала текста (бирга), слова второй (*xutuqtu Gūsū blama*), пятой (*nom burxāni*), восьмой и девятой (*xutuqtu: Gūsū blama:*), а также пятнадцатой (*xutuqtu Gūsū blama*) строк. На обороте [verso] листа [12b] – слова седьмой, восьмой и девятой строк (*xutuq=tu Gūsū blama nigen ekitü: nom unḡḡixudu:*).

На лицевой (recto) стороне листа [13a] – слова седьмой (*xutuqtu Gūsū blama*), пятнадцатой и шестнадцатой строк (*xutuqtu Gūsū blama nigen ē=ketü:*). На обороте [verso] листа [13b] – слова третьей строки (*xutuqtu Gūsū blama tende*).

На лицевой (recto) стороне листа [14a] – слова первой и второй строк (*nara ḡarḡaḡi ödö bolboi:*), а также слова двенадцатой и тринадцатой строк (*ene bui: geḡi öḡüülēd odbo*). На обороте [verso] листа [14b] – слова тринадцатой и четырнадцатой строк (*Erliḡ xān-du*).

В отличие от двух вышеупомянутых текстов западномонгольское повествование начинается так, как традиционно начинаются сутры: с формулы поклонения Трем Драгоценностям буддизма.

[1b] *Namo budha yā:*

namo // darhma [=dharma] yā:

(+namo)¹ *sangha yā*

Далее в сутрах обычно приводится название сочинения на трех языках (в ойратской графике) – санскрите, тибетском и монгольском, с соответствующими вводными словами. В западномонгольской рукописи написаны только слова, указывающие на тибетское название произведения – *töbödiyin kelēn-dü:*. Само тибетское название не приведено, а непосредственно начинается текст повествования. При этом начало повести несколько отличается от двух других списков на «ясном письме» и близко к тексту на монгольской графике.

Калмыцкая рукопись **С 391**:

[1b] *Töbödi-yin xutuqtu Güsü blama nir'vān boluqsan aji nir'vān boluqsani xoyino teqši burxani oron-du ese kürči doroqši tamu-du čü ese kürči: tere xo=yoriyin dundadu xōsun tamu-du unaji:*

Синьцзянская рукопись **XGMO 0299**:

[1b] *Töbödiyin xutuqtu Güsü blama nirvān boluqsan xoyino: dēqši burxani oron-du ese kürči doroqši tamu-du čü ese kürči tere xoyoriyin dundadu xōsun tamu-du una=ji:*

Западномонгольская рукопись **A3-170 (MH-397)**:

[1b] *Töbödiyin kelēn-dü: xutu=qtu Güsü blama nirvān bo=luqsan aji tödüi nir=vān: boluqsan-du inu canā tamadu ese kürči nā axā döü ečige: eke uruq sadun-dān: ese kürči tere xoyur=yin: xor dunda xōsun: tamadu unauji*

Монголографичная рукопись **С 236**:

[1b] *Töbed-ün qutuγ-tu Güsü blam-a nirvan boluqsan ajiγu: minu cin[a]γsi tamu-dur čü ese kürčü: inaysi töröl aq-a degü'ü ečige eke em-e köbegün-tegen čü ese kürčü: tere qoyar jayayān-u qoγoram'dadu qoγosun-u jayuradu-yin tamu-dur tedüi un[a]γsun-u*

Далее следует еще один очень интересный момент, которого нет ни в текстах на «ясном письме», ни в монголографичной рукописи. Согласно западномонгольскому тексту, Ледяную гору (*Mösötü oula*) упирает в

¹ Круглыми скобками со знаком + отмечены слова, вставленные в тексте рукописи между строк.

небо старушка (*emegen*). Можно предположить, что слово «*emegen*» в этом предложении появилось по ошибке. Без него смысл этого эпизода повествования уже не будет отличаться других текстов.

Западномонгольская рукопись **A3-170 (MH-397)**:

[2a] *dēqši xarj=i: üzebēsü: nigē ada biši emegen Mösötü oula tenggeridü tulji bayixugi üzübei: basa tere kütöl=dü nigen emegen kümün zol=yobai:*

Калмыцкая рукопись **С 391**:

[1b] *dēqši xar'ji üzetele nigē ada-biši tenggeri-dü tul=ji bai-xu mösün uula üzeq=debei:: basa tere kötöldü emegen kümün-dü zolyoji:*

Синьцзянская рукопись **XGMO 0299**:

[1b] *dēqši xaraji üze=külē: nigen adabiši tenggeri tulji bayixu Mösin uula üzeqdebei: basa tere kütöl-dü emegen kümün-dü zolyo=ji:*

Монголографичная рукопись **С 236**:

[1b] *degegčide yar=yad mölöstü ayula (ayula-yi yarču üjebesü adalabasu mölöstü ayula) tngri-dü tulju bayiqu-yi üjeg=debe: basa (tere) kötöl-dü nigen emegen kümün-iyer jolyoyad*

В западномонгольской рукописи отличается от двух других ойратских текстов и традиционная заключительная фраза о завершении повествования с указанием названия произведения.

[19a] *xutu=qtu Güsü blamā burxān nom xuvāriq γurbun ērdenigi: sedkiqdekü bu:: geji burxā=ni: yazartu ilgeqsēn tu[u]ji tögüsbei:: : ::*

История святого Гушю-ламы, созерцанием Трех Драгоценностей – Будды, Учения и Общины – отправившего [существ ада в чистые] земли будд закончена.

Калмыцкая рукопись **С 391**:

[13a] *xu=tuqtu Güsü blamayin Erliγiyin zakā tögüsbe::*

Наставления Эрлик-хана, [поведанные] святым Гусю-ламой закончены.

Рукопись **С 236** из монгольского фонда ИВР РАН:

[11a] *qutuγ-tu Güsü blam-a-yin qamuy amitan-i tamu-ača tonilyaysun satar tegüsbe::*

Шастра о святом Гусю-ламе, освободившем из ада всех живых существ, окончена.

Только в западномонгольском тексте вслед за этой завершающей фразой повествования добавлены стихотворные строки восхваления спасительной силы Трех Драгоценностей и буддийской истории о Гусю-ламе, что тоже характерно для сутр:

[19a] *yurbun ērdenigi kümün amitan durulbasu*
ali bügü=dē: sanqsān öbörön bütükü
öüni ken kümün üzebesü: kicēn bišilyāxu bu:
«Xutu=qtu Güšü blaman tuuḡi» alī=bā: kümün üzübēsü
dēdū yurbun ērdenigi bišilyāxu bu::

Если люди возлюбят Три Драгоценности,

Все задуманное ими само исполнится!

Если кто увидит это, будет усерден в созерцании,

Если кто познакомится с «Историей святого Гушю-ламы»,

Обретет прибежище в высших Трех Драгоценностях!

Судя по изменениям в тексте западномонгольской рукописи **A3-170 (MH-397)**, которые были внесены переписчиком для придания повествованию формы буддийской сутры (формула поклонения Трем Драгоценностям буддизма и указание на тибетское название произведения во вступительной части; строки восхваления Трех Драгоценностей в заключительной части повествования), это наиболее поздний по времени своего появления список ойратской версии «Истории Гусю-ламы».

Все три рукописи на «ясном письме» написаны языком, максимально приближенным к разговорной речи. Что еще раз подтверждает адресованность этого произведения широким слоям населения и главную цель ее создания – разъяснить верующим основное положение буддийского учения о посмертном воздаянии за прижизненные благие или греховные деяния. Мы уже приводили ряд разночтений между калмыцким **C 391** и синьцзянским **XGMO 0299** текстами. Приведем еще ряд таких примеров, выявленных в трех списках рукописей ойратской версии «Истории Гусю-ламы».

| Калмыцкая
рукопись
C 391 | Синьцзянская рукопись
XGMO 0299 | Западномонгольская
рукопись
A3-170 (MH-397) |
|---------------------------------------|---|--|
| boluqsan aḡi | хоуино | boluqsan aḡi |
| teqši burxani oron-du | dēqši burxani oron-du | – |
| xar’ji üzetele | xaraḡi üze=külē | xarḡ=i üzebēsü |
| körgö | gür | gür |
| bü dāri | bu dayiri | bu dari |
| mou bui | mou bi | mou bo |
| kešiq | keqsen | keqsen |
| itegēq-či | itegeḡi | itegēḡi |
| nigen üzürtü | nigen üzeqtü | ḡaqca üzürtü |

zouxu	suuxu	sād kekü
burxani ḡazar-tu odxu
zam	burxani ḡazartu odxu
zam	Šakḡamuni burxani ḡazār
yabuxu zam
Abidabā	Amidabha	Amidhabai
amidu caqtān	amidu zayāndan	amidu zayan-du
xamuḡ erkin ulus	xamuḡ ulus	xamuḡ erkeni ulus
tamuyin erke	tamuyin erke	tamiyin erüigi
zolyo	bolyo	bolyo
ḡarči üzeqdetele	ḡarči odtolo	yabuḡi yabutala
xālyadu	ḡal-du	xaliyadu
tegeḡi bayixu bui	čingnaḡi bayixu bui	činggeḡi bayixu bui
cōm	cuq	cōm
dorodu	dotoro	doro
zōün tali	zōün-te	zoun-tē
čusu-tu yeke dalai dotoro	cusutu yeke dalayin dotoro	castu yeke oulān dotoroki
mōri-dū	mürindüni	emedini
idēn bayiri	idēn bayuur	idēn undun
ilḡireqsen-dū	šalḡaraqsan-du	šilḡarxudu
cānan	činaḡši	činaḡši
šöbögü oula-du	šibegetü oula-du	šöbögün uula-du
san=jil-zaḡi	Šalḡaraḡi	sačilan
[ö]röbēn ebeči	öröbēn ebedči	örö-bēn ebedeḡi
ḡazartu kürgebei	ḡazartu töröülbei	ḡazār törölbei
lingxo	padma	lingxu
nēlügē nēji	nēlekei nēji	nelgē nēji
eme	emeši	emei
ali-yēn üi=lei-yi sayišāḡi	alḡayās üyileyigi sayišāḡi	alixu-yēn nügüligi sayišāḡi
mal’ḡai-tu	maxlayitu	malḡātu
Nirzamca blama	Irzamči blama	Zamasan blama

Эти разночтения трех одновременных текстов с одной стороны свидетельствуют о разном уровне подготовленности переписчиков, а с другой – о тех или иных лексических предпочтениях переписчиков. К примеру, при передаче понятия «в одном направлении» в эпизоде, когда старушка говорит Гусю-ламе о том, что по пути, где находятся хищные звери может пройти только человек, творивший благие деяния, верящий в Три Драгоценности и строго размышляющий в одном направления, в калмыцкой рукописи написано «*nigen üzürtü*»; в синьцзянской – «*nigen üzeqtü*», а в западномонгольской – «*ḡaqca üzürtü*».

В случае обозначения выражения «при жизни», которое неоднократно употребляется в тексте повествования при указании на те или иные не-

благие деяния, совершенные людьми в земной жизни, в калмыцкой рукописи употреблено более устойчивое для устной речи выражение «*amidu saqtān*», в двух других рукописях традиционная книжная форма «*amidu zayāndan*».

В эпизоде описания адских страданий тех людей, которые при жизни из скупости не совершали подношения ламам, а потому вынуждены беспреестанно скрести землю, истерая руки до плеч в поисках пропитания, выражение «*до плеч*» передано в разной форме. В калмыцкой и синьцзянской рукописях в виде книжной возвышенной формы «*möri-dü*», «*mürindüni*», а в западномонгольской, наоборот, более употребительное в устной речи выражение «*emedini*».

При описании того, как святой Гусю-лама, пройдя по железному мосту, достиг ворот [дворца] Эрлик-хана, понятия «*к воротам*» в калмыцком и западномонгольском тексте передано традиционным словом «*xālyadu*», «*xaliyadu*», то в синьцзянской рукописи употреблено более древнее понятие «*yal-du*» (досл. к очагу; к жилищу).

Имя ламы, представленное в трех рукописях по-разному (в калмыцкой – *Nirzamca blama*; синьцзянской – *Irzamči blama*; западномонгольской – *Zamasan blama*), показывает разную степень адаптации тибетского слова *rgya mcho* ‘море, океан’, от которого это имя происходит. Причем вариант синьцзянской рукописи кажется наиболее близким к записи тибетского слова.

В тоже время эти разночтения не меняют общего для всех трех текстов содержания повествования, а лишь придают каждому тексту специфические черты. Такое бережное отношение к литературному тексту служит свидетельством того, что в период долгого существования ойратов в разных ареалах обитания, «ясное письмо» и традиции национальной литературы оставались едиными.

Таким образом, ойратская версия «Истории Гусю-ламы» представлена тремя разновременными списками рукописей из трех ареалов исторического обитания ойратов. Все три текста идентичны по своему содержанию, несмотря на имеющиеся разночтения и дополнения. Столь бережное отношение к тексту подтверждает устойчивую литературную традицию, ограничивавшую вариативность повествований ойратской (калмыцкой) старописьменной литературы.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СТРУКТУРА «ИСТОРИИ ГУСЮ-ЛАМЫ»

Первые переводы повествований на сюжет «видения ада» или «хождения в ад» (монг. *Эрлэг тамын орны сэдэвт домог тууж*) появились в монгольской литературе в первой половине XIV в. [Цэрэнсодном 1997: 238]. Наиболее широкое распространение такие произведения получили в XVII в. [Сазыкин 1990: 11; Цэрэнсодном 1997: 238; Яхонтова 1999: 9]. Связано это было со стремлением буддийских учителей утвердить в сознании простых верующих принцип воздаяния, ставящий посмертную участь в исключительную зависимость от добрых или греховных деяний, совершенных при жизни.

Именно на осознанную устремленность простых верующих к обретению благой формы рождения, решительному отречению от греховных деяний, соблюдению нравственных норм и были рассчитаны такие истории о «хождении в ад». Подобные повествования пользовались широкой популярностью среди представителей разных слоев общества – их читали и слушали, и богатые, и бедные, и знатоки буддийского учения, и люди, не искушенные в его тонкостях.

Структура сочинений на сюжет «видений ада» выстраивалась по единой схеме:

1. Смерть главного героя (героини) повествования.
2. Пребывание в промежуточной области.
3. Путь к владыке ада через преддверия и отделения ада.
4. Сцена суда владыки ада.
5. Возвращение героя (героини) в мир живых [Сазыкин 2015: 14].

В целом согласно этой структуре выстроено и содержание «Истории Гусю-ламы». А. Г. Сазыкин, проанализировав содержание семи бурятских рукописей из монгольского фонда ИВР РАН, выделил следующие пять композиционных частей этой повести:

1. Сошествие Гусю-ламы в ад.
2. Встреча с Эрлик-ханом.
3. Путешествие по аду.
4. Суд Эрлик-хана.
5. Поучения Эрлик-хана и возвращение Гусю-ламы.

[Сазыкин 1982: 87].

В каждом повествовании на сюжет «видений ада», кроме основных структурных частей, могли присутствовать и отдельные эпизоды, индивидуальные или общие для всех произведений, которые играли определенную роль для развития всего сюжета. Среди общих элементов, как правило, присутствующих в содержании таких произведений, следует отметить два мотива: встреча со старушкой, предлагающей выпить чай забвения, попавший, по мнению специалистов, в монгольскую литературу из китайских описаний путешествий в ад и появления святого, который освобождает существ ада [Сазыкин 2015: 14].

В сюжете «Истории Гусю-ламы» присутствуют все пять основных вышеуказанных композиционных частей. Однако следует отметить, что в этом небольшом произведении эпизодическая в других повествованиях на сюжет «видений ада» встреча героя (героини) со старушкой переросла в полноценную часть композиции повести. Повествование начинается и заканчивается встречей с этим персонажем, логично обрамляя все содержание произведения. Таким образом, структуру повести можно представить в виде следующих композиционных частей:

1. Смерть и сошествие Гусю-ламы в промежуточную область.
2. Встреча и диалог со старушкой.
3. Встреча с Эрлик Номин-ханом и его первое наставление.
4. Путешествие Гусю-ламы по адам и освобождение живых существ.
5. Появление в аду тангутского (тибетского) святого Нирджамца-ламы и благочестивого безымянного ламы.
6. Сцены суда и второе наставление Эрлик Номин-хана.
7. Заключительное наставление Эрлик Номин-хана.
8. Встреча со старушкой и возвращение Гусю-ламы в мир живых.

Большая часть «Истории Гусю-ламы», как и другие произведения подобного рода, написана в лаконичной форме диалога (вопрос Гусю-ламы – ответ других персонажей). В прозаический текст вкраплены стихотворные наставления владыки ада Эрлик Номин-хана. В них в предельно сжатой форме выражены основные положения буддийского учения. Этот важный аспект в форме и содержании повести позволяет выявить определённую литературную традицию. Произведения на сюжет «видений ада» раскрывают одну из важнейших особенностей мироощущения простых верующих. В буддизме размышление о неизбежности смерти является одним из основных методов отречения от совершения неблагих деяний. Поэтому в

произведениях, подобных «Истории Гусю-ламы», выражена идея о том, что единственным способом спасения от трех форм неблагого рождения является совершение благих деяний.

Первая часть «Истории Гусю-ламы» вводит читателя (слушателя) в эмоционально необычную ситуацию – смерть главного героя повествования и его сошествие в промежуточную область.

Синьцзянская рукопись **XGMO 0299**:

[lb] *Töbödiyin xutuqtu Güsü blama nirvān boluqsan* [C 391: *ajī: nirvān boluqsan*] *xoyino: dēqši burxani oron-du ese kürči doroqši tamu-du čü ese kürči tere xoyoriyin dundadu xōsun tamu-du¹ una=ji:*

Тибетский святой Гусю-лама после перехода в нирвану² не достиг верхнего мира будд, не оказался в нижнем аду, а провалился между этими двумя мирами в ад промежуточной пустоты.

В произведении не говорится о тех духовных подвигах, которые совершил тибетский Гусю-лама при жизни, но то, что они имели место, подтверждается несколькими сакральными и понятными для каждого верующего понятиями. Во-первых, само имя главного героя повествования, которое как уже было отмечено выше, связано с понятием «государственного наставника» (монг. *ulus-un bayši*)³. Во-вторых, эпитет «*xutuqtu*» (святой) и понятие «*nirvān boluqsan*» (ушедший в нирвану). Как первое, так и второе применимы только к монахам высокого ранга. Литературная традиция и литературный этикет не позволяют по отношению к такому образу применять выражения, которые мы встречаем в других произведениях на сюжет «видений ада»: *ükükü* (умереть), *nasun-ēce nōqčijū* (исчерпать возраст), когда речь идет о смерти главного героя или героини. Первое сказано о смерти Чойджид-дагини [Сазыкин 1990: 184], второе – о Нарану Гэрэл [Сазыкин 2015: 45].

Еще одно важное положение, которое закрепляется в этой вступительной части произведения, – бренность человеческого существования

¹ *Xōsun tamu* (букв. Ад пустоты) – означает не отсутствие чего-либо вообще в промежуточной области, а временной промежуток перед началом действия закона кармы. Это уже не земная жизнь, но еще и не адские муки, вынесенные судом Эрлик Номин-хана.

² Перейти в нирвану (*nirvān boluqsan*) – умереть.

³ Этот титул был известен еще в XIII веке. Д. Кара пишет, что Пакба Лодойджалцан (1234–1279), приглашенный монгольским Хубилаем-ханом в тогдашнюю монгольскую столицу Ханбалык (Пекин), получил звание «государственного наставника» (кит. *Гоши*, отсюда монг. *gui-ši, gūši, guiši, kui' šri*) [Кара 1972: 27].

и непереносимое (кратковременное или долговременное) пребывание в промежуточной области вне зависимости от социального статуса при жизни. Для каждого живого существа путь к обретению будущей формы рождения протекает через промежуточную область. Даже ламы, совершившие духовные подвиги, являясь туда и освобождая силой своей святости страдающих существ ада, тем самым как бы легитимируют свой нынешний статус у владыки ада Эрлик Номин-хана. Именно такие установки буддийского учения придают содержанию повести реальность описываемых событий.

А. Г. Сазыкин пишет, что повесть «целиком посвящена идее всепобедительной силы лам» и в ней «их авторитет и могущество представлены в наиболее чистом виде и доведены до наивысшей степени» [Сазыкин 1982: 85]. Такое восприятие основной идеи повести не раскрывает полностью ее истинного содержания. Напомним, что появление произведений на сюжет «хождения в ад» или «видений ада» связано было со стремлением буддийских учителей утвердить в сознании простых верующих принцип воздаяния, ставящий посмертную участь в исключительную зависимость от добрых или греховных деяний, совершенных при жизни. Одна из важных установок буддизма связана с почитанием Учителя-наставника и принятием прибежища в Трех Драгоценностях. При этом конечная цель каждого наставника стать бодхисаттвой, чтобы в этом и будущем существовании помогать всем живым существам сансары в их стремлении вырваться из круговорота бесконечных рождений. Не случайно главный герой повести – тибетский святой Гусю-лама, оказавшись в ситуации выбора мысленно обращается к Трех Драгоценностям и произносит спасительную мантру шести слогов бодхисаттвы Авалокитешвары, воплощающего собой бесконечное сострадание.

Синьцзянская рукопись XGMO 0299:

[lb] tegēd unaqsan-yēn xoyino yurban erdeni sanaḡi: om mā ni pad me hum: kemēn ung=šād zūreken-dēn sanaqsan-yēn tulada: öndör uulayin bel-dü yarči dēqši xaraḡi üze=külē: nigen adabiši tenggeri tulḡi bayixu Mösin uula üzeqdebei:

Очувшись там он, подумав о Трех Драгоценностях, прочел с верой в сердце [мантру]: «Ом ма ни пад ме хум!» и оказался у подножия высокой горы. Взглянув вверх, он увидел невероятно [огромную] Ледяную гору, подпиравшую небеса.

Таким образом, в этой небольшой, но эмоционально насыщенной вступительной части повествования раскрывается неведомый для живых людей потусторонний мир. Этот мир жестко упорядочен и находится под постоянным контролем слуг (эрликов) владыки мира мертвых. Об этом свидетельствует следующая, вторая, часть произведения.

Встреча и беседа Гусю-ламы со старушкой происходит у подножия необычной Ледяной горы, упирающейся в небеса. Из ответов старушки на вопросы Гусю-ламы выстраивается своеобразная картина адских преддверий:

– Ледяная гора между миром живых и миром мертвых (*xoyor zayāni dundadu Mösin oula*);

– Дорога в ад, охраняемая хищными животными (*xamuq bügüde arātani zouxu zam*)¹;

– Мосты, ведущие в разные области верхних миров: Будды Шакьямуни – золотой (*altan güir*), будды Амидахи – латунный (*yöuli güir*), Тридцати трех тенгриев – медный (*zes güir*);

– Мост, ведущий к владыке мира мертвых, – Эрлик Номин-хану – железный (*tömör güir*)²;

– Белая башня, из которой доносится гул барабана (*caḡān bayišing dotoro yeke kenggerge deledüqči*);

– Океан Мочи (*Šēsün dalai*).

Потусторонний мир представлен читателю (слушателю) таким образом, чтобы он не только ментально, но и визуально ощущал этот мир, физически слышал гул барабана, в который бьет, согласно ойратской версии, сам Эрлик Номин-хан, а в монголографичной версии – тенгриев в облике Эрлик Номин-хана. Это своего рода буддийский набат хемингуэевского колокола.

Такие представления о потустороннем мире были укоренены в сознании простых верующих. И. Лепехин, побывавший в калмыцких степях 1768–1769 гг., в своих записках приводит краткий пересказ повествования о некоем пьянице, попавшем в ад. Благодаря тому, что при жизни он за-

¹ В «Повести об Унэн-Огулэгчи и Наран-Гэрэл-Дагини» («*Ünenöggülegči: Narangerel raginis-un tuyuḡi orosiba*») говорится о красно-медных собаках, охраняющих врата ада говорится. См.: [Сазыкин, Ёндон 1987: 84].

² По мосту, ведущему к владыке мира мертвых Эрлик Номин-хану, проходит и героиня «Повести о Чойджид-дагини» («*Čoyijid dagini-yin tuyuḡi orosiba*»). См.: [Сазыкин 2004: 152–153].

казал переписку «Ваджрачхеддики», этот человек был вызволен из ада и послан Эрлик Номун-ханом в мир живых «для прославления Доржи Зодбы»¹.

«Возвратившийся из царства мертвых пьяница со многими другими, которых и столстная книга едва вместить может, проповедал калмыкам будущее их состояние на том свете. Они видели три дороги и белый Град. Дороги сии начинаются от некоей аспидной горы, которая земным жителям видится наподобие облака. Первая дорога серебряная, другая медная, а третья железная. Железная дорога ниже всех и ведет к белому Граду, который есть жилище *Ирлик-Хана*. Она же дорога, наконец, по мнению их, истончается в волос, и многих хлопот избавляет *Ирлик-Хана*: ибо непомнящие за собою никакого благодеяния, тонкий сей путь превозмочь не могут, но обрушась попадают на место казни. Медная дорога лежит повыше, и провожает к жилищу 33 Тенгров, что есть среднее место упокоения, а серебряная дорога, которая всех выше и лежит на востоке к раю, обитаемому Абидом Бурханом» [Лепехин 1771: 471].

В этой второй части произведения есть одно, на первый взгляд, не очень существенное различие между ойратской и монголографичной версиями повести. Между тем оно является одним из показателей логичной последовательности и взаимосвязанности текста, демонстрирующий определенный уровень развития письменной традиции. В монголографичной рукописи сначала Гусю-лама задает старушке все свои вопросы, а затем она дает ему все ответы, то есть отсутствует естественно выстроенный диалог. Вопросы идут единым блоком, а затем так же – ответы. В ойратской версии за каждым вопросом Гусю-ламы следует ответ старушки.

Синьцзянская рукопись **XGMO 0299**:

basa tere kütöl-dü emegen kümün-dü zolyo=jī: blama zarliq bolbo: ai eme=gen ene mösütü uula youni tula büteqsen [C 391: oula] bui geji asaq=ba: tere emegen xariu ögüü=[2a]=lebei: xutuqtu Güsü blama či ese medeqsen buyu či xoyor zayāni dundadu Mösin oula geqči ene bui:

Там же на склоне горы ему повстречалась старушка.

Святой Гусю-лама спросил:

– О, старушка, для чего сотворена эта Ледяная гора?

Та старушка ответила [2b]:

– Святой Гусю-лама, разве ты не знаешь? Это и есть Ледяная гора, находящаяся между двумя [мирами] перерождений.

¹ «Алмазная сутра» (санскр. *Vajracchedika*; калм. Дорж жодв).

Исходя из ответа старушки на первый вопрос, Гусю-лама задает следующий вопрос. Так, установив свое местопребывание, он лишь затем расспрашивает об устройстве потустороннего мира.

Синьцзянская рукопись **XGMO 0299**:

xutuqtu Güsü blama basa asaqba: emegen [C 391: tere] kütöl dēre yeke xoi dotoro xamuq bügüde arātani beye üzeqde=nem tere youn bi geji asaqba: tere dēdü altan gür youn bi geji asaqba: töüni dorodu töüni xoyitu youli gür youn bi geji asaqba: töüni dorodu zes gür youn bi geji asaqba: töü=ni dorodu tömör gür youn bi geji asaqba: töüni cādu cayān cang deledüqči bürē tataqči nom ungšiqči: zuryān üzü=gi tölöji nāduqči xamuq ulus blama bandiyin xuraqsan čuu=lyān youn bi geji asaqba: basa töüni cādu cayān bayišing doto=ro yeke kenggerge deledüqči [2b] youn bi geji asaqba: basa cādu yeke dalai youn bi geji asaqba: basa dēdü xarangyui gür youn bi geji asaqba:

Образ старушки в повести – это своего рода маркер, выявляющий силу святости Гусю-ламы. Старушка понимает, что только Гусю-лама способен вызволить ее, в течение семи лет ожидающей своей будущей участи в промежуточной области.

Синьцзянская рукопись **XGMO 0299**:

tere emegen xariu ögüülebei: bi ükēd dolōn on bolbo: či blama sünesün-yēn beye-ēce xayacuulji abči odxui=gi ese üzebüči.

Та старушка ответила:

– Прошло семь лет, как я умерла. Лама, ты разве не видел, как забирают твою душу, разлучив с телом.

Поэтому она направляет его в ад, чтобы он увидел страдания грешников и силой своей святости освободил их от этих страданий.

Синьцзянская рукопись **XGMO 0299**:

basa tere xutuqtu Güsü blama-du emegen ögüülebei: [C 391: tere] tömür güriyin zam-yēr odči Erliq xān-du zolyo: tamuyin erke yeke buyu: üčüüken buyu üzeji boljō:

Еще старушка сказала святому Гусю-ламе:

– Ты отправляйся по железному мосту и встретись с Эрлик-ханом. Попытайся узнать, велики или малы муки ада!

Гусю-лама следует ее совету и идет к Эрлик-хану. Здесь начинается основная часть повествования, где происходит встреча главного героя повествования с Владыкой ада. В некоторых текстах на сюжет «видений ада», к примеру, в «Истории Чойджид-дагини», Эрлик Номин-хан пред-

стает как всемогущий и грозный владыка мира мертвых, восседающий на троне, перед судом которого трепещут все ожидающие своей участи существа промежуточной области. Как пишет И. Лепехин: «У них вымышлен некто судья, которого *Ирлик-Хан* называют». И в комментарии добавляет: «Откуда взялся сей Ирлик-Хан, мне не известно. Сие только об нем сказать могу, что он все пороки и добродетели совершил и так избран был судиею душ, как сведущий все дела людские» [Лепехин 1771: 467].

В других повествованиях Эрлик Номин-хан сам выходит навстречу праведным существам. В «Сутре-повести о Цаган Дара-эхэ» («*Getülgeči Čaγaγan Dar-e eke-yin tuγijī-un sudur orošiba*») он отправляется за пределы своего шестнадцатэтажного железного дворца, чтобы встретить Басмани-хатун и поднести ей хадак длиною в сажень [Бичеев 2015: 212]. В этой же повести он отправляется на расстоянии полудневого пути, чтобы встретить благочестивую девушку Номин Зула и поднести ей белый хадак [Бичеев 2015: 217].

В «Истории Гусю-ламы» Эрлик Номин-хан встречает Гусю-ламу у ворот своего дворца и дает свое первое наставление. В стихотворном наставлении, которое Эрлик Номин-хан адресует живым людям, заключена основная идея этого небольшого, но очень насыщенного императивом повествования. При этом в ойратском тексте это наставление опять же разбито на две части, в то время как в монгольской версии наставление дано без разбивки. Мы уже отмечали внутреннюю логику, присутствующую в разбивке вопросов Гусю-ламы, которые он задавал старушке при встрече в промежуточном пространстве. В данном случае разбивка также подкреплена логикой двухсоставного наставления Эрлик Номин-хана. В первой части обосновывается причина его пребывания между миром живых людей, которые погрязли в океане мирских желаний, и миром мертвых, в котором они понесут наказание за прижизненные греховные деяния.

Синьцзянская рукопись **XGMO 0299**:

[3b] *xutuqtu Gūsū blama tömör güriyin zam-yēr odči Erliq xāni γal-du* [C 391: *xālyadu*] *kur=či bayiba: töüni xoyino Erliq xān uqtaγi ireγi zolyobo:: tere xutuqtu Gūsū blamadu Er=liq xān zarliq bolboi:*

amidu zayā=ni [C 391: *munxaxa amitan γaqca kümün mingya nasulaxuyin činēn sanaγi kilincē olo kekü bui: blama nomi xudal bui: geγi kelekü bui: oluqsan zōqsön-yēn baraq-daxu činēn ülü sanaxu bui:*

ümüsüqsen debil-yēn eleküyin činēn ülü sanaxu bui: morin-yēn üküküyin činēn ülü sanaxu bui: bi töüni tu=lada zōb-tü buruu-tui=gi ilyayā geγi xoyor zayāni dumda souqsan bui: bi]

[3b] Святой Гусю-лама, пройдя по железному мосту, достиг ворот [дворца] Эрлик-хана и стал ждать. Вскоре Эрлик-хан вышел ему навстречу.

Эрлик-хан поведал святому Гусю-ламе:

– При жизни [невежественные люди, полагая, что человек проживет тысячу лет, совершают множество грехов. Они стали говорить, что ламы и учение ложны. Они не думают, что все нажитое ими утратится, Они не думают, что одежда их изнашивается, Они не думают, что их лошадь падет. Для того, чтобы различить истинное и ложное, Я нахожусь между двумя мирами перерождений].

Во второй части своего наставления владыка ада обращается к Гусю-ламе с наказом донести людям его слова о неизбежном воздаянии за греховные и праведные прижизненные деяния.

xutuqtu Gūsū blamadu Erliq xān zarliq bolboi: ci amidu zayāni erkin ulustu surγāl kele jirγal-tu burxani γazar-tu odboi bi geγi kele zobolong-tu tamuyin γazartu odboi bi geγi kele:: nom buyani keqsen kümün-ni beye inu tenggeri-yin dēre niγour inu na=rani gereldür adali bui: nom buyan ügei kümüni inu tamuyin dotoro: niγuur inu zouraqsan šabar-tu adali bui:

Святому Гусю-ламе Эрлик-хан повелел:

Ты передай живущим людям наставление!

Скажи им, что побывал в блаженных мирах будд,

Скажи им, что побывал в области адских мук.

Добродетельный человек выше тенгрия,

Лик его подобен сиянию солнца,

Недобродетельный человек [томится] в аду,

Лицо его подобно сырой земле.

Из этого наставления логично вытекают вопросы, которые Гусю-лама задает Эрлик Номин-хану об устройстве ада. Затем он добровольно принимает решение отправиться по различным отделениям ада, чтобы лично убедиться в тяжести наказания за проступки, совершаемые людьми при жизни.

Синьцзянская рукопись **XGMO 0299**:

[5b] *xutuq=tu Gūsū blama Erliq xān-du zarliq bolbo:*

Erliq xāni zarliq-yēr

amiduyin zayāni ulustu suryāl kelesü bi:

ende tamudu odči

sayin mougi üzeji irēd zarliq [6a] bolsu

[5a] Тогда святой Гусю-лама сказал Эрлик-хану:

– По велению Эрлик-хана,

Передам его наставление живым людям.

Прежде отправлюсь здесь в ад,

Посмотрев, что хорошо там и что плохо,

Поведаю[6a] обо всем.

Путешествие Гусю-ламы по разным отделам ада – это дальнейшее развитие сюжета повествования, в котором визуально подтверждается то, о чем было поведано в наставлении Эрлик Номин-хана. Все картины наказания, увиденные святым Гусю-ламой в аду – это результат десяти прегрешений тела, речи и ума, которые неотвратимо приводят к обретению неблагой формы рождения – претом, животным или существом одного из отделений ада. Как отмечает И. Лепехин, калмыки, «так же делают разделение между воздаянием за добрые дела и наказания за злые. За самоважнейший грех почитаются недоверие к закону и хула на Бурханов, удержанная Бурханам подать и не почитание священнического чина. За ними следует убийство не только людей, да и всякого животного даже до последнего насекомого, и прочее» [Лепехин 1771: 467].

Для читателей (слушателей) повести описанные в ней страдания грешников – страшная реальность, которая вызывает слезы сострадания даже у такого святого, как Гусю-лама. Однако, несмотря на столь ужасающее положение грешников, у них всегда есть надежда на освобождение. И связана она в сюжете таких произведений с мотивом появления в аду святого ламы, который силой своей накопленной добродетели освобождает существ ада и уводит их в верхние миры. Этот дважды повторяющийся

в «Истории Гусю-ламы» мотив появления святых лам, сначала тибетского Нирджамца-ламы, а затем – благочестивого безымянного ламы, придает содержанию произведения столь необходимое для читателей (слушателей) повести оптимистическое настроение.

Сам Владыка ада, услышав весть о том, что по небесам шествует почивший святой Нирджамца-лама, который силой святости, достигнутой благодаря строгому созерцанию, опустошает отделения ада и наполняет их солнечным светом, отправляет своего львиноголового сына, чтобы удостовериться в этом.

Синьцзянская рукопись **XGMO 0299**:

[8b] *Tang=yudiyin Nirzamca blama: nirvā[n] bolji oqtoroyin dēgüüber adabiši yeke čimēn yarči odxui-yi Erliq xān sono[s]či ars 'lan terigüütü küböün-yēn ilgebe ars 'lan terigüütü elči Erliq xān-du ireji kelebe: tere uri=du amidu caqtān er[ke]tū blama aqsanaji: yeke tamui-yi xōsun bolyoji naran yaruqsan metü ödō bolji odbo: bi asaq=xudān iyimi yeke tamui-yi [10a] xōsun bolyoji odxu ken neretü kümün bui geji asaqbā: bi:: tere Tangyud'i Nirzamca blama zarliq bolboi: [bi] amidu caqtan xatuujin: diyān soulayibi tere kü=čüni tula oqtoroyin dēgüür ödō bolxu mini ene bui geji zarliq bolji yabuba:*

[8b] В это время пронеслась необычная весть о том, что почивший тангутский Ирджамцо-лама шествует по небесам. Эрлик-хан, услышав об этом, отправил своего львиноголового сына. Львиноголовый посланец, вернувшись, сообщил Эрлик-хану:

– При жизни он был могущественным ламой. Он опустошил все ады и вознесся, подобно солнцу. Я спросил у него: «Кто же ты, опустошивший все наши огромные ады?» Тот тангутский Ирджамцо-лама ответил: «При жизни я пребывал в строгом созерцании. Благодаря силе этого созерцания, теперь я шествую по небесам». [С 391]¹ Сказав так, он прошествовал дальше.

Львиноголовый сын владыки ада в образе посыльного встречается в ойратской версии «Повести о Багамай-хатун» («*Darē ekeyin nige bölögiyin touji orošiboi*»), где он похищает волшебного коня-помощника и доставляет его в ад [Бичеев 2013: 95].

Еще один эпизод, связанный с появлением второго святого, также сопровождается освобождением живых существ из ада. Теперь это безы-

¹ Синьцзянская рукопись **XGMO 0299** неполная. Далее перевод выполнен по калмыцкой рукописи **С 391**.

мянный лама, который силой начитанной им бесчисленное количество раз шестисложной мантры Авалокитешвары уводит за собой людей в мир Тридцати трех тенгриев.

Калмыцкая рукопись С 391:

basa ni=gen bars terigüütü čid=kür ireji Erliq xān-du ügē kelebe: xoi=no-ēce mini buyan-tu: blama ōdō bolji āšin amidu caqtān zurγān [ü]züq tümen temesün ungšiq=san aqsanaǰi töüni udxā inu morin üker-tü ačiji odui zes körgö-dü kürči odui tere (+zurγān) [ü]zügiyin küčüni tula xamuiq amitan yučin.: [10b] yurban tenggeriyin-neriyin dēre tataji: abči yarba:

Тут прибыл другой эрлик с головой барса и сообщил Эрлик-хану:

– Вслед за мной идет еще один добродетельный лама. При жизни он бесчисленное количество раз прочел мантру шести слогов. Лошади и коровы, навьюченные его благими накоплениями, достигли медного моста. Благодаря силе начитанной мантры шести слогов, он поднял все живые [10b] существа в область Тридцати трех тенгриев.

Образ святого тибетского ламы – это своего рода призыв для читателей (слушателей) повести почитать лам-наставников, уединившихся в созерцании, ради спасения живых существ сансары, поскольку это один из возможных путей, ведущих к обретению в будущем благой формы рождения. Образ второго ламы более доступен для восприятия простыми верующими. Если духовный подвиг первого достигается строгим усердием в уединенном созерцании в течение определенного времени, то для второго он заключается в ежедневной практике начитывания шестисложной мантры. Поэтому не случайно владыка ада Эрлик Номин-хан, услышав о духовном подвиге второго ламы, произносит молитвенное благопожелание встретить на своем пути такого наставника.

[10b] *Erliq xān zarliq bolboi teyimi yeke blama nada zolyoturjai geji yadaqši mürgüji bayibai:*

[10b] Эрлик-хан молвил:

– Да встретится и мне такой же великий лама! – выйдя, поклонился вслед [тому ламе].

После возвращения из ада Гусю-лама становится очевидцем сцены суда Эрлик Номин-хана над двумя мужчинами и двумя женщинами. В содержании повести не указаны их имена. Они просто обозначены как черный и белый человек (*caγān kümün xara kümün хойор*), черная и белая женщина (*caγān eme xara eme хойор*). Соответственно черный человек и черная

женщина за прижизненные греховные деяния попадают в ад, а белый человек и белая женщина – в верхние миры. Несмотря на столь схематичное обозначение персонажей, сам процесс суда описан достаточно подробно.

Прибывшие предстают перед судом вместе с сопровождающими их буддой-защитником (*burxān*) и чертом-обвинителем (*čidkür*). Первый называет их добродетельными, второй же обвиняет в греховности. В ойратской версии нет никаких объяснений тому, что эти два персонажа оказываются рядом с теми, кто прибыл на суд к Эрлик Номин-хану, поскольку это было понятно каждому читателю (слушателю) повести. И. Лепехин отмечает, что согласно представлению калмыков, «всякая душа должна предстать на суд со своими приставами, выключая великих угодников, которые прямо восходят на небо, аки столп огненный. Приставы их суть черные и белые Тенгры, т. е. злые духи и хранители, которых каждое дышащее имеет. Приставы должны быть при сем суде стряпчими» [Лепехин 1771: 468].

В тексте бурятской рукописи, опубликованной А. Г. Сазыкиным, присутствует пояснение: «Будда, приведший тех двоих» (*mön tere qoγar-i abču ire’ji burqan*) и «черт, пришедший вместе с ними» (*mön qamtu abču ir[e] gsen čidkür*). Возможно, что эти пояснения являются еще одним свидетельством более позднего появления монголографичной версии повести – «в начале распространения буддизма среди бурят».

Белый человек на суде говорит о том, что он, будучи нойоном, совершил при жизни не так много грехов, подавал милостыню бедным, делал подношение буддам и тенгриям, переписал сто восемь книг. Владыки ада требует проверить сказанное им по книге и взвесить на весах все его деяния. Когда же выясняется, что все сказанное белым человеком правда и что пятьдесят восемь книг из ста восьми переписанных им с лихвой перевешивают его греховные деяния, в содержании повести логично приводится второе наставление Эрлик Номин-хана.

Калмыцкая рукопись С 391:

Erliq xān [zarliq] bolboi:

*ene caγān kümün sayin itegel-tü kümün bayinam [11b]
zarim kümün xara beyēn üküküyin činēn ülü sanaǰi bayinam
ed barān-yēn ülü eleküyin či=nēn ülü sanaǰi
unuqsan morin-yēn eceküyin činēn ülü sanaǰi
yurban erdeniyin-yi sanaxu=la töüni ači ürē inu ene bui:*

*cayān sedkil-tü kümün-lügē ali kümün
nigen čü burxān-du šü=tüküle ende cuululcaji
umara zügiyin Abi=dabā burxāni yazartu kürkü bui:*

Эрлик-хан изрек:

– Этот белый человек – воистину праведный человек, [11b]
Некоторые люди не думают о том, что умрут,
Не думают о том, что нажитое ими утратится,
Не думают о том, что их верховая лошадь изнурится!
Если помнить о Трех Драгоценностях, то вот результат:
Если кто, подобно этому белому человеку
Станет почитать хотя бы одного из будд,
Окажется здесь в собрании тех, кто достигнет
Чистой земли будды северной стороны Амиабхи!

Такой прием, когда владыке ада придается свойственная обычному человеку реакция на услышанные слова, придает некоторое ощущение реальности схематично описываемым сценам суда. Белый человек попадает в райскую обитель Амиабхи, белая женщина перерождается в стране Тридцати трех тенгриев. Черный человек, как и черная женщина, за непочтительное отношение к Будде, Учению и ламам оказываются в аду.

И. Лепехин в своих записках пишет: «Какого возмездия они за свои добрые дела в воображаемом ими раю надеются, сказать не могу, кроме того, что они за главнейший рай почитают, не знаю какое-то Сукавидино место. Засим местом следует рай Амидабы Бурхана, обладающего двухтысячным небом. Самое последнее место представляют себе у тридцати трех Тенгров, где только одной вольности ожидают. Впрочем, у них такое множество раев, что и перечесть трудно. Потому, что они каждому Бурхану приписывают особое небо, в котором он водворяется с душами праведных» [Лепехин 1771: 472].

Финальная часть повести складывается из завершающего наставления Эрлик Номин-хана и возвращения Гусю-ламы в мир живых существ. Это короткое заключительное наставление – своего рода квинтэссенция буддийского учения о карме: посмертная участь каждого зависит от благих или негативных деяний, совершенных в земной жизни.

Калмыцкая рукопись С 391:

Erliq xān zarliq bolboi:

*bi ene zōb-[13a]-tu buruutui-yi ilya=ya geji
ene xoyor zayāni dumda souq=san bui bi:
xutuqtu Gūsū blama či
amidu za=yāni ulustu suryāl kele gebebi:
buyan keqsen kümüni
burxani yazartu tö=röülkü mini ene bui:
xarangyui mungxaq üyilēd=küle xara sedkil-tü kü=müni
xarangyui tamudu or=kixu ene bui:*

Эрлик-хан сказал:

– Для различения [13a] истинного и ложного
Я нахожусь между этими двумя мирами!
Ты, святой Гусю-лама,
Передай живущим людям наставление!
Людей, совершающих благие деяния,
Перерождаю я в чистых землях будд.
Людей невежественных и злонамеренных,
Низвергаю я в мрачные области ада!

«История Гусю-ламы», как уже упоминалось, начинается с появления главного персонажа в промежуточной области и его встречи со старушкой и заканчивается встречей с этой же старушкой и возвращением в мир живых людей для передачи им наставления владыки ада Эрлик Номин-хана. С одной стороны, такой художественный прием придает сюжету произведения логическую завершенность, а с другой – согласуется с установленной традицией буддизма последовательностью передачи наставлений.

[13a] *xutuqtu Gūsū blama xariji iretelē inu xo=yor zayāni xōr-dumdu
endeki emegen zolyobo xutuqtu Gūsū blama zarliq bolboi: ai emegen uridu
zayān čini mini eke belei či ödügē ene zayāndu burxani yazartu tö=rökü geji:
xariji odsu*

[13a] Святой Гусю-лама, возвращаясь, встретился между двумя мирами перерождений с той старушкой.

Святой Гусю-лама сказал:

– О, старушка, в прежних перерождениях ты была моей матерью. Теперь ты переродишься в чистой земле будд! – сказал он и возвратился [в мир живых].

Эпизод встречи Гусю-ламы со старушкой в заключительной части повествования исследователи называют вставным эпизодом, в котором про-

смачивается попытка подражания более известным литературным произведениям, сюжет которых связан со спасением сыном своей матери из бездн ада, и называют его некой данью литературной моде. Не отрицая влияния более известных литературных произведений на содержание ойратской версии «Истории Гусю-ламы» хотелось бы отметить, что такие выводы чаще всего происходят из-за не понимания внутренней логики повествования, ее неразрывной и глубокой связи с буддийским учением. На самом деле слова Гусю-ламы о том, что в одном из своих прежних рождений старушка была его матерью, – это контаминация одного из основных положений буддизма, с которого начинаются слова молитвы «Прибежища». Путь в буддизм, как известно, открывается практикой Прибежища. Ключом к этой практике является принятие обета Прибежища.

По мнению А. М. Позднеева, текст молитвы «Прибежища» (*Itegel kemēkü orošiboi*)¹ представляет собой символ буддийской веры, «потому что он заключает в себе перечисление всех основных догматов, на которых зиждется религиозная система буддизма» [Позднеев 1883: С. 310]. Полный текст молитвы предписывается читать трижды в светлое и трижды в темное время суток. Особо предписывалось чтение этой молитвы тем, кто находился на пороге вступления в область промежуточного состояния. Даже находясь там, чтением молитвы «Прибежища» каждый может обрести возможность многократного увеличения благих заслуг и избавления от трех низших форм неблагоприятного рождения.

Молитва «Прибежища» открывается словами о том, что все живые существа в прошлом были нашими матерями.

[1b] *Bi kigēd eke boluqsan xamuq amitan arban zūq yurban cagiyin xamuq tögönčilen boluqsadiyin beye kelen sedkil erdem üi=le bügüdeyin mön činar boluqsan nayan dörbön mingyan nomiyn coq=co yarxui oron: xamuq xutuqtan xuvragiyin ezen açitu ündüsün kigēd ündüsü=leqsen selte coqto dēdū blama noyoudtu* [2a] *itegemüi*:

[1b] Я и все живые существа – мои матери, – принимаем прибежище во всех буддах трех времен и десяти сторон, в обретших истинную сущность драгоценных деяний тела, речи и ума, в источнике восьмидесяти четырех тысяч совокупностей учения, в почитаемом коренном Учителе, а также в высокочтимых наставниках, руководящих святым духовным сообществом! [Бичеев 2007: 59].

¹ Рукописные тексты молитвы вероисповедания известны своей распространенностью [Сазыкин 2001: № 3100, 3101; Яхонтова 2014: 22; Gerelmaa 2005: № 215, 350–352, 510, 519, 613, 635, 707, 774, 786, 812, 814, 833, 882, 889, 903].

Для развития в себе беспредельной любви и сострадания ко всем живым существам в буддизме существует особая техника медитации. Поскольку каждое из живых существ в прошлых своих рождениях в сансаре могло быть нашей матерью, то к каждому существу надо относиться с сыновней почтительностью, воздавать должное почитание через размышления о тех трудностях и страданиях, которые выпали на долю вашей матери.

Визуализируя перед собой образ своей матери с помощью йоги дыхания, освобождают свою мать (т.е. всех живых существ) от препятствий, существующих на ее пути к освобождению. Выдохнув воздух из правого канала носа, с которым ментально сливаются все благие заслуги, направляют его в левый канал носа матери. Этот поток растворяется в ней и очищает ее. Затем, вдохнув воздух левым каналом, визуализируют, как вместе с этим потоком из правого канала матери вытягиваются все негативные накопления. Этот поток стабилизируют в области своего сердца и произносят: «Я освободил от страданий свою маму (т.е. всех живых существ), она достигла освобождения!» [Бичеев 2004: С. 164].

«История Гусю-ламы» как произведение, появление и распространение которого были связаны с утверждением в сознании простых верующих принципа воздаяния, приводит читателя (слушателя) к необходимости принятия обета Прибежища.

Таким образом, ойратская версия «Истории Гусю-ламы» представляет собой самостоятельное, целостное и завершенное произведение, отличное от других повествований на сюжет «видений ада» или «хождения в ад». Это отличие заключается в сохранении традиции естественного соотношения религиозного и художественного в содержании произведения, выработанного в ходе исторического развития ойратской (калмыцкой) старописьменной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

Билгүүдэй 1998 – *Билгүүдэй Г. Ц.* Дамдинсүрэнгийн гэр-музейн монгол номын бүртгэл. 1 боть. – Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн Хэл зохиолын хүрээлэн, 1998.

Бичеев 2004 – *Бичеев Б. А.* Дети Неба – Синие Волки. Мифолого-религиозные основы этнического сознания калмыков. – Элиста: КалмГУ, 2004. 200 с.

Бичеев 2007 – *Бичеев Б. А.* «Иткл» – Обет Прибежища в буддизме. Традиционалистский ресурс психотехники в этническом сознании калмыков. – Элиста: Изд. КалмГУ, 2007. 80 с.

Бичеев 2013 – Ойратская версия «Истории Белой Тары» («Повести о Багамай-хатун»). Факсимиле рукописей. Исследование, транслитерация, перевод с ойратского, комментарии *Б. А. Бичеева*. – Элиста: КИГИ РАН, 2013. 248 с.

Бичеев 2015 – Ойратская версия «Истории Белой Тары» («Повести о Нарану Герел»). Факсимиле рукописей. Исследование, транслитерация, перевод с ойратского, комментарии *Б. А. Бичеева*. – Улан-Батор: ИЯЛ АНМ, 2015. С. 256.

Болдырев 1927 – Калмыцкая хрестоматия для чтения в аймачных и в младших отделениях улусных школ, примененная к обучению русского языка посредством перевода. Составил учитель Короволукинской школы Александровского улуса Шургучи Болдырев. 1906 г. // Хонхо. Вып. III. – Прага: Издание КККР в ЧСР, 1927. 255 с.

Гампопа 2001 – Гампопа Дже. Драгоценное украшение освобождения. Исполняющая желания драгоценность истинного учения. Пер. с тиб. Б. Ерохина. – СПб.: Культурный центр «Уддияна», 2001. 340 с.

Кара 1972 – *Кара Д.* Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). – М.: Главная редакция восточной литературы, 1972. 195 с. + 25 табл.

Лепехин 1771 – *Лепехин И.* Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. – СПб.: При Императорской Академии наук, 1771. 537 с.

Лувсанбалдан 1975 – *Лувсанбалдан Х.* Тод үсэг, түүний дурсгалууд. – Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн хэвлэх, 1975. 356 с.

Неклюдов 1984 – Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1984. 308 с.

Очиров 2006 – Поездка в Александровский и Багацохуровский улусы астраханских калмыков // *Очиров Н.* Живая старина. Из литературного наследия. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. С. 160 – 174.

Позднеев 1907 – Калмыцкая хрестоматия для чтения в старших классах калмыцких народных школ, составленная А. Позднеевым. Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1907. 196 с.

Позднеев 1911 – Калмыцко-русский словарь. В пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах. Составил А. Позднеев. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1911. 306 с.

Сазыкин 1982 – *Сазыкин А. Г.* «Повесть о Гусю-ламе» в рукописях монгольского фонда ЛО ИВ АН СССР. Ч. 1 // ППиПИКНВ. – М., 1982. Т. XVI. Ч. 1. С. 57–61

Сазыкин 1988 – *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института Востоковедения АН СССР. Т. I. – М.: «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1988. – 507 с.

Сазыкин 1990 – История Чойджид-дагини. Факсимиле рукописи, транслитерация текста, перевод с монгольского языка, исследование и комментарии

А. Г. Сазыкина. М.: «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1990. – 253 с.

Сазыкин 1997 – *Сазыкин А. Г.* Ойратская версия рассказов о пользе «Ваджраччхеддики» // Петербургское востоковедение. Вып. 9. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. С. 139–160.

Сазыкин 2001 – *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института Востоковедения РАН. Т. II. – М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2001. – 415 с.

Сазыкин 2004 – Видения буддийского ада. Предисловие, перевод, транслитерация, примечания и глоссарий *А. Г. Сазыкина*. СПб.: Изд-во А. Терентьева «Нартанг», 2004. – 254 с.

Сазыкин 2004а – *Сазыкин А. Г.* Ранний монгольский перевод рассказов о пользе «Алмазной сутры» // ППиПИКНВ. Т. 1. Весна – лето 2004. – М., 1982. С. 7–59.

Сазыкин 2015 – «Повесть-наказ Цаган Дара-эхэ» («Повесть о Нарану Гэрэл»). Факсимиле рукописи. Исследование, транслитерация, перевод с ойратского, комментарии *А. Г. Сазыкина*. – СПб.: ИВ РАН, 2015. – 238 с.

Сазыкин, Ёндон 1987 – *Сазыкин А. Г., Ёндон Д.* Ранняя версия «Повести о Нарану Гэрэл» (Рукопись F 244 из собрания Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.) // *Studia Mongolica*. Т. XII (20). Fasc. 1–17. Ulan-Bator, 1987. С. 54–106.

Список 1905 – Список материалам Ц. Жамцаранова и Б. Барадийна. 1903–1904 // Известия Императорской Академии наук. Т. XXII. № 3. – СПб., 1905. С. 59–94.

Сумъяа 2011 – *Доржпаламын Сумъяа*. Монгол Ногоон Дара эхийн тууж. – Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Хэл Зохиолын хүрээлэн, 2011. – 412 с.

Toli 1994 – *Qorin naimatu tayilburi toli*. – Huh-Hoto: Öbör Mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1994. – 2012 q.

Цыбиков 1981 – *Цыбиков Г. Ц.* Избранные труды. 2-е изд., перераб. Т. 1: Буддист-паломник у святынь Тибета. – Новосибирск: «Наука». Сиб. отделение, 1991. – 256 с.

Цэвгээ 2003 – *Цэвгээ Н.* Ойрадад анх шарын шашин үүсэн, соёл, нийгэм төрийн хувьсал. – Улаанбаатар, 2003. – 219 с.

Цэрэнсодном 1997 – *Цэрэнсодном Д.* Монголын бурхани шашны уран зохиол. Тэргүүн дэвтэр. – Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Хэл зохиолын хүрээлэн, 1997. – 401 с.

Яхонтова 1999 – Ойратская версия «Истории о Молон-тойне». Факсимиле рукописи. Издание текста, введение, перевод с ойратского, транслитерация, комментарий и приложения *Н. С. Яхонтовой*. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. – 200 с. (Памятники культуры Востока: Санкт-Петербургская научная серия. VI).

Яхонтова 2014 – Яхонтова Н. С. Ойратские рукописи и ксилографы в собрании Института восточных рукописей РАН // Мир «ясного письма». Сборник статей. – Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 5–26.

Gerelmaa 2005 – Brief Catalogy of Oirat Manuscripts Kept by Institute of Language and Literature bu *Gerelmaa Guruuchin*. Хэл зохиолын хүрээлэнгийн тод үсгийн номын товч бүртгэл. – Ulaanbaatar, 2005. – 270 pp. (Corpus Scriptorum Mongolorum. Instituti Linguae et Literaturum Academiae scientiarum Rublicae Populi Mongolici. Tom XXVII. Fas 1).

Galdan 2014 – *Galdan Do*. Тууји үлигер-үн эмкидегел. – Urumči: Šinjiyang-un arad-un keblel-un xoriy-a, 2014. – 455 х. (Oyirad mongγol-un teūkei soyol-un cubural bičig. 9 debter).

Erdemtu 2017 – Erdemtu Mingyad. Ili-yin γool-un degedū urusqal dayau oron-du qadaγalaldaγu bayiy-a todo üsüg-ün dursqal-tu bičig-ün sudulul. 6. – Huh-Hoto: Öbör mongγol-un soyol-un keblel-un horyi-a, 2015. – 387 h.

Inouye, Erdemtu 2009 – *Inouye Osamu, Mingyad Erdemtu, Dosan, Torubatu-nar nayirayulbai*. Šinjiyang-un Ili-yin qasag ündüsüten-ü öberteken ĵasaqu ĵeu-yin ögeled mongγolčud-un qadaγalγu bayiq-a mongγol qaγučin nom bičig-ün γarčag. – Begejīng: Vi sin keblekü üyiledebüri, 2009. – 209 х.

Heissig, Sagaster 1961 – *Mongolische Handschriften, Blockdrucke, Landkarten. Beschrieben von Walther Heissig und Mitarbeit von Klaus Sagaster*. – Wiesbaden: F. Stainer, 1961. Bd. 1. – 494 pp.

Pallas 1776 – Pallas, Peter Simon. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften / durch P. S. Pallas. Bd. 1. – St. Petersburg, 1776. 232 p.; Bd. 2. – St. Petersburg, 1801. 440 p.

Poppe, Hurvitz, Okada 1964 – Catalogue of the Manchu-Mongol Section of the Toyo Bunko. Edited by *Nicholas Poppe, Leon Hurvitz, and Hidehiro Okada*. – Seattle: University of Washington Press, 1964. – 387 pp.

Sazykin 1997 – *Sazykin A.G.* The Oirat (Kalmyk) Version of «The story of Güsü-lama» // *Manuscripta Orientalia*. – St. Petersburg; Helsinki, 1997. Vol. 3, NO. 2. June. P. 33 – 38.

Sazykin 1982 – *Sazykin A.G.* Die Mongolische «Erzählung über Güsü-lama» // *Zentral-Asiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasies der Universität Bonn*. – Wiesbaden, 1982. 16. S. 111 – 140.

Uspensky 1997 – *Uspensky V. L.* Some Rare Oirat Manuscripts in the Collection of the St. Petersburg University Library // *Studia Indologiczne*. – Warszawa, 1997. Vol. 4. P. 195–202.

Uspensky 2001 – *Uspensky V. L.* Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. – Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1999. – 530 pp. Pt. 2 (Indexes), 2000. – 186 pp.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

Xutuqtu Güsü blamayin tuuji orošibo

Рукопись XGMO 0299

Личная коллекция Увелзент-генге,
(г. Текес, САУР КНР)

В транслитерации текста использованы следующие условные знаки:

Знак равенства = ставится в месте переноса части слова на другую строку.

Круглые скобки () заключают в себе межстрочные вставки в тексте рукописи.

Квадратные скобки [] заключают в себе графему, пропущенную в тексте и восстановленную как несомненную. Знак равенства в скобках [=] указывает на правильное написание слова

Слова, выделенные в рукописи красной тушью, в транслитерации подчеркнуты.

[la. nigen] **Xutuqtu Gösü blamayin tuuĵi oroŝibo::**

[lb] Töbödiyin xutuqtu Gösü blama nirvān boluqsan xoyino: dēqŝi burxani oron-du ese kürči dorogŝi tamu-du čü ese kürči tere xoyoriyin dundadu xōsun tamu-du una=ĵi: tegēd unaqsan-yēn xoyino [C 391: medeĵi] ħurban erdeni sanaĵi: om mā ni pad me hum: kemēn ung=šād zūreken-dēn [C 391: sedkiĵi] sanaqsan-yēn tulada: öndör uulayin bel-dü¹ ħarči dēqŝi xaraĵi üze=külē: nigen adabiŝi tenggeri tulĵi bayixu Mösun uula üzeqdebei: basa tere kütöl-dü emegen kümün-dü zolġo=ĵi: blama zarliq bolbo: ai eme=gen ene mösütü uula youni tula büteqsan [C 391: oula] bui geĵi asaqa=ba: tere emegen xariu ögüü=[2a. xoyor]=lebei: xutuqtu Gösü blama či ese medeqsen buyu či xoyor zayāni dundadu Mösun oula geqči ene bui: xutuqtu Gösü blama basa asaqa: emegen [C 391: tere] kütöl dēre yeke xoi dotoro xamuq bügüde arātani beye üzeqde=nem tere youn bi geĵi asaqa: tere dēdü altan gür² youn bi geĵi asaqa: töüni dorodu töüni xoyitu ħouli gür youn bi geĵi asaqa: töüni dorodu zes gür youn bi geĵi asaqa: töü=ni dorodu tömör gür youn bi geĵi asaqa: töüni cādu caġān cang deledüqči bürē tataqči nom ungŝiqči: zuryān üzü=gi tölöĵi nāduqči xamuq ulus blama bandiyn xuraqsan čuu=lyān youn bi geĵi asaqa: basa töüni cādu caġān bayišing doto=ro yeke kenggerge deledüqči [2b] youn bi geĵi asaqa: basa cādu yeke dalai youn bi geĵi asaqa: basa dēdü xarangyui gür youn bi geĵi asaqa: tere emegen xariu ögüülebei: bi ükēd dolōn on bolbo: či blama sünesün-yēn beye-ēce xayacuulĵi abči odxui=gi ese üzebüči tere kütöl bu dayiri³: dayiraxulā mou bi: buyān keqsen ħurban erdeniyi=gi itegeĵi nigen üzeqtü čing sedkil bariqsan kümün dayiraxu=lā ħai ügei bui: töün-ēce busu kilenceten amitan dayiraxu=la xamuq bügüde arātan suuxu⁴ zam bui: tere dēdü altan gür burxani ħazartu odxu zam bui:: töüni dorodu xoyitu ħouli gür umara zügiyin Ami=dabha burxani [C 391: buyan xurāxu] ħazartu odxu zam bui: töüni dorodu zes gür ħučin ħurban tenggeriyin [3a. ħurban] ħazartu odxu zam bui: töü=ni dorodu tömör gür Erliq xān-du odxu zam bui: tere cang deledüqči bürē tataqči nom ungŝiqči zuryān üzügi tölüq=či nāduqči xamuq ulus blama bandiyn xurāqsan čuulġān: uri=du amidu zayān-dān blama bandi xoyortu xamuq ergin ulus bügüdēr xamtu buyan üyiledüq=seni kučü-yēr ħirġaqsan udxu ene bui: tere caġān bayišing doto=ro yeke kenggerge deledüqči Er=liq xāni beye tere tenggeriyin dergede bui: nayidu

¹ A3-170 (MH-397): kütöl dēre.² B XGMO 0299 вместо körgö стоит gür.³ C 391: dāri; A3-170 (MH-397): dari.⁴ C 391: zouxu; A3-170 (MH-397): sād kekü.

[C 391: yeke] dalayin nere inu Šēsün dalai bui: basa tere xutuqtu Gösü blama-du eme=gen ögüülebei: [C 391: tere] tömör güriyin zam-yēr odči Erliq xān-du zolġo: tamuyin erke¹ yeke buyu: üčüken buyu üzeĵi bolyō²: töüni xoyino xutuqtu Gösü [3b] blama tömör güriyin zam-yēr ħar=či odtolo xutuqtu Gösü blamayin xoyino-ēce olon ere eme kümün daxaĵi iretele tömör gür xubilĵi kilġasuni činēn bol=ĵi tere olon ere eme kümün giŝkeküdü tere kilġasun tasura=ĵi tamudu unaĵi: tere gür xubil=ĵi kilġasuni činēn boluqsan ud=xa inu uridu amidu zayāndān³ kilence keqsen: blamayigi dorom=ĵiloqson ħurban erdeni ülü biŝireqči amitani kilġasun gür geqči tere bui: tere xutuqtu Gösü blama tömör güriyin zam-yēr odči Erliq xāni ħal-du⁴ kur=či bayiba: töüni xoyino Erliq xān uqtaĵi ireĵi zolġobo:: tere xutuqtu Gösü blamadu Er=liq xān zarliq bolboi:

amidu zayā=ni [C 391: mungxaq amitan ħaqca kümün mingya nasulaxuyin činēn sanaĵi kilincē olo kekü bui: blama nomi xudal bui: geĵi kelekü bui: oluqsan zōqsōn-yēn baraqa-daxu činēn ülü sanaxu bui: ümüsüqsen debil-yēn eleküyin činēn ülü sanaxu bui: morin-yēn üküküyin činēn ülü sanaxu bui: bi töüni tu=lada zōb-tü buruu-tui=gi ilġayā geĵi xoyor zayāni dumda souqsan bui: bi

xutuqtu Gösü blamadu Erliq xān zarliq bolboi:

ci amidu zayāni erkin ulustu surġāl kele ħirġal-tu burxani ħazar-tu odboi bi geĵi kele zobolong-tu tamuyin ħazartu odboi bi geĵi kele:: nom buyani keqsen kümün-ni beye inu tenggeri-yin dēre niġour inu na=rani gereldür adali bui: nom buyan ügei kümüni inu tamuyin dotoro: niġuur inu zouraqsan šabar-tu adali bui:

Erliq xāndu Gösü blama zarliq bolboi: tere cādu cusu-tu yeke dalai dotoro⁵ olon kümü=ni toloyoi üzeqdeĵi bayinam tere youni tulada tegeĵi bayixu bui: geĵi asaqa:: basa tere cādu caġān taladu] idekü ügei ümüskü ügei uuxu ügei olon kümün [4a. dörbōn] üzeqdenem idekü ügeyidēn ħazar uxuĵi sounam tere ħazar uxuqsan xurġuni eleĵi buġuu=duni kürči buġuyini eleĵi toxoyiduni kürči toxoyini

¹ A3-170 (MH-397): erüigi.² C 391: zolġo.³ B XGMO 0299 вместо amidu saqtān стоит amidu zayāndān.⁴ C 391: xālyadu.⁵ A3-170 (MH-397): casutu yeke oulayin dotoro.

eleji mürindüni¹ kürçi bayınam tere youni tulada: čingna²ji bayi=xu bui geji asaqla: töün-ēce cādu olon kümün basa üzeqdeji bayixu (youn) bui: kül inu cuq muxur bayınam tere youni tulada čingna=ji bayixu bui geji asaqla: basa yeke dalayin tende olon kümün üzeqdenem

amani činēn alaxutu³

alaxu yadaxu kültöi

ayiliyin tödüi terigüütü:

oulayin tödü=yi beyetei

asuri narixan kilya=suni činēn xōltoi

olon kümün üzeqdenem tere youni tula čing=na²ji bayixu bui geji asaqla: töüni dotoro xarangyui yazat-tu olon kümün xoxoi geji [4b] ejei geji xalaxai geji yoyō yoyō geji abai axai geji bayi=nam tere youni tula čingna²ji bayi=xu bui geji asaqla: [C 391: basa] zōün-te olon kümün xura²ji cuqla²ji bayınam nom ungšixuyigi sonos=xu biši šiminelceji bayınam tere youni tula čingna²ji bayixu bui geji asaqla: xutuqtu Gösü blamayin xoyino Erliq xān zarliq bolboi: tere cādu cusutu yeke dalayin dotoro olon kümün-ni toloyoi üzeqdeji bayiq=či tere xoyor kümün xōr dun=da zusar üge keleqsen xoblal=duulji alalduulji üküldüül=ji yabuqsan kümün-ni toloyoi=giyini utalji cusuyini urus=xaji dalai boluqsan udxu inu tere bui: tere cādu cayān tala=yin zergedü-ki olon kümün üzeqdeji bayiqči yazat [5a] uxuji suuxu udxu inu blamadu amidu zayān-dān idēn undā ümüskü zōüküyigi [A3-170 (MH-397): xarmana²ji] xayir=lan yabuji töüni tula idekü üge-yi undāsun uuxu ügei ümüs=kü ügei: ülü olduxu [=udxa] inu tere bui: töüni tula yar inu eleji mürindüni kürqsen tere bui: töüni nādu taladu olon kümün muxur boluqsan inu ami=du zayān-dān: blamayin ömönö küllön jiyiji burxāni nomi külgü=ni biši geji yabuqsani tula kül ügei boluqsan inu tere bui:

basa tere yeke dalayin cādu

amani caq alaxutu⁴

alaxu yadaxu kültü

ayiliyin caq terigüütü

oulayin caq beyetü

asuri narixan kilya=suni caq xōltu

boluqsan ud=xa inu: altan mönggün idēn bayuur xaramnaqsani tula biridtü töröq=sön udxu inu tere bui: nādu [5b] dotoro xarangyui yazariyin olon kümün

¹ A3-170 (MH-397): emedini.

² B XGMO 0299 вместо tegeji bayixu стоит čingna²ji bayixu.

³ A3-170 (MH-397): amuta.

⁴ A3-170 (MH-397): amuta.

yoyō xoxui yākin axai abai geji yasaluqsan udxu eriü=tü tamu geqči tere bui: uridu amidu zayān-dān ečige eke youyān alaqsan kümüni ene eriü=tü tamu geqčidü unayāxu udxu ene bui: basa yosu ügei amitani ami tasuluqsan-ni tula tamu-du una=yāxu inu tere bui: zōün-te olon kümün šibelceji bayiqči amidu zayān-dān nom unšixuyigi moušāji yabuqsan: blamayin zarliq biši (+bui) geji sanaqsan kümüni čikin-düni xayiluq=san širmüni čudxa²ji doun doun-yēn ülü sonosči šibinelcekü udxu inu ene bui: basa xutuq=tu Gösü blama Erliq xān-du zarliq bolbo:

Erliq xāni zarliq-yēr

amiduyin zayāni ulustu suryāl kelesü bi:

ende tamudu odči

sayin mougi üzeji irēd zarliq [6a. zuryān] bolsu

tende tamudu kürüqse=ni xoyino širemün toyōdu olon kümüni čina²ji bayixuyigi üzeji tamuyin ezēd-ēce asaqla: youni tula činaxu bui geji asaqla: čina=xudu yasun maxāni öbörö öbörö šaljaraqsan-du blama öbörüin beyēn šaljaraqsan metü sana²ji öröšōji tere xutuqtu Gösü blama uyila²ji tere tamuyin ezēd-ēce asaqla: kelüküdēn xutuqtu Gösü blama či youni tula-da uyılanam geji asaqla: xutuqtu Gösü blama zarliq bolboi: ene olon kümüni šire=mün toyōdu činaxui-gi üzeji uyilaba bi gebe: blama youni tula uyilaba ene uridu amidu zayān=dān sūme burxāni ebdeji nom erdeni¹ tüleji doromjilon yabuqsan-ni tula činaxu udxu inu tere bui: tere xutuqtu Gösü blama basa činaqši odči [6b] üzeküdü Šibegetü oula-du zoun nayiman tömör degēgi² dēqši xānduul=ji zoun nayiman tömör degēgi doruq=ši xānduulji dēdü degēdü kümü ölgüji dorodu degēdü salkin-du kiyiskeji bayixuyidu inu šaljara²ji zuraqda²ji kiyima bol=tolo tataji bayixuyigi xutuq=tu Gösü blama üzeji tedeni beye abxui-du yasun üsün inu tor=či xocorči töüni xoyino basa edegēji uurtu nüdüji sükes-yēr cokila²ji³ tēmedeji uyılan cokila²ji⁴ kirōdōji bar=kira²ji bayixuyigi xutuqtu Gösü blama üzeji öröbēn ebedči doqšin burxāni zūreken tarni sed=kijl [=usu] tarnida²ji cacuxuyidu tere nayiman xaluun tamuyigi xōsun boljoji tamu-ēce toniljoji burxāni yazartu töröülbei:: basa tere töüni cāna odtolo küyitōn [7a. dolōn] tamu-du una²ji padma metü küröqseni xoyino tere tamuyin ezed naran yarxuyin urda xūü tataji abxuyidu arasun yasuni torči xocorči töüni xutuq=tu Gösü blama üzeji öröšō=ji usundu tarnida²ji cacu=xuyidu nayiman kiyitōn tamu-ēce yarči basa gesüqseni

¹ A3-170 (MH-397): tarnigi.

² A3-170 (MH-397): serē; C 391: šöbögü.

³ A3-170 (MH-397): čabčilji; C 391: colgiji.

⁴ C 391: curkira²ji.

xoyino tere tamu-du unaqsani burxani yazar zāji öqçi ilgebei basa xutuq=tu
 Güsü blama xarangyui yazariyin tamu-du odçi yeke dou dou=laji ungşixui-du
 yurban er=deniyin küçün-yēr xarangyui tamuyigi gegēn bolyoji: basa töüni cāna
 otula xayircaqtu [C 391: tamu-du] kürçi tere xayircaqtu tamuyin nēlekei¹ nēji
 üzebe: basa üzeküdü xayircaq dotoroki olon kümün nigen nigen-yēn idelce=ji
 kebtüküyigi xutuqtu Güsü [7b] blama üzeji tere tamuyin ezēd-ēce asaqla: tere
 tamuyin ezed kelüküdēn uridu amidu zayān-dān [A3-170 (MH-397): kilincē olo
 üyiledüksen-ni tuldu xarangyu: zobolong-gi beyedēn tataji abaçi yabuqsan töüni
 tula xariucaqtu tamu-du törökü: udxā inu ene bui: xutuqtu Güsü blama nigei
 ekētē nom ungşixudu tere xayirciq sadaraşi odbo: tere tamuyim amitani tonilyoji
 burxani yazartu ilgebei: basa töüni xoyino cāna yabutala şēsün basun dundu:
 olon kümün kebtēki üzebei: xutuqtu Güsü blama tere tamuyin ezēd-ēce asaqlai:
 ene kümün urdu zāyan-du] blama burxani buzarlaji yabuq=sani tulada şēsün
 bāsuni dunda töröqsön udxā inu tere bui: basa xutuqtu Güsü blama cāna otolo
 olon emeşi xurāji uran kümün-yer tömör ulayilyaji dörbön kümün coq [=züq]
 büri tataji şuukinatalla xayiraji souxuyigi xutuqtu Güsü blama üzeji: tamuyin
 ezēd-ēce asaqla: tere tamuyin ezēd kelüküdēn uridu amidu zayān-dān altatu
 mönggütüyigi ümüs=çi amtatu idēgi ideji aljayās üyileyigi sayişāji² sonosçi
 yabuq=sani tula xayiraqdaxu udxā inu tere bui: basa xutuqtu Güsü blama ni-
 gen ekitü nom nomloxuyi-du tere züq büri tataqçi dörbön kümün barixu yar-
 yēn aldaşi tamu-[8a. nayiman]-ēce tonilyoji burxāni yazar-tu zāji öqçi ilgebe::
 basa xutuq=tu Güsü blama töün-ēce cāna oto=lo maliyin tamu-du kürçi tere
 mal usu üzekülē uun ülü čida=ji öbözü üzekülē iden ülü čidaşi xutuqtu Güsü
 blama üzeqsen tere tamuyin dergede altan maxlayitu burxān olon aqsan ajiyu
 tere altan maxlayitu burxan-ēce xutuqtu Güsü blama asaqla: eyimi či xutuqtu
 burxan suūji böğötölö ene mali youni tula tamu-du unayāba či gebe: altan
 maxlayi=tu burxan olon: xutuqtu Güsü blamayin xoyino xariu ögüülebei: uridu
 amidu zayān-dān kilen=ceyin küçün-yēr tamudu unaqsan-ni udxā inu tere bui
 kemēbe: tere xutuqtu Güsü blama nigen ekitü nom nomloxuyidu tere tamu-
 ēce tonilyoji burxani [8b] yazartu töröülbei:: xutuqtu Güsü blama tende-ēce
 xariji Er=liq xāni xālyadu kürçi soutala tangyudiyin Irjamči³ blama nirvān bolji
 oqturuyi dēgüür ada bişi [C 391: yeke] čimēn yarçi odxuyigi Erliq xān sonosçi
 arsalan teri=güütü küböün-yēn ilgebe: arsa=lan terigüütü elçi ireji Erliq xān-du
 ireji kelebe: tere uridu amidu zayān-dān erketü blama aqsan ajiyu küb=čin yeke

¹ A3-170 (MH-397): nelgē; C 391: nēlügē.

² A3-170 (MH-397): alixu-yēn nügüligi sayişāji; C 391: ali-yēn üyilei-yi sayişāji.

³ A3-170 (MH-397): Jamasan; C 391: Nirzamca.

tamuyigi xōsun bolyo=ji naran yaruqsan metü ödö bolji odbo: bi asaqludān
 iyimi mani yeke tamuyigi xōsun bolyoji odxu ken neretü kümün bui geji asaqla
 bi: tere tangyu=diyin Irjamči blama zarliq bolbo bi amidu zayān-dān xatuujil
 diyān-du soulayibi: tere diyāni küçün-yēr oqturuyoyi dēgüür ödö...¹

¹ Заключительные листы рукописи XGMO 0299 утеряны.

ПЕРЕВОД

ИСТОРИЯ СВЯТОГО ГУСЮ-ЛАМЫ

Рукопись XGMO 0299
Личная коллекция Увелзэнг-генге,
(г. Текес, САУР КНР)

Условные знаки, используемые в переводе:
В квадратные скобки [] заключены слова, уточняющие перевод.

[1a] ИСТОРИЯ СВЯТОГО ГУСЮ-ЛАМЫ

[1b] Тибетский святой Гусю-лама после перехода в нирвану¹ не достиг верхнего мира будд, не оказался в нижнем аду, а провалился между этими двумя мирами в ад промежуточной пустоты.

Очутившись там он, подумав о Трех Драгоценностях прочел с верой в сердце [мантру]: «Ом ма ни пад ме хум!» и оказался у подножия высокой горы. Взглянув наверх, он увидел невероятно [огромную] Ледяную гору, подпиравшую небеса. Там же на склоне горы ему повстречалась старушка.

Святой Гусю-лама спросил:

– О, старушка, для чего сотворена эта Ледяная гора?

Та старушка ответила **[2b]**:

– Святой Гусю-лама, разве ты не знаешь? Это и есть Ледяная гора, находящаяся между двумя [мирами] перерождений.

Святой Гусю-лама спросил:

– О, старушка, что за огромное сборище хищных зверей виднеется на тех склонах? Что за золотой мост там вверху? Что за мост из латуни под ним? Что за медный мост пониже него? Что за железный мост внизу него? Там вдали, что за собрание множества людей, лам и банди, которые радостно бьют в белые литавры, трубят в трубы, читают молитвы и начитывают мантру шести слогов? Почему в стоящем за ними белом дворце бьют в большой барабан? **[2b]** Что за огромный океан [раскинулся] за всем этим? Что за черный мост внизу?

Та старушка ответила:

– Прошло семь лет, как я умерла. Лама, ты разве не видел, как забирают твою душу, разлучив с телом. Не ходи через те склоны. Если пойдешь, будет плохо. Если туда отправится человек, творивший благие деяния, верящий в Три Драгоценности, строго размышляющий в одном направлении, то вреда не будет. Если туда отправится грешное существо, то окажется на пути, где сидит много хищных зверей.

Тот золотой мост в вышине – это путь, ведущий в [чистые] земли будд. Находящийся под ним мост из латуни – это путь в [чистую] землю будды северной стороны Ами табхи. Расположенный пониже него медный мост – это путь **[3a]** в область Тридцати трех тенгриев. Стоящий под ним железный мост – это путь, ведущий к Эрлик-хану.

¹ перейти в нирвану (nirvān boluqsan) – умереть.

Те, которые радостно бьют в белые литавры, трубят в трубы, читают молитвы и начитывают мантру шести слогов, – это собрание людей, которые в прошлой жизни окружали этих лам и банди, творили благие деяния и теперь силой этих благих деяний они так благоденствуют. В той белой башне, где бьют в большой барабан, в облике тенгрия пребывает сам Эрлик-хан. Расположенный поблизости океан называется Океаном Мочи.

Еще старушка сказала святому Гусю-ламе:

– Ты отправляйся по железному мосту и встретиться с Эрлик-ханом. Попытайся узнать, велики или малы муки ада!

Святой Гусю-лама [3b] отправился по железному мосту. Вслед за ним последовало много мужчин и женщин, но железный мост стал тонким, как волос. Когда это множество мужчин и женщин ступило на него, волос разорвался, и они провалились в ад. Причина, по которой мост стал тонким, как волос, в том, что это мост-волосинка для тех живых существ, которые при жизни совершили множество грехов, порочили лам и не почитали Три Драгоценности.

Святой Гусю-лама, пройдя по железному мосту, достиг ворот [дворца] Эрлик-хана и стал ждать. Вскоре Эрлик-хан вышел ему навстречу.

Эрлик-хан поведал святому Гусю-ламе:

– При жизни [невежественные люди, полагая, что человек
Проживет тысячу лет, совершают множество грехов.
Они стали говорить, что ламы и учение ложны.
Они не думают, что все нажитое ими утратится,
Они не думают, что одежда их изнашивается,
Они не думают, что их лошадь падет.
Для того, чтобы различить истинное и ложное,
Я нахожусь между двумя мирами перерождений.

Затем святому Гусю-ламе Эрлик-хан повелел:

Ты передай живущим людям наставление!
Скажи им, что побывал в блаженных мирах будд,
Скажи им, что побывал в области адских мук.
Добродетельный человек выше тенгрия,
Лик его подобен сиянию солнца,
Недобродетельный человек [томится] в аду,
Лицо его подобно сырой земле.

Святой Гусю-лама спросил Эрлик-хана:

– В том дальнем огромном кровавом океане видны головы множества людей. За что они так наказаны? Еще дальше, в той пустынной местности, можно видеть много людей, [4a] не имеющих ни еды, ни питья, ни одежды. Не имея еды, они скребут землю. Скребя землю, они истерли пальцы до запястий, запястья – до локтей, а локти – до плеч. За что они так наказаны? Что за множество людей виднеются дальше за ними? Все они безногие. За что они [5a] так наказаны?

Еще дальше у океана можно видеть много людей.

Рот у них с зернышко,
Ногами не могут ступить и шагу,
Голова у них с дом,
Тело у них с гору,
Горло – что самая тонкая ворсинка.

За что они так наказаны?

Внутри темного подземелья множество людей вопит: «Хохой, [4b] матушка, горячо! Йо-йо, батюшка! Братец!». За что они так наказаны?

С левой стороны тоже собралось много людей. Они не слушают чтения молитв, а шепчутся? За что они так наказаны?

Эрлик-хан ответил святому Гусю-ламе:

– В том дальнем огромном кровавом океане виднеется множество голов тех, кто лестью, сплетнями и клеветой ссорил людей и доводил их до убийства. Когда им отрезали головы, то из вытекшей их крови образовался океан.

Причина, по которой множество людей, виднеющихся в той дальней пустынной местности, скребут землю [5a] в том, что при жизни они в силу своей скупости не подносили ламам пищу и одежду. Поэтому они не имеют ни пищи, ни воды, ни одежды и никогда не обретут их. Потому руки у них истерты до плеч.

Находящиеся до них многочисленные безногие люди при жизни вытягивали ноги перед ламами и утверждали, что учение Будды это не колесница спасения. Поэтому они остались без ног.

Те же, кто находятся по ту сторону океана

У кого рот с зернышко,
Ноги, не способны ступить и шагу,
Голова размером с дом,
Тело размером с гору,

Горло, – что самая тонкая ворсинка, – при жизни были падки-ми на золото и серебро, скупались на еду и ночлег. Поэтому они переродились претами.

Там [5b] внутри темного подземелья, где множество людей вопит: «Хохой, матушка, горячо! Йо, йо, бабушка! Братец!», находится Ад мучительных пыток. В этот ад низвергают тех, кто при жизни убил своих отца [и мать]. Также в этот ад попадают те, кто незаконно лишил жизни живых существ.

Причина, по которой множество людей, собравшихся слева, шепчутся, не слушая чтения молитв, в том, что при жизни они осуждали чтение молитв и думали, что наставления лам не истинно. За это им в уши залили расплавленный чугун. Не слыша ни звука, они могут только шептаться.

[9a] Тогда святой Гусю-лама сказал Эрлик-хану:

– По велению Эрлик-хана,
Передам его наставление живым людям.
Прежде отправлюсь здесь в ад,
Посмотрев, что хорошо там и что плохо,
Поведаю[6a] обо всем.

Дойдя до ада, он увидел, как в чугунном котле варятся множество людей, и спросил у хранителей ада:

– Почему их варят?

Видя, как при варке мясо отделяется от костей, святой Гусю-лама представил, как разваривается его собственное тело и от сострадания заплакал.

Хранители того ада спросили:

– Святой Гусю-лама, почему ты плачешь?

Святой Гусю-лама ответил:

– Плачу, видя как эти люди, варятся в чугунном котле.

– Лама, зачем ты плачешь?! Их варят за то, что при жизни они разрушали храмы и статуи будд, сжигали драгоценные книги, – сказали они.

Святой Гусю-лама отправился дальше и [6b] добравшись до горы Шило, увидел, наверху было подвешено сто восемь железных крюков и внизу установлено сто восемь железных крюков. На верхние крюки насаживали людей. Нижние крюки, раскачиваясь на ветру, раздирали их тела в шелуху. Когда тела растягивали, то кости, кожа и волосы отделялись, цепляясь за крюки. Затем исцелив, их пилили пилами, толкли в ступе, разру-

бали топорами, размалывали. Увидев как они рыдают и вопят страшными голосами, святой Гусю-лама, преисполнившись сострадания, произнес сокровенное дхарани гневного божества, окропил освященной водой восемь горячих адов и опустошил их. Освободив [людей] из ада, он переродил их в землях будд.

Оттуда отправился он дальше и увидел, что тела попавших в холодный ад [7a] смерзлись подобно цветкам лотоса. Хранители ада до восхода солнца отдирали тела, отрывая при этом их волосы, кожу и кости. Увидев это, святой Гусю-лама, преисполнившись сострадания, [11a] окропил освященной водой. Покинув восемь холодных адов, он бродил по адам и указывал попавшим в ад путь в земли будд.

Затем святой Гусю-лама, шествуя по темному аду, громко распевал молитву и силой Трех Драгоценностей наполнил мрачный ад светом.

После этого он отправился дальше и достиг Ада коробов. Приоткрыв крышку Ада коробов, он увидел, как множество людей, лежащих внутри него, пожирают плоть друг друга. Увидев это, святой Гусю-лама [7b] спросил у хранителей того ада.

Хранители того ада ответили:

– При жизни, [совершив много греховных деяний, они обрекли себя на мучительные страдания, поэтому оказались в Аду коробов.

Когда святой Гусю-лама прочел коренную мантру, то коробка развалилась. Освободив существ из того ада, он отправил их в земли будд.

Затем святой Гусю-лама отправился дальше и увидел множество людей, лежавших среди испражнений и мочи. Святой Гусю-лама спросил у хранителей того ада.

– Эти люди при жизни] порочили лам и оскверняли изображения будд, поэтому оказались среди испражнений и мочи.

Святой Гусю-лама отправился дальше и увидел, как согнав множество женщин, четверо эрликов распинали их на четыре стороны и с шипением прожигали их насквозь раскаленным докрасна железом. Святой Гусю-лама, увидев это, спросил у хранителей того ада.

Хранители того ада ответили:

– Их прожигают за то, что при жизни они наряжались в золото и серебро, ели вкусную пищу и любили предаваться прелюбодеяниям.

Святой Гусю-лама чтением коренной мантры, освободил их из рук распинавших их эрликов. Вызволив их из ада, [8a] он указал им путь и отправил в земли будд.

Оттуда святой Гусю-лама отправился дальше и достиг Ада животных. Святой Гусю-лама увидел, что животные, видя воду – не могли ее пить, видя траву – не могли ее есть. У пределов того ада сидело множество будд в золотых головных уборах. Святой Гусю-лама спросил у будды в золотом головном уборе:

– Почему эти животные были ввергнуты в ад, в то время как ты святой будда, находишься здесь?

Будда в золотом головном уборе ответил святому Гусю-ламе:

– Причина, по которой они низвергнуты в ад, заключается в тяжести их грехов, совершенных при жизни.

Святой Гусю-лама чтением коренной мантры освободил их из ада и переродил [8b] в землях будд.

Вернувшись оттуда, святой Гусю-лама сел у ворот [дворца] Эрлик-хана. В это время пронеслась необычная весть о том, что почивший тангутский Ирджамцо-лама шествует по небесам. Эрлик-хан, услышав об этом, отправил своего львиноголового сына. Львиноголовый посланец, вернувшись, сообщил Эрлик-хану:

– При жизни он был могущественным ламой. Он опустошил все ады и вознесся, подобно солнцу. Я спросил у него: «Кто же ты, опустошивший все наши огромные ады?» Тот тангутский Ирджамцо-лама ответил: «При жизни я пребывал в строгом созерцании. Благодаря силе этого созерцания, теперь я шествую по небесам». [С 391]¹ Сказав так, он прошествовал дальше.

Тут прибыл другой эрлик с головой барса и сообщил Эрлик-хану:

– Вслед за мной идет еще один добродетельный лама. При жизни он бесчисленное количество раз прочел мантру шести слогов. Лошади и коровы, навьюченные его благими накоплениями, достигли медного моста. Благодаря силе начитанной мантры шести слогов, он поднял все живые [10b] существа в область Тридцати трех тенгриев, – так известил Эрлик Номин-хана тот эрлик с головой барса.

Эрлик-хан молвил:

– Да встретится и мне такой же великий лама! – выйдя, поклонился вслед [тому ламе].

Затем перед Эрлик-ханом предстали два человека: белый и черный.

Будда [сопровождавший их] сказал:

– У этих белого и черного людей нет грехов.

¹ Синьцзянская рукопись XGMO 0299 неполная. Далее перевод выполнен по калмыцкой рукописи С 391.

Черт [пришедший вместе с ними] возразил:

– Грехов у этих двух людей много.

Тогда Эрлик-хан повелел:

– Будда и черт противоречат друг другу. Ты, белый человек, скажи мне [правду]. [11a]

Тот белый человек ответил:

– При жизни я был нойоном.

Грехов не водится за мной.

Тенгриам и буддам я делал [15b] подношение,

Нищим давал подаяние,

Переписал сто восемь книг.

Тогда Эрлик-хан изрек:

– Этому человеку верить нельзя.

Писцы открыли книгу, посмотрели и сказали:

– Благodeяния его велики.

Когда посмотрели в зеркало и взвесили на весах, то оказалось, что один грехи равен пятидесяти восьми [переписанным] книгам.

Эрлик-хан изрек:

– Этот белый человек – воистину праведный человек, [11b]

Некоторые люди не думают о том, что умрут,

Не думают о том, что нажитое ими утратится,

Не думают о том, что их верховая лошадь изнурится!

Если помнить о Трех Драгоценностях, то вот результат:

Если кто, подобно этому белому человеку

Станет почитать хотя бы одного из будд,

Окажется здесь в собрании тех, кто достигнет

Чистой земли будды северной стороны Амитабхи!

Затем Эрлик-хан изрек:

– Я не верю черному человеку. Ты, писец, открой книгу и взвесь на весах.

Когда все проверили, то оказалось, что при жизни [12a] он не был привержен к благим деяниям. «Не любил он поклоняться Будде и ламам, не нравились ему и набожные люди. За это отправим его в ад!» – решили они. Всех, кто привержен к злонамеренным деяниям, подобно черному человеку, отправляют в восемнадцать адв.

Затем к Эрлик-хану привели двух женщин: белую и черную.

Будда [сопровождавший их] сказал:

– У этих двух женщин нет грехов. При жизни они почитали благие деяния, Будду и Учение.

Черт [пришедший вместе с ними] сказал:

– У них достаточно грехов для наказания. Они не верят Будде, ламам и Учению.

Тогда Эрлик-хан повелел: [12b]

– Будда и черт противоречат друг другу. Ты, белая женщина, поведай мне [правду]!

Та белая женщина ответила:

– Семеро сыновей было у меня при жизни,
Семь благих деяний я совершила.
Сама я делала подношение Будде,
С почтением относилась к тойнам.
Семеро сыновей моих,
Семь благих деяний по мне совершат.

Эрлик-хан отправил ее по медному мосту в область Тридцати трех тенгриев.

Писец, открыв книгу, сказал о черной женщине:

– Эта черная женщина при жизни порочила лам и будд. За совершенные ею тысячу тяжких грехов надо отправить ее в Мрачный ад!

Эрлик-хан сказал:

– Для различения [13a] истинного и ложного
Я нахожусь между этими двумя мирами!
Ты, святой Гусю-лама,
Передай живущим людям наставление!
Людей, совершающих благие деяния,
Перерождаю я в чистых землях будд.
Людей невежественных и злонамеренных,
Низвергаю я в мрачные области ада!

Святой Гусю-лама, возвращаясь, встретился между двумя мирами перерождений с той старушкой.

Святой Гусю-лама сказал:

– О, старушка, в прежних перерождениях ты была моей матерью. Теперь ты переродишься в чистой земле будд! – сказал он и возвратился [в мир живых].

Наставления Эрлик-хана, [поведанные] святым Гусю-ламой окончены.

ПЕРЕВОД

ХУТГТ ГҮСҮ ЛАМИН ТУУЖ ОРШВ

Рукопись XGMO 0299

Личная коллекция Увелзэнг-генге,

(г. Текес, САУР КНР)

Условные знаки, используемые в переводе:

В квадратные скобки [] заключены слова, уточняющие перевод.

[1a] Хутгт Гүсү ламин тууж оршв

[1b] Төвдин хутгт Гүсү лам нирван болсна хөөн деегшэн бурхна орнд эс күрч, дорагшан тамд чигн эс күрч, тер хойрин дунд Хоосн тамд унж.

Тегэд унсна хөөн Нурвн эрдниг санж: «Ом мани падме хум!» – гиж умшад, зүрхндэн сансн төлөд өндр уулын белд нарч. Деегшэн харж үзхлэ, нег ад биш теңгү тулж бээх Мөсн уул үзгдв.

Бас тер көтлөд эмгн күүнд золһж, [Гүсү] лам зэрлг болв:

– Ая, эмгн, эн Мөстэ уулыг юн төлө бүтэсмб? – гиж асуув.

Тер эмгн хэрү өгүүлв **[2a]**:

– Хутгт Гүсү лам, чи эс медсмбч? Хойр заяни дундк Мөсн уул гисн эн болдг!

Хутгт Гүсү лам бас асуув:

– Эмгн, [тер] көтл деер ик хү дотр хамг бүгд аратна бий үзгднэлм, тер юмб? Тер деед алтн гүр юмб? Түүнэ дорд, түүнэ хөөт нууль гүр юмб? Түүнэ дорд зес гүр юмб? Түүнэ дорд төмр гүр юмб? Түүнэ цаад цаһан цаң делдгч, бүрэ татгч, ном умшгч, зурһан үзг тоолж наадгч хамг улс, лам, бандин хурсн чуулһн юмб? Бас түүнэ цаад цаһан бээшн дотр ик кеңкрг делдгч **[2b]** юмб? Бас цаад ик дала юмб? Бас дорд харһу гүр юмб? – гиж асуув.

Тер эмгн хэрү өгүүлв:

– Би үкэд долан он болв. Чи, лам, сүмсэн бийэс ханцулж авч одхиг эс үзвч? Тер көтл бичэ дар! Дархла, му болна! Буйн кесн, Нурвн эрдниг иткгч, нег үзгт чаңһ седкл бэрсн күн дархла, һэ уга болна. Түүнэс бус килнцтэ эмтн дархла, хамг бүгд аратн суух¹ зам болдг.

Тер деед алтн гүр – Бурхна һазрт одх зам болдг. Түүнэ дорд хөөт нууль гүр – Умара үзгин Эмдв бурхна һазрт одх зам болдг. Түүнэ дорд зес гүр – Нурвн теңгрин **[3a]** һазрт одх зам болдг. Түүнэ дорд төмр гүр – Эрлг хаанд одх зам болдг. Тер цаң делдгч, бүрэ татгч, ном умшгч, зурһан үзг тоолгч наадгч хамг улс, лам, бандин хурсн чуулһн – урд, эмд заяндан, лам банди хойрт хамг эргн улс бүгдэр хамт буйн үүлдснэ күчэр жирһсн утхнь эн болдг. Тер цаһан бээшн дотр ик кеңкрг делдгч – Эрлг хаана бий тер теңгрин дергд бээдг. Наадк далан нернь – Шеесн дала болдг, – гив.

Бас тер хутгт Гүсү ламд эмгн өгүүлв:

– Төмр гүрин замар одж, Эрлг хаанд золһ! Тамин эрк ик бээнү, үчүкн бээнү – үзж болһ!

¹ Наадк хойр ширкдг «зуух», «саад болх» гиж бичэтэ бээнэ.

Түүнэ хөөн хутгт Гүсү **[3b]** лам төмр гүрин замар нарч одтл, хутгт Гүсү ламин хөөнэс олн эр, эм күн дахж иртл, төмр гүр хувлж, килһсн чинэн болж. Тер олн эр, эм күн ишкхд тер килһсн тасрж, тамд унж. Тер гүр хувлж килһсн чинэн болсн утхнь – урд, эмд заяндан, килнц кесн, ламиг дормжлсн, Нурвн эрдниг эс бишргч эмтнэ килһсн гүр гисн тер болдг.

Тер хутгт Гүсү лам төмр гүрин замар одж Эрлг хаана һалд¹ күрч бээв. Түүнэ хөөн Эрлг хан угтж ирж золһв. Тер хутгт Гүсү ламд Эрлг хан зэрлг болв:

– Эмд заяни [мунхг эмтн һагц күн
Миңһн наслх чинэн санж килнц олн кедг болв.
Лам, номиг худл бээнэ гиж келх болв,
Олсн, зөөсөн баргдх чинэн эс санх болв,
Өмссн девльн элхин чинэн эс санх болв,
Унсн мөрэн үкхин чинэн эс санх болв.
Түүни төлөд зөвтэ, бурутаг йилһий гиж
Хойр заяни дунд суусн бээнэв би!

Хутгт Гүсү ламд Эрлг хан зэрлг болв:

– Чи эмд заяни эркн улст сурһал кел!
Жирһлтэ бурхна һазрт одв би гиж кел,
Зовлнта тамин һазрт одв би гиж кел!
Ном буйг кесн күүнэ бийнь – теңгрин деер,
Нүүрнь – нарна герлин дүрлэ эдл болдг.
Ном буйн уга күн тамин дотр,
Нүүрнь – зуурсн шаврла эдл болдг! – гив.

Эрлг хаанд Гүсү лам зэрлг болв:

– Тер цаад цуста ик дала дотр олн күүнэ толһа үзгдж бээнэлм. Тер юн төлөд тиигж бээхмб? Бас тер цаад цаһан талд] идх уга, өмсх уга, уух уга олн күн **[4a]** үзгднэлм. Идх угадан һазр ухж сууналм. Тер һазр ухсн хурһнь элж – буһуднь күрч, буһунь элж – тохаднь күрч, тохань элж – мөрнднь күрч бээнэлм. Тер юн төлөд чиңнэж² бээхмб? Түүнэс цаад олн күн бас үзгдж бээх юмб? Көлнь цуг мухр бээнэлм. Тедниг юн төлөд **[5a]** чиңнэж бээхмб? Бас ик далан тенд олн күн үзгднэлм.

Амуни чинэн амта,

Алхн ядх көлтэ,

¹ һалд – хаалһд, үүднд.

² чиңнэх – засх, цаажлх.

Өэлин тедү толһата,

Уулын тедү бийтэ,

Өср нэрн килһсн чинэн хоолта олн күн үзгднэлм.

Тер юн төлөд чиңнэж бээхмб?

Тер дотр харһуу һазрт олн күн: «Хохой, [4b] ээж, халаха! Йо-йо, аав, аха!» – гиж бээнэлм. Тер юн төлөд чиңнэж бээхмб? Зүн талд олн күн хурж цуглрж бээнэлм. Ном умшхиг соңсх биш, шимнлцж бээнэлм. Тер юн төлөд чиңнэж бээхмб? – гиж асуув.

Хутгт Гүсү ламин хөөн Эрлг хан зэрлг болв:

– Тер цаад цуста ик далан дотр олн күүнэ толһа үзгдж бээх тер – хойр күүнэ хоорнд зусл үг келсн, ховлдулж, аллдулж, үклдүлж йовсн күүнэ толһаһинь утлж, цусинь урсхаж, дала болһсн утхнь тер болдг. Тер цаад цаһан талын зергдк олн күн үзгдж бээгч, һазр [5a] ухж суух утхнь – ламд эмд заяндан идэ-ундан, өмсх-зүүхиг [хармнж] хээрлн йовсн. Түүнэ төлө идх уга, ундасн уух уга, өмсх уга эс олдхнь тер болдг. Түүнэ төлө һарнь элж – мөрнднь күрсн тер болдг. Теднэ наад талд олн күн мухр болснь – эмд заяндан ламин өмн көлөн жииж, бурхна номиг көлгн биш гиж йовсн төлөд көл уга болснь тер болдг.

Бас тер ик далан цаад

Амуни цаг¹ амта,

Алхн ядх көлтэ,

Өэлин цаг толһата,

Уулын цаг бийтэ,

Өср нэрн килһсн цаг хоолта болсн утхнь – алтн, мөңг, идэ-баһур хармнсн төлөд бирдт төрсн утхнь тер болдг.

Наад [5b] дотр харһуу һазрин олн күн: «Йо-йо, хо-хой, йакин, ах, аав!» – гиж һаслсн утхнь – Эрүтэ там гисн тер болдг. Урд, эмд заяндан, эцк-экэн алсн күүг эн Эрүтэ там гиснд унһах утхнь эн болдг. Бас йосн уга эмтнэ эм таслсн төлөд тамд унһахнь тер болдг.

Зүн талд олн күн шимлцж бээгч – эмд заяндан ном умшхиг муушаж йовсн, ламин зэрлг биш бээнэ гиж сансн күүнэ чикнднь хээлсн ширм цутхсн. Дун дууһан эс соңсч шимнлцх утхнь эн болдг.

Бас хутгт Гүсү лам Эрлг хаанд зэрлг болв:

– Эрлг хаана зэрлгэр

Өмдин заяни улст сурһал келсв би.

¹ цаг – чингэ.

Энд тамд одж,

Сэн, мууг үзж ирэд, зэрлг [6a] болсв! – гив.

Тенд тамд күрснэ хөөн ширмн тоһнд олн күүг чанж бээхиг үзж, тамин эздэс асуув:

– Юн төлөд чанж бээнэ? – гиж асуув.

Чанхд яснь, махнь нег-негнэсн шильжрснд лам эврэ бийэн шильжрсн мет санж, өршэж, тер хутгт Гүсү лам уульж.

Тер тамин эзд асууж келхдэн:

– Хутгт Гүсү лам, чи юн төлөд уульнач? – гиж асуув.

Хутгт Гүсү лам зэрлг болв:

– Эн олн күүг ширмн тоһнд чанхиг үзж уульв би, – гив.

– Лам, юн төлө уульнач?! Эдн урд, эмд заяндан, сүм, бурхиг эвдж, ном эрдниг түлж, дормжлж йовсн төлөд чанх утхнь тер болдг! – гилдв.

Тер хутгт Гүсү лам бас цааран одж [6b] үзхлэ, Шөвтэ уулд зун нээмн төмр дегэг деегшэн хандулж, зун нээмн төмр дегэг дорагшан хандулж, деед дегэд кү өлгж. Дорд дегэд салькнд киискж бээхднь, шилжрж зурагдж ким болтл татж бээхиг хутгт Гүсү лам үзж. Теднэ бийнь [татж] авхд яснь, үснь торж хоцрж. Түүнэ хөөн бас эдгэж, уурт нүдж, сүкэр цоолж, теермдж. Уульн цоклзж, бэркрж бээхиг хутгт Гүсү лам үзж, өр өвдж, догшин бурхна зүркн тэрни седжж, [ус] тэрндж цацхд тер нээмн халун тамиг хоосн болһв. [Тамд унсиг] тамас тоньлһж, бурхна һазрт төрүлв.

Бас тер түүнэс цааран одад, киитн [7a] тамд унж, бадм мет көрсн хөөн тер тамин эзд нарн һархин урд хү татж авхд арснь, яснь торж хоцрж. Түүг хутгт Гүсү лам үзж, өршэж, ус тэрндж цацхд нээмн киитн тамас һарч. Бас кесгсн хөөн тер тамд унгсудт бурхна һазр зааж өгч илгэв.

Бас хутгт Гүсү лам харһуу һазрин тамд одж, ик ду дуулж умшхд һурвн эрднин күчэр харһуу тамиг гегэн болһж. Бас түүнэ цаад одтл, Хээрцгтэ [тамд] күрч. Тер Хээрцгтэ тамин неелгэ нееж үзв. Бас үзхд хээрцг дотрк олн күн нег-негэн идлцж кевтхиг хутгт Гүсү [7b] лам үзж, тер тамин эздэс асуув.

Тер тамин эзд келхдэн:

– Урд, эмд заяндан, [килнц олн үүлдсн тэлэд харһуу зовлңгиг бийдэн татж авч йовсн төлөд, Хээрцгтэ тамд төрх утхнь эн болв, – гив.

Хутгт Гүсү лам нег эктэ ном умшхд тер хээрцг эвдрж одв. Тер тамин эмтиг тоньлһж бурхна һазрт илгэв. Бас түүнэ хөөн цааран йовтл, шеесн, баасн дунд олн күн кевтхиг үзв. Хутгт Гүсү лам тер тамин эздэс асуув:

– Тер эмтн юн төлөд тиим болсмб? – гив.

Тер тамин эзд келхдэн:

– Эн күмн урд заяндан] лам бурхиг бузрдлж йовсн төлөд шеесн, баасн дунд төрсн утхнь тер болдг.

Бас хутгт Гүсү лам цааран одад, оln эмиг хураж, урн күүһәр төмр улалһж, дөрвн күн үзг болһнд татж, сүүкнтл хээрж суухиг хутгт Гүсү лам үзж. Тер тамин эздэс асуув. Тер тамин эзд келхдэн:

– Урд, эмд заяндан, алтта, мөнгтэг өмсч, амтта идэг идж, алжас үүлиг сээшч, соңсч йовсн төлөд хээргдх утхнь тер болдг! – гив.

Бас хутгт Гүсү лам нег эктэ ном номлхд тер үзг болһнд татгч дөрвн күүнэ бэрх һарас алдулж, тамас [8a] тоньлһж, бурхна һазр зааж өгч илгэв.

Бас хутгт Гүсү лам түүнэс цааран одтл, малын тамд күрч. Тер мал ус үзхлэ – ун эс чадхиг, өвс үзхлэ – идн эс чадхиг хутгт Гүсү лам үзв. Тер тамин дергд алтн махлата бурхн оln бээсн бээж. Тер алтн махлата бурхнас хутгт Гүсү лам асуув:

– Иим чи хутгт бурхн сууж бээтл эн мал юн төлөд тамд унһавч? – гив.

Алтн махлата бурхн оln хутгт Гүсү ламин хөөн хэрү өгүүлв:

– Урд, эмд заяни килнцин күчэр тамд унсн утхнь тер болдг, – гив.

Тер хутгт Гүсү лам нег эктэ ном номлхд тер тамас тоньлһж, бурхна [8b] һазрт төрүлв.

Хутгт Гүсү лам тендэс хэрж ирж, Эрлг хаана хаалһд күрч суутл, таңһдын Иржамц лам нирван болж, оһтрһун деегүр [өөд болсн] ад биш ик чимән һарч одхиг Эрлг хан соңсч арслң толһата көвүһән илгэв.

Арслң толһата элч ирж, Эрлг хаанд ирж келв:

– Тер урд, эмд заяндан, эрктэ лам бээсн бээж. Көвчн ик тамиг хоосн болһж, нарн һарсн мет өөд болж одв. Би асуухдан: «Иим мана ик тамиг хоосн болһж одх кен нертэ күмбч?» – гиж асуув. Тер таңһдын Иржамц лам зэрлг болв: «Би эмд заяндан хатужл даянд суулав. Тер даяна күчэр оһтрһун деегүр өөд...¹

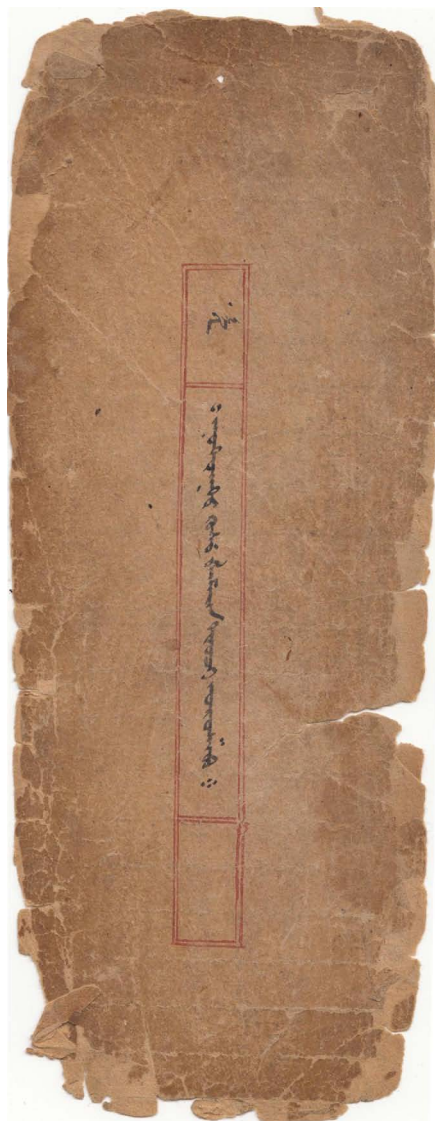
ФАКСИМИЛЕ

«Xutuqtu Gösü blamayin tuuji orošibo»

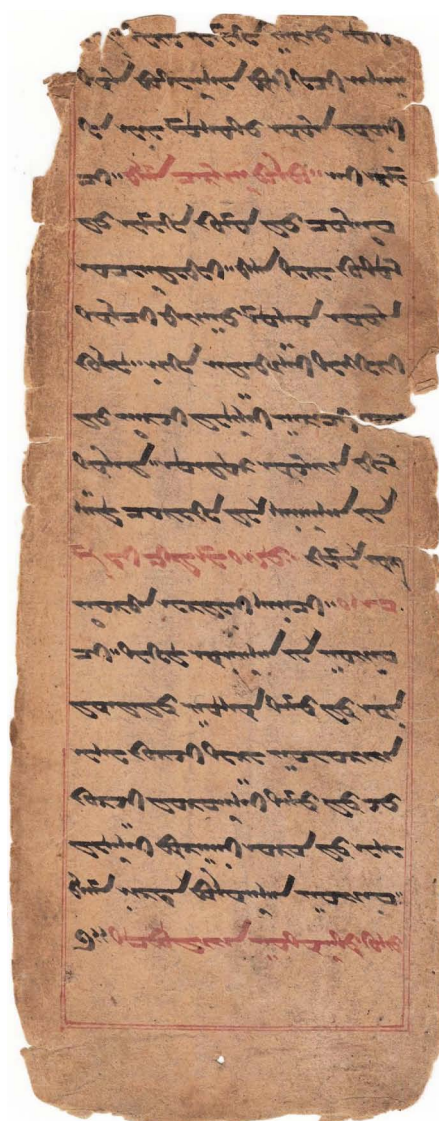
Ойратская рукопись, 8 л., 25,5 x 12 (21 x 7,5), 20–22 стк.,
Плотная желтая бумага, красная и черная тушь, калам.
Личная коллекция Увелзэнг-генге,
(г. Текес, САУР КНР)
[Do. Galdan 2014: XGMO 0299].

¹ Эн Шиньжэнэ Или һазрт олгдсн ширкг күцц биш. Сүл кедү цааснь уга.

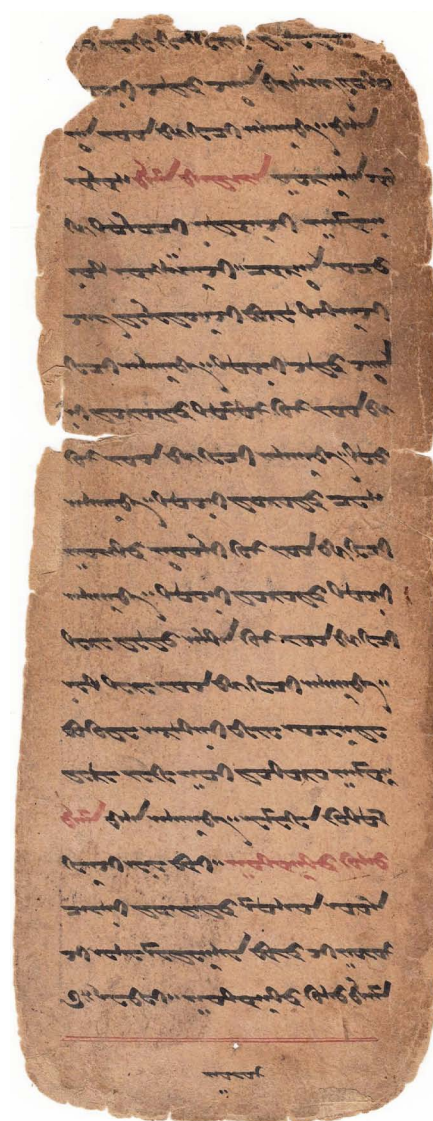
1a

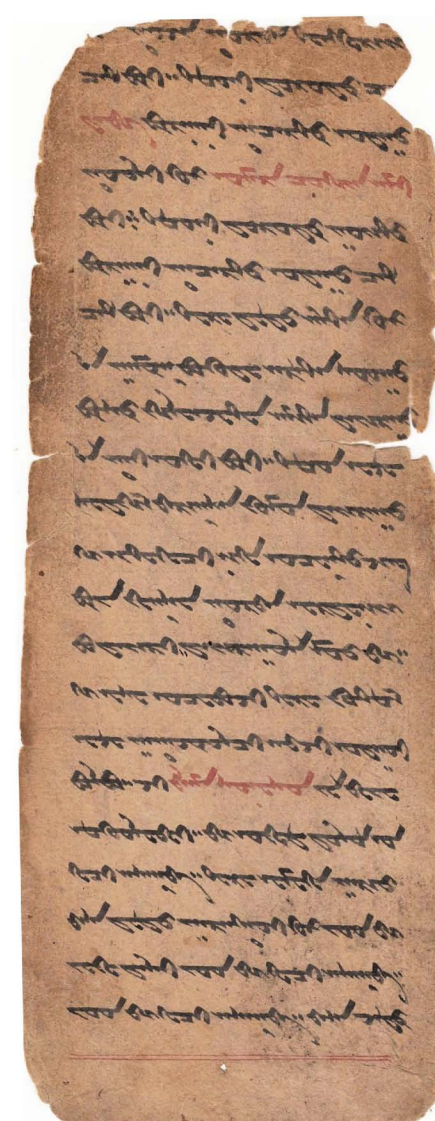
1b

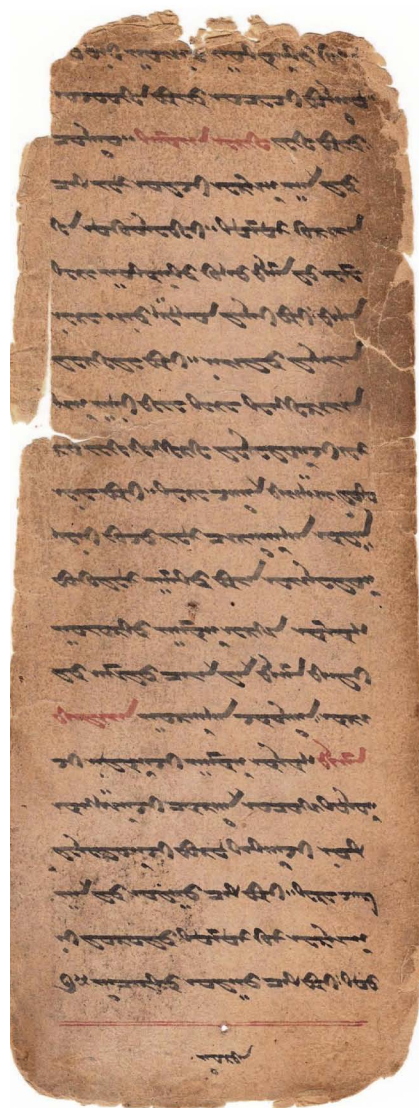
2a

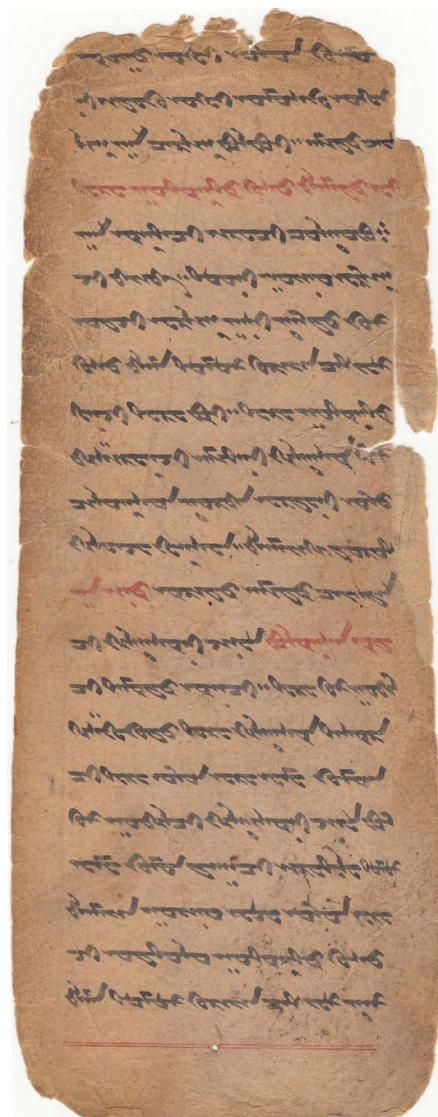
2b

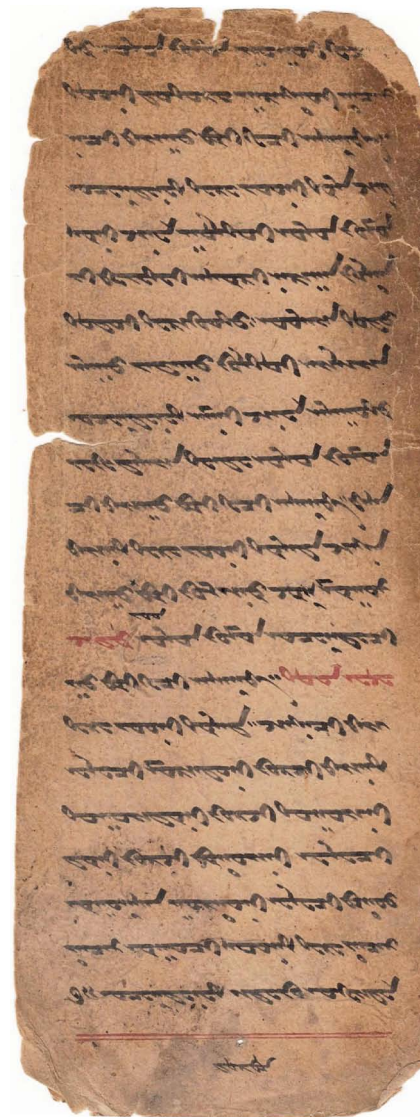
3a

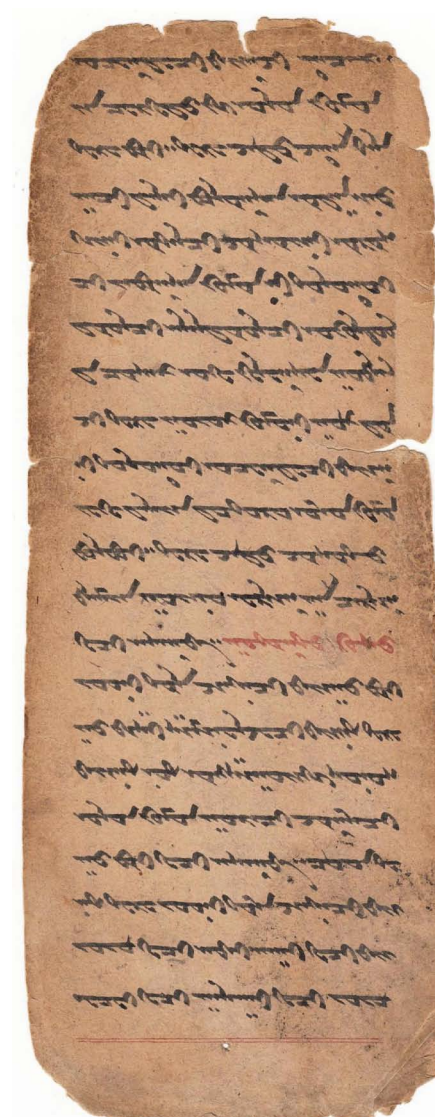
3b

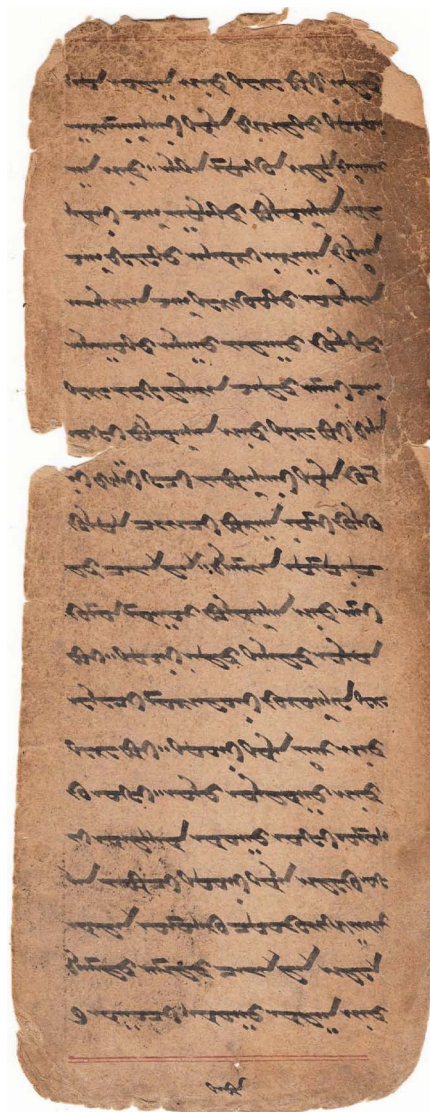
4a

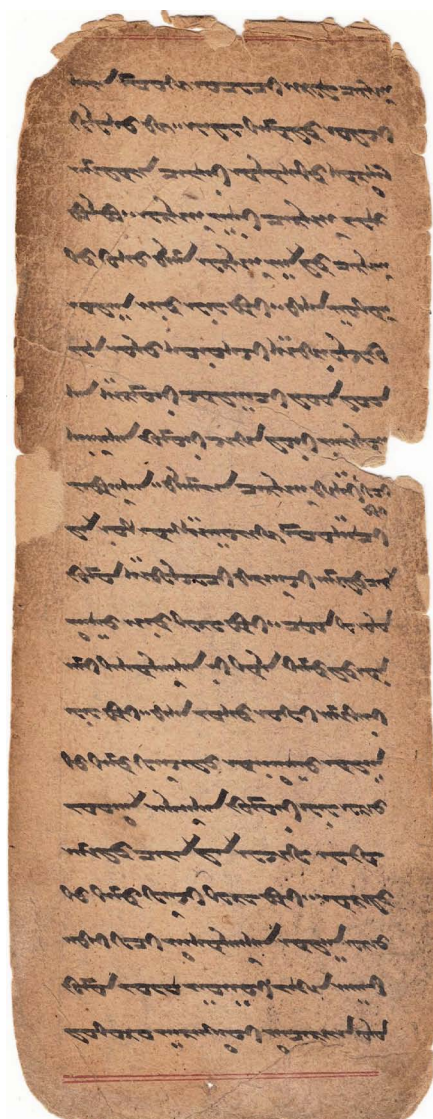
4b

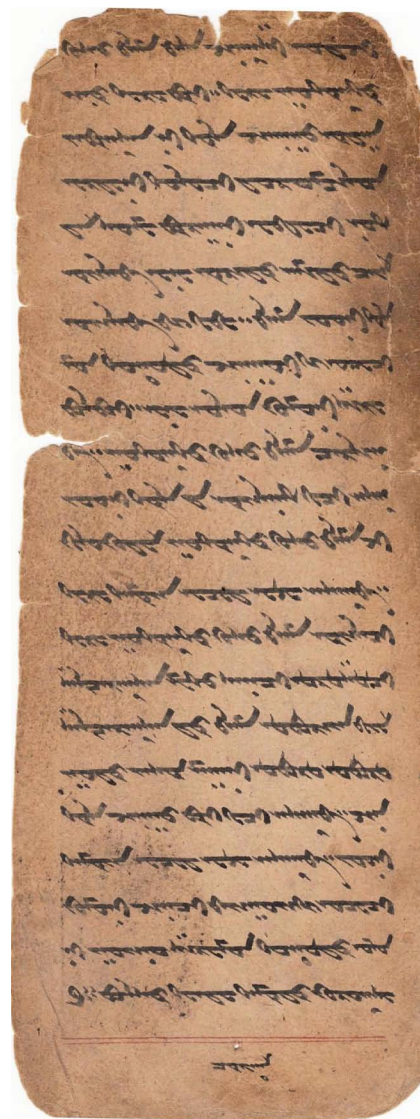
5a

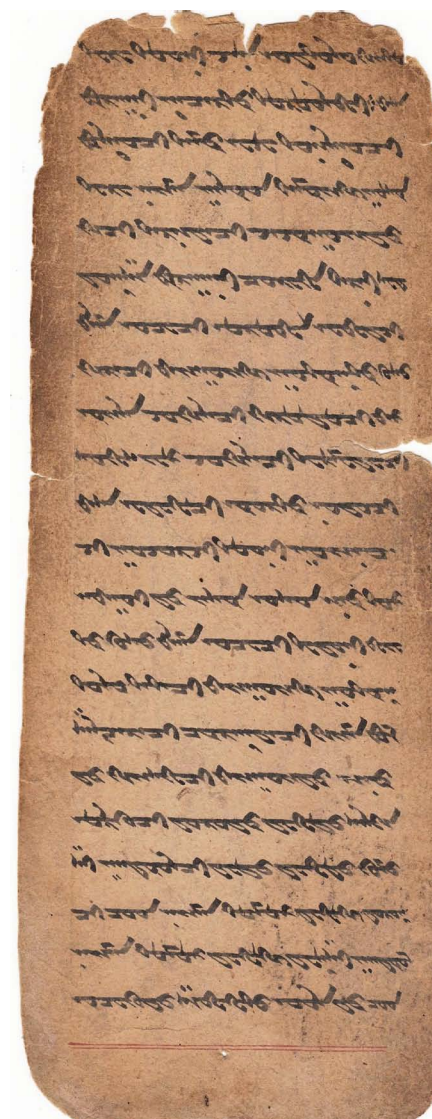
5b

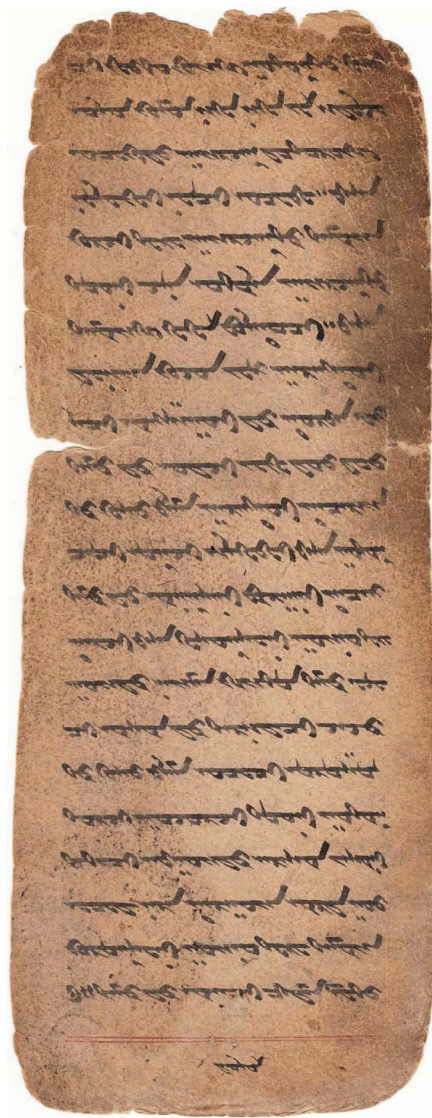
6a

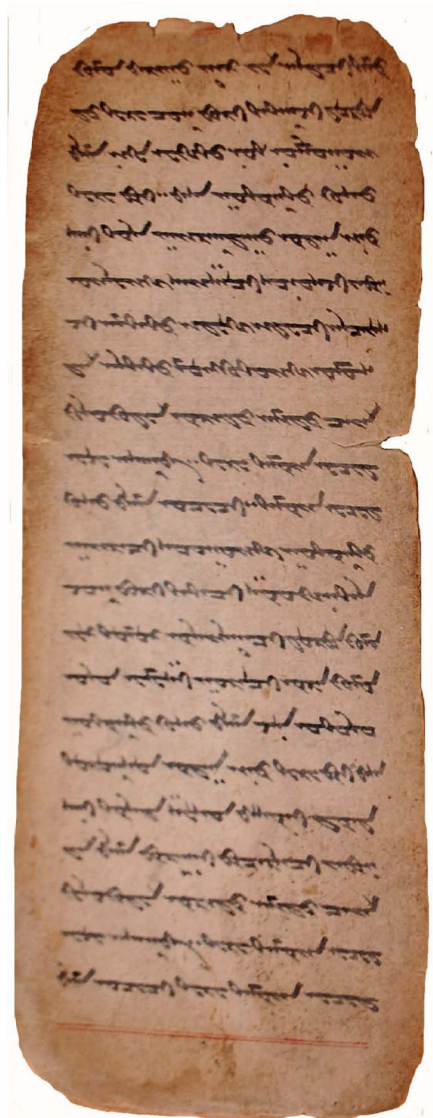
6b

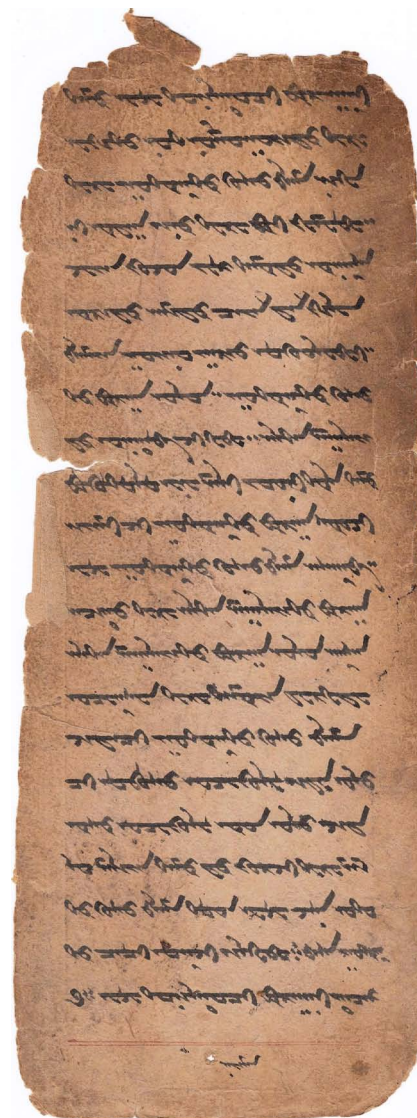
7a

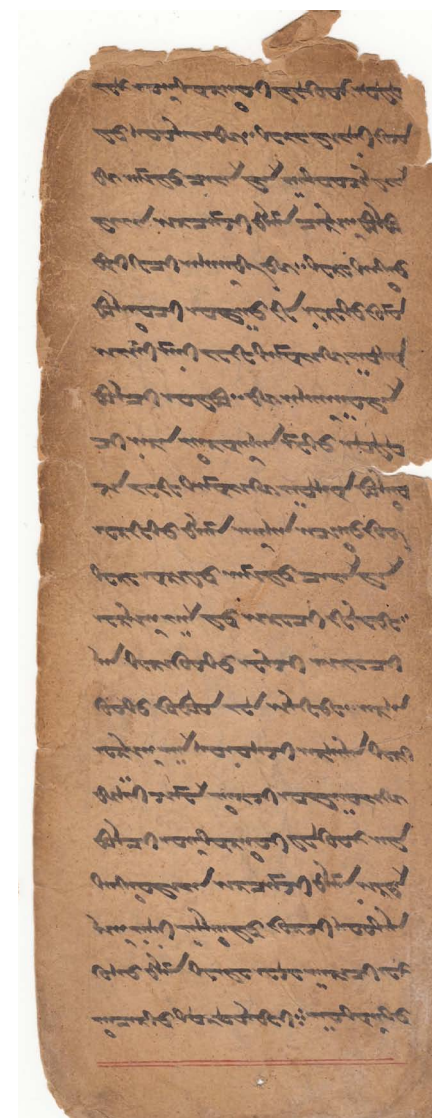
7b

8a

8b

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

Xutuqtu Güšü blamayin tuuḡi oroṣiboi

Рукопись АЗ-170 (МН-397)
Музей-квартира Ц. Дамдинсүрэнэ
(г. Улан-Батор, Монголия)

В транслитерации текста использованы следующие условные знаки:

Знак равенства = ставится в месте переноса части слова на другую строку.

Круглые скобки () заключают в себе межстрочные вставки в тексте рукописи.

Квадратные скобки [] заключают в себе графему, пропущенную в тексте и восставленную как несомненную.

Слова, выделенные в рукописи красной тушью, в транслитерации подчеркнуты.

[1a] Xutuqtu Güšü blamayin tuuḡi oroṣiboi::

[1b] Namо budha yā:
namо darhma [=dharma] yā:
(+namо) sangha yā

Töbödiyin kelēn-dü: xutu=qtu Güsü blama nirvān bo=luqsan aḡi tödüi nir=vān:
boluqsan-du inu canā tamadu ese kürči nā axā döü eḡige: eke uruq sadun-
dān: ese kürči tere xoyur=yin: xor dunda xōsun: tamadu u’nuḡi tödü: unaqsani
xoyino ḡurban erdēni-gi čing sedki=ḡi: om mā ḡi pād me hum: [2a. xoyor] ḡiḡi
ungṣiqseni: tuldā: öndör oulān kütöl dēre ḡarbai: deḡṣi xarḡ=i: üzebēsü: nigē ada
biṣi emegen mösötü oula tenggeridü tulḡi bayixuḡi üzubei: basa tere kütöl=dü
nigen emegen kümün zol=ḡobai: basa: xutuqtu: Güšü blamā zarliq bolboi: nā
emegen či mösütü: ouladu: youn ḡeḡi bütü=qsen bui:: kemēn asaḡbai: emegen
xariu öḡüülebei: xutuqtu Güšü blamā či ese medeqsen buyu ene [2b] xoyur
zayani xōr: dunda mösütü oula ḡeḡči ene bui: xutuqtu Güšü blama zarliq bolboi:
ā emegen tere kütöl dēre olun: xoi: dotorо xamuq art’=ani: beyē üzüqdenei:
youmbi: tere dēre altan ḡūr youmbi: töüni dēdü ḡul’i ḡūr: youmbi töüni dēdü zes
ḡūr youmbi: töüni dēdü tömör ḡūr: youmbi ḡeḡi: asaḡbai basa töüni cādu cang
deldē=ḡi: бүрe tatḡi nom ungṣi=ḡi: zurḡān üzüḡḡi tolo=qḡi: nadqči: xamuq ulus
[3a. ḡurbun] basa blamā bandiyin xurul čulḡani üyiledüḡči youm=bi: basa töüni
cādu caḡān bayišingḡiyin dotorо yeke kengrgegē deledeḡi bayixu terē youmbi
töüni nadu yeke dalai youmbi basa: dēdü xarḡḡyui ḡūr youmbi ḡeḡi asaḡbai tere
emegen xariu öḡüülebei bi ükēd dolon on bolboi: xutuqtu Güšü blama sünösün-
yēn xayucol=un: abači odaxu-gi ese üzebesü tere kütöl: [3b] bu dari darixula
mou bo buyān keqsen kümün ḡurban ērdnigi: itegēḡi: ḡaqca üzürtü sēd=kil-
yēr bariqsān kümün darxula ḡai: ügei bui töün-ēce busu kilincetē amitani
daraxula: xamuq бүḡüdē artān sād kekü: bo tere dēdü altān ḡūr Šakyamu=ni:
burxani ḡazār yabuxu zam: bui: töüni derē xoyitu ḡuliyin ḡūr urmau züḡiyin:
Amidh[a]bai burxani buyani coqco xurāxu: ḡazār yabuxu zam bui: töüni dēdü:
zes ḡūr ḡučin ḡurbun tenggeriyin ḡazār-tu yabuxu zam bui: töüni dēdü tömür
[4a. dörbön] ḡūr Erliq xān-du odxu zam bui: tere cang deldē=qči: бүрe tataḡči:
nom ung=ṣiqči: zurḡan üzüḡḡi töl=oḡči xamuq uluṣiyin blama: bandiyin xurul
čulḡani üyil=düḡči: urdu amidu zayan-du blama bāndin xoyur xamuq erke=ni:
ulus бүḡüdēr xamitu buyān üyiledüqsan-ni küčin-dü xamtu ḡiryaqsan udxai inu
ene bo:: [tere] caḡān bayišingḡiyin dotorо yeke kenggerḡi deldeḡči: Erliq xāni
beyeni tere kenggergeyin: dergedē bui: nādu dalān nere Šēsün dalā ḡeḡči bui:

xutuq=tu Güšü blama-du emegen öqgöl=bei: [4b] či tere tömür güriyin zam-yēr yabuji: Erliq xān-du zolyo: tamiyin erügi¹ yeke buyu üçü=kün: buyu: üzüji: boloyo²: gebē: xutuqtu Güšü blamā tömör güriyin zam-yēr yabuji yabutala Güšü blamān xo[=yi]no-ēce olon kümün irtelē: tere tömö=r: gūr xūbilji kilyasani: činēn: bolji terē ere e=mē: olon kümün: gišikeküdū: [XGMO 0299: tere kilyasun tasuraji tamu-du unaji: tere] tömör gūr xūbilji kilyasuni činēn boluqsani udxā inu ene bui: urdu amidu zayan-du kilencē olo üyiledüji blamā töüni doromjilji yurbun ērdeni-gi ülü bariqči [5a. tabun] amitani kilyasani činen zam: terē bui: basa xutuqtu Güšü blamā tömör güriyin zam-yēr: öči Erliq xāni xaliyadu kūr=či: suubai: Erliq xān uq=tuji irji zolyobai: xutu=qtu: Güšü blama-du Erliq xān ögüülebei:

urdu zayan-du mungxuq kümün
mingyan nasul=xuyin: činen sanaji kilencē: olon: kemüi
blamā nomagi: xudul bui: kemēn ögüülemüi
oloqsan zöqsön-yēn barqduxuyin činen ülü sanamui bui:
[C 391: ümüsüqsen debil-yēn eleküyin činēn ülü sanaxu bui:
unuqsan morin-yēn üküküyin činēn ülü sanaxu bui:]
töüni tulā zöbtö burutā=gi: ilayuyā geji
ene xoyu=r [5b] zayāni xōr dunda souqsan udxā inu ene bui:: gebē:
xutuqtu: Güšü blamā ur=du: zayān-du olon kümün ulustu kelji öq
jiryal=ngtu burxani yazār-gi üzē=bei:
[C 391: zobolong-tu tamuyin yazartu odboi bi geji kele]
nom burxān buyān keqsen kümüni beyeni tenggeri-ēce dēre bui::
(nüür inu narani gereldü adali) gereltei bui::
nom buyān ügei kümüni beyē tamān dotoro bui:
nü‘ür inu zuruqsan šabār-tu adali bui

Erliq xān-du Güšü blamā: zarliq bolboi:: tere cādu casutu [XGMO 0299: cusu-tu] yeke ouliyin [XGMO 0299: dalai] doto=ro: olon kümüni toloyo üzū=qdeqči: tere youni tula činggeji³ [6a. zuryan] bayixu bui: töüni cādu talki idekü ügei uxu ü‘ü=müskü: ügei kümün üzeqdenē (+idekü) ügediyin yazār uxaji: sounam tere yazār uxaqsan xuryoni elji buyuduni: kürči: buyuni elji: toxo=doni: kürči toxoni elji emedini⁴ kürči tere youni tula činggeji: bayixu bui: geji asuqbai töün-ēce nādu olōn kümün basa üzüqdenē kül inu cöm muxūr bayinam tere youni

¹ XGMO 0299: erke.

² C 391: zolyo.

³ XGMO 0299: tegeji.

⁴ XGMO 0299: mürendüni.

tula činggeji bayixu bui: geji asuqbai basa yeke [6b] dalān zaxād olon kümün: üzüqd[e]ni

amuni činēn: amuta
alxān yadxu kültei
ayiliyin töüdü terigütē
oulān töüdü beyetē
dalān töüdü kebeltē:
kilyasani činēn xolatā:
oulān töüdü: kümün üzüqdünem

tere youni tulā činggeji bayixu: bui: geji asuqbai töüni doro yazār-tu olon kümün xoxō eji xalixa=ā: yo yo abā yaraya: geji yasulaqsān tere kümün youni tulā činggeji bayixu bui: basa zoun [7a. dolōn] tē olon kümün xurji čuulaji suunam tere: nom ungšixugi sonosxu biši šibinileckü doun-yēr sonosxu tere youni tulā činggeji bayixu bui: xutuqtu Güšü blama-du xariu ügei Erliq xān zarliq bolboi tere cā=du castu: [XGMO 0299: cusu-tu] yeke oulān [XGMO 0299: dalai] dotoroki olōn kümüni toloyo üzüqdeji tere xoyōr kümüni xōr dunda: zusūr ügü keleji: xaduxudulji yabuqsan kümüni toloyogi oqtolji čusuni ursuxaji dala: [7b] bolyoqči udxā inu ene bui: tere cādu dalagiyin: dergedü olon kümün üzū=qdeči yazār uxaji: soxu udxā inu urdu zayan-du idēn undün: ümüskü: züküigi blamā: noyoud-ēce xarmanji yabu=qsan tulā idkü uxu üge=dēn: yazār uxaji ündüsü čü ese oloqsan udxā inu ene bui:: töüni cādu talduki olon kümün muxūr boluqsan udxā inu ene: bui: urdu amidu zayan-du blamā burxani ömönösö kül=yēn: ösörkü: jiqsan bur= xān nom‘i doron gišigilji [8a. nayiman] yabuqsan kümüni muxur bol=xu: udxā inu tere bui:

basa tere dalān cāduki
amuni činēn amuta:
alxu yadxu kült[e]:
ayiluun tödüi toloyoto
ou=lān: tödüi beyet[ē]

asunarin kiliyasani činēn xolotō bol=uqsan udxā inu:

urdu amidu zayān-du altān mönggüün ed barani xarmanaqsani tula: biridtü töröqsön udxā tere bui: basa töüni nadu doroki olon kümün yo yo xalaxa abai gēji: yasaluq=san: udxā inu bui: basa erütü tamu geqči: tere bui: [8b] urdu amidu zayan-du: ečigē ekē youyan alāqsan kümün ene inu bui: basa you=son: ügei amitani ami tas=ulji: yabuqsan kümün basa ene erütü tamudu törökü bölō=ge: basa: zöün tē olon: kümün šibenleleckü udxā inu urdu amidu zayan-du nom

ungšixugi moušan dorom=ʒiliqsani tula blamān zarilgi busu kemēn s[a]nāʒi yabuqsan: kümüni čikīndüni xayliqsan širmai: čudxuʒi doun-yēn ülü sonosuqči šibelēlcē=kü: udxā inu tere bui:: basa xutuqtu Gūšü blamā: [9a. yesun] Erliq xān-du zarliq bol=boi::

urdu zayan-du olon ulustu

suryalič[i]ni ögüü=lesü bi

tamdu öči üzü=sü: bi

sayin buyu mou buyu: üzed iresü bi

gēʒi tamu zörön ödö bolboi: töüni cāna tamdu küröqseni xoyino širmē yekē toyodu olon kümüiği činaʒi bayixugi: üzēʒi tamuyin ezēd-ēce asaqbai tere youni tulā: činaqsan bui: gēʒi asaqbai: tere činaxudu maxan yasun öbörö öbörö šiljarxudu xutuqtu Gūšü blama öböröyün [9b] beye-bēn ilejiraqsan metu sanāʒi öröšöʒi tere xutu=qtu: Gūšü blama uyilʒi bayixu=du: tere tamuyin ezēd ögü=ülebei: xutuqtu Gūšü blamā čī: youni tula uyilmči kemēn asaqbā: xutuqtu Gūšü blamā zarliq bolboi: ene olon kümüni toyodu činaʒi bayixugi üze=ʒi: ulibā gebē: blama čī: youni tula uyilmči tere ur=du amidu zayān-du sūme: burxāni ebedeʒi nom tarniği tüleʒi doromʒilʒi yabuqsani tula činaqdxu udxā inu: ene bui: xutuqtu Gūšü blama basa činaqši odxu üzekü-[10a. arban]-dū Šöböğün uula-du kürči üzebei: zoun nayiman tömör serē dēqši xadxulʒi dēdū serödüni: kümüni örgülʒi: dorösuni salki kiyisikeʒi sanʒılan bayixuigi zuruqdu=ʒi: kiyima bol(+t) ulu tataʒi bayixugi xutuqtu Gūšü blama üzebei: tere basa tataʒi abxudu üsün ar=sun: yasun inu torči: xocorbai: töüni xoyino basa edeʒi: urtudu=ʒi: sükes-yēr čabčilʒi: termedü balcalʒi: bayixugi xutuqtu Gūšü blama üzeʒi [10b] örö-bēn ebedeʒi doqšin burxani: zürken tarani ungši=ʒi: tamu taranidʒi [usu] cacāx=udu: nayiman xaloun tamugi xōsun bolʒoʒi: tamu-ēce tonilʒoʒi: burxāni yazār törölbei töüni cana od=tolo: kiyitön tamdu una=ʒaʒi: lingxu: metü kürö=güʒi: küröqsöni xoyino: tere tamuyin ezēd naran ur=ʒuxuyin: urdā xüü tataʒi abxudu arasun yasun üs=ün: inu torči: xocorbo=i töüni xoyino xutuqtu Gūšü blama üzēʒi: usu: [11a. arban nigen] tarniduʒi cacaxudu: nayiman kitöün tamuyigi xōsön bolʒoʒi narīn ʒaryāʒi tam[u]gi keseq keseqseni xoyino tam=u-ēce tonilʒoʒi burxani: yazār zāʒi öqči ilgebei: basa xutuqtu Gūšü blama: xarangyui ʒazariyin tamudu yabutala yeke doun dursu=xuʒi: nom ungšixu-du: ʒurban ēdeniyin küčüün-yēr xarangyu tam[u]gi gegēn bolʒuboi basa cāri yabutala xā[yir]caqtu tamudu kürči xayircuqiyyin nelgē nēʒi: üzeküdü: xayircaqiyyin dotoroki olōn kümün nigen nigenen: maxān-yēn: [11b] ideldēʒi kebtükügi ü=zebei: tere tamuyin ezēd ögüülbei: urdu amidu zayān-du kilincē olo: üyiledüqsen-ni: tuladu xara=ngyu:

zobolong-gi beyed tātaʒi abači yabuqsan töüni tulā xariucaqtu törökü: udxā inu ene bui: xutu=qtu: Gūšü blamā nigei ekē=tē nom ungšixudu tere xayirciq sadaraʒi:: odbo tere tamuyin amitani tonilʒ=oʒi burxani ʒazartu: ilgebei basa töüni xoyinō cāna yabutala basūn dundu: [12a. arban xoyor] olon kümün kebeteki üzē=bei: xutuqtu Gūšü blama: tere tamuyin ezēd-ēce asāqbai ene kümün urdu zā=yan-du: nom burxāni buzarlʒ=i: yabuqsan-ni: tulā basun šē=süni: dundu töröqsön ud=xā: ene bui: xutuqtu: Gūšü blama: töüni cāna: yabutalā olōn emei kümüni xurāʒi urān kümün-yer: tömör ulādxaʒi dörbön: züq-ēce büri tataʒi terc=ltelē: xariʒi bayixugi: xutuqtu Gūšü blama üzē=ʒi: tere tamuyin ezēd-ēce [12b] asaqbai: tere tamuyin ezēd ögüülebei: uradu amidu: zayān-du altātu mönggütegi ümüsči amtatu idē idē=ʒi: alixu-yēn nüğüligi sayi=šāʒi yabuqsani tulā xariqdxu udxā inu ene bui:: xutuq=tu Gūšü blama nigen eketü: nom ungšixudu: tere züq büre [=büri] tataʒi bayiqsan kümüni bariqsan ʒar-yēn aldāʒi töün-ēce tonilʒoʒi burxāni yazār=tu: zāʒi öqči: ilgebei: basa xutuqtu Gūšü blama tö=üni: cāna yabutala maliyyin tamu-du: kürči tere mal usu: [13a. arban ʒurbun] öböso üzebeču uʒu ideʒi: ese čidaxugi xu=tuqtu Gūšü: blama üzeqsēn āʒu tere tamuyin dergēdū altān malʒātu burxān suun: aqsan āʒu tere burxān-ēce xutuqtu Gūšü blama asaqbai čī: imi yeke xutuqtu suu=ʒi bayituleyin: ene mali yo=uni: tula tamudu unuyabai: čī: kemēqsen-dū altān malʒātu xariu nomloboi: urdu (+amidu) zayān-du kilincē yekeyin tamudu: unuqsan inu ene bo:: gebe:: xutuqtu Gūšü blama nige ē=ketü: nom ungšixu-du terē [13b] maligi tamu-ēce tonilʒoʒi burxani oron-du törölbei: xutuqtu Gūšü blamā tende-ēce xarʒi Erliq xāni xālyā=du kürči suun atalā tangyā=diyyin Zamasan blama nirban: boluʒi: oqtorʒui degūr: ödö bolʒi: ada biši čimē ʒaryāʒi odxugi Erleq xān sonosči: arslangin terigüütē küböün-yēn elči: ilgebē: tere arslangan terigüütē kübö=ün: Erliq xān-du: ireʒi: ögüülebei: tere urdu zā=yan-du: erketü blamā aqsan āʒu: kübičiyin yeke tamugi [14a. arban dörbön] xosun boltolō: nara ʒaryāʒi ödö bolboi: bi ʒašudun dudābabi: imē'i yeke t'a=mugi: xosun bolʒuxu čī: kēn neretü kümün bo: geʒi asaqba bi tangyadiyyin Zama=sun: blamā bi geʒi zarliq bolboi: bi urdu zayan-du xatuʒilin d'iyān-du sou=la bi tere diy[a]ni küčün-du oqtorʒui degūr ö=dō: bolxu yosun mini ene bui: geʒi ögüülēd odbo: bars terigüütü čidkūr: ireʒi Erliq xān-du ö=güülebei mini xoyinosō: [14b] yeke buyān-tā: blama ödö bolʒi ayišina amidu zayān-du zurʒan üzüqi tuq tü=mü: ungšiqšani tulāda töüni ači tusu ürē inu morin ükürtü açtʒi oduqči zes güritü kürči odboi tere blama zurʒan üzügiyyin kücündü xamuq amitani: ʒučin ʒurbun tenggeriyyin dēre tataʒi abači ʒarbā geʒi tere bars terigüütü čidkūr ireʒi Erliq xān-du ögüülebei [Erliq xān zarliq bolboi] teyimi yeke xutuqtu

bügütölö nadā zolyotuyāi kemeged yadaqši yārči xoyino-ēce [15a. arban tabun] mürgüji: soun atala nige=n: cayān kümün nigen xarā kümün xoyūr Erliq xān-du zolyo=boi:: burxān zarliq bolboi: ene cayān kümün kilinci ügei bui:: gebei: čidkūr ögüülebei xoyūr kümüni kilincē olon bui: geji ögüülebei: Erliq xān ögü=ülebei: burxān čidkūr xoyu=r: bulāldu-nā [či cayān] kümün nada: ünen ügü-bēn kelē gebe: cayān kümün xariu ögüülebei

bi amidu zayān-du

noyon: kümün bölüge bi:

nadā olon kilincē ügei bui:

tenggeri [15b] burxān-du takil örögüülebē-i:

yuyilya-či kümün-dü ö=qligü öqlē bi:

zoun nayiman nom bičilē bi geküdü:

Erliq xān ögüülebei ā [ene] kümün itegel ügei baynam: bičiqčün bičiq neji: üzē gebē bičiqčiyin: bi(+č)qtü üzeji ögüülebe=i: buyani olon ba[yi]nam geji kilincē=ni cōn ba[yi]nam gebē tolīdu üzeküi-du tabin nom kilincē luya teng: bolbā tabin nayiman nom ülü bolbā: Erliq xān [16a. arban zurān] ögüülebei:

cayān kümün sayin itegeltē kümün ba[yi]nam

zarim kümün beye-bēn üküü=küyin: činēn ülü sanāji

unā=qsan: morin-yēn ēceküüyin: činēn ülü sanāji:

ed barān-yēn edleküyin činēn ülü: sanāji

yurbun ērdeniyin: ači inu ene bui geji

tere cayān sedkiltü kümüni alibā=a: buyan-du durlbāsu te=deni zoqlōji daxān odxā=u: urmu’u züqgiyin Amida=bha: burxāni oron-du: ilgebei: Erliq xān bičiq [16b] čiqnīr bičiqtan üzē basa toldu üzē čingnūr-tü üzi gebē xamuqtu üzekü-dü: urdu amidu zayān-du buyani ündüsün-dü duru ügei aqsan-ji burxān-du mürgüküi kümüni ülü talān yabuqsani tula tamudu unu=yāya: kemēn kelceji tere xarā kümügi: imi xarā sedkil-tē: xamugigi zō=bšōji: yabuqsan бүгүдē=gi: arban nayiman tamudu: orkixu udxā inu ene bui: basa Erliq xān-du: nigen cayān eme kümün nigei [17a. arban dolōn] xarā eme kümün xoyūr: Erliq xān-du zolyoqson xo[yi]no: burxan zarliq bolboi: ene xoyūr eme kümün kil=ncē: ügei bo: gebē urdu amidu zayān-du blama xu=varaḡ nom-du durta bölōge=i: čidōkir ögüülebei: ene xoyur eme kümüni kil=ncē: olon bui:: gebe: blamā burxān nom-du duru ügei bo gebē: Erliq xān ögüüle=bei: burxan čidkir xoyūr bulāldunam cayān eme nadā: ünün ügüü-bēn kelē gebē tere cayān eme ögüülebei

urdu amidu zayān-du bi [17b]

dolōn küböütē bölōgebi:

dolōn buyān üyiledülebi

blama nom xuvraq nuyoudi kündülēbi

tenggeri bur=xan-du takil örgüülebi:

mini xonosō dolon buyani kēküü buyiji:: gebē: geji ögüülebei

tere ügedü Erliq xān zes güriyin zam-yer yučin yurbun tenggeriyin oron-du ilgebē basa Erliq xān zarliq bolboi: ene emē kümüni bičiqčün bičiq neji üzü’ü gebē: üz=ēd: ögüülebei ene xarā eme kümün urdu amidu [18a. arban nayiman] zayān-du blama burxani doro=mjilji: yabuqsan aju xarangyu mungxuq kilincē üyiledüji: yabuqsani tula xarangyu tamudu odxā udxā inu ene bui:: basa Erliq xān ögüülebei

zöbtü burutugi ilayayā gēji ene xoyōr zayā=ni:

xōr dundu suuqsan ud=xa: inu ene bui::

xutuqtu Güšü blama či ene nomi

amidu ulustu ene souryāl=i mini keleji öd

buyān: üyiledüqsen burxani takiqsan

blama nom kündelexsen kümün:

burxani yazar-tu töröülkülü [18b] mini ene bui::

xarangyu mungxaq (+nüügöl) üyiledüqsen: kümüni

xarangyu=u tamudu orkixu udxā inu ene bui::

geji zarliq bolbo=i: xutuqtu Güšü blama tende-ēce xariji iretel=i: mini xoyur zayāni xor dundā souqsan endeki emegen: zolyoji xutu=qtu: Güšü blama zarliq bol=boi: ā emegen urdu zayān-du či mini eke bölōgei či ödōgei ene zayān-du burxani yazar törökü:: bolutayai:: bi kemēged: zarliq bolboi:: bolod: [19a] xariji ireqsēn āji:

Xutu=qtu Güšü blamā burxān nom xuvriḡ yurbun ērdenigi: sedkiqdekü bo:: geji burxā=ni: yazartu ilgeqsēn tu[u]ji tögüsbei:: : ::

yurbun ērdenigi kümün amitan durulbasu

ali бүгү=dē: sanqsān öbörön bütükü:

öüni ken kümün üzebesü: kicēn bišilyāxu bo:

xutu=qtu Güšü blaman tuuji alī=bā: kümün üzubesü

dēdū yurbun ēr[d]enigi bišilyāxu bo::

sarvā mam gha lam:: om ma ɳi pād mē hum::

ПЕРЕВОД

ИСТОРИЯ СВЯТОГО ГУШЮ-ЛАМЫ

Рукопись АЗ-170 (МН-397)
Музей-квартира Ц. Дамдинсурэна
(г. Улан-Батор, Монголия)

Условные знаки, используемые в переводе:

В квадратные скобки [] заключены слова, уточняющие перевод.

[1a] ИСТОРИЯ СВЯТОГО ГУШЮ-ЛАМЫ

[1b] Преклоняюсь Будде,
Преклоняюсь Учению,
Преклоняюсь Общине!

На тибетском языке...

Святой Гушю-лама перешел в нирвану. После перехода в нирвану он не попал в потусторонний ад, не оказался и на этой стороне, где были его братья и сестры, родители и родственники, а провалился между этими двумя мирами в Ад промежуточной пустоты. Оказавшись там, он, твердо веруя в Три Драгоценности, прочел: «Ом ма ни пад ме хум!» [2a] и очутился на склоне высокой горы. Взглянув наверх, он увидел необычную старушку, которая подпирала небо Ледяной горой. На том же склоне ему повстречалась одна старушка.

Святой Гушю-лама спросил:

– О, старушка, почему ты оказалась на Ледяной горе?

Та старушка ответила:

– Святой Гушю-лама, разве ты не знаешь? Это [2b] и есть Ледяная гора, находящаяся между двумя [мирами] перерождений.

Святой Гушю-лама спросил:

– О, старушка, на тех склоне, что это за облики хищных зверей видны внутри многолюдного собрания? Что за золотой мост там высится? Что за латунный мост под ним? Что за медный мост еще выше? Что за железный мост повыше него?

Еще [он спросил]:

– За ними, что за собрание множества людей, лам и банди, [3a] которые радостно бьют в литавры, трубят в трубы, читают молитву и начитывают мантру шести слогов? Еще дальше, в белой башне, почему бьют в большой барабан? Что за огромный океан, простирается пред всем этим? Что за черный мост наверху?

Та старушка ответила ему:

– С тех пор как я умерла, прошло семь лет. Святой Гушю-лама, разве ты не видел, как забирают твою душу, разлучив ее с телом?! Не ходи [3b] на те склоны. Если пойдешь, будет плохо. Если туда направится человек благодетельный, верящий в Три Драгоценности, строго размышляющий в одном направлении, то вреда не будет. Но если туда отправится грешное существо, то все хищные звери станут для него препятствием.

Тот золотой мост в вышине – путь в земли Будды Шакьямуни. Находящийся над ним латунный мост – путь в область средоточия добродетели будды северной стороны Амиабхи. Расположенный выше него медный мост – путь в мир Тридцати трех тенгриев. Стоящий над ним железный [4a] мост – это путь, ведущий к Эрлик-хану.

То собрание множества людей, лам и банди, которые радостно бьют в литавры, трубят в трубы, читают молитвы и начитывают мантру шести слогов, – это люди, которые при жизни вместе с ламами и банди творили благие деяния, и теперь в силу этого они вместе блаженствуют. В белой башне, где бьют в большой барабан, находится сам Эрлик-хан. Простирающийся перед всем этим океан называется Океаном Мочи.

Еще святому Гушю-ламе старушка сказала: [4b]

– Ты отправляйся по железному мосту и встретиться с Эрлик-ханом. Попытайся узнать, велики или малы муки ада!

Когда святой Гушю-лама отправился по железному мосту. Вслед за ним последовало много мужчин и женщин, но железный мост стал тонким, как волос. Когда множество мужчин и женщин ступило на него, [волос разорвался, и они провалились в ад]. Причина, по которой железный мост стал тонким, как волос, заключается в том, что таков тонкий, как волосинка путь для людей, которые при жизни совершили множество грехов, порочили лам и не почитали [5a] Три Драгоценности.

Святой Гушю-лама прошел по железному мосту и дошел до ворот [дворца] Эрлик-хана. Эрлик-хан вышел ему навстречу и сказал Святому Гушю-ламе:

– При жизни невежественные люди,
Думая, что проживут тысячу лет, совершают много грехов.
Они говорят, что ламы и Учение – все это ложно,
Они не думают о том, что нажитое ими утратится.
Поэтому, чтобы различить истинное и ложное,
Я нахожусь между [5b] этими двумя мирами перерождений.

Святой Гушю-лама, ты поведай всем живым людям,
Что видел блаженные земли будд,
[Что видел области адских мук!]
Тело верующего человека выше тела тенгрия,
Сияние его лика подобно сиянию солнца,

Тело не верующего человека страдает в аду,

Лицо его тускло подобно мокрой глине.

Святой Гушю-лама спросил у Эрлик-хана:

– Там вдали, посреди той огромной снежной горы виднеются головы множества людей? За что они [6a] так наказаны? В той же стороне видно множество людей, не имеющих ни еды, ни питья, ни одежды. Не имея еды, они скребут землю. Скребя землю, они истерли пальцы рук до запястий, запястья истерлись до локтей, а локти истерлись до плеч. За что они так сурово наказаны?

Еще [он спросил]:

– Чуть ближе также видно много людей. Все они без ног. За что они так сурово наказаны?

Еще [он спросил]:

– У кромки огромного [6b] океана видно много людей.

Рот у них с зернышко,

Ноги, не могут ступить и шагу,

Голова у них с дом,

Тело у них с гору,

Чрево у них с океан,

Горло – что ворсинка,

С гору величиной существами видятся.

За что они так сурово наказаны?

Внизу в темном подземелье множество людей скорбно вопит: «Хо, хо, матушка, жарко! Йо-йо, батюшка вызволи!». За что они так сурово наказаны?

В левой стороне [7a] много людей собрались и сидят. Они не слушают чтение молитв, а только шепчутся? За что они так сурово наказаны?

Эрлик-хан ответил святому Гушю-ламе:

– Там, вдали среди огромной снежной горы виднеющиеся головы множества людей – это головы тех, кто при жизни лестью и подстрекательством доводил людей до убийства. Когда им отрубили головы, то из вытекшей крови [7b] образовался океан крови. Причина, по которой виднеющиеся у края океана множество людей, скребут землю руками, в том, что в прежней жизни они из жадности не подносили еду, питье и одежду ламам. Поэтому, не имея пищи они скребут землю и не находят даже корешка.

Причина, по которой, много людей, находящиеся дальше, лишились ног, в том, что при жизни они намеренно вытягивали ноги перед ламами, изображениями будд и топтали ногами [8a] книги.

Те же, кто по ту сторону океана находятся,

У кого рот с зернышко,

Кто ногами, не может ступить и шагу,

У кого голова величиной с дом,

Тело величиной с гору,

Горло – что самый тонкий волос, при жизни были падкими на золото, серебро и имущество. Поэтому они переродились претами.

Там внизу, где множество людей скорбно вопит: «Йо-йо, горячо! Батюшка!», находится Ад мучительных пыток. [8b] Это те, кто в при жизни убил своих родителей. Также в этом Аду мучительных пыток перерождаются те, кто незаконно лишал жизни живых существ.

Причина, по которой множество людей, собравшихся с левой стороны шепчутся не слушая чтения молитв, в том, что при жизни они осуждали чтение молитв и не воспринимали наставления лам, за это им в уши залили расплавленный чугун. Не слыша ни звука, они могут только шептаться.

Тогда святой Гушю-лама [9a] сказал Эрлик-хану:

– Всем живым людям

Наставление твое передам!

Направляюсь я в ад и, посмотрю,

Что хорошо там, что плохо, и вернусь! – сказав так, он направился в ад.

Дойдя до дальнего ада, он увидел, как в огромном чугунном котле варится много людей, и спросил у хранителей ада:

– Почему их варят?

Видя, как при варке, мясо отделяется от костей, святой Гушю-лама представил, как [9b] разваривается его тело и заплакал от сострадания.

Хранители того ада спросили:

– Святой Гушю-лама, почему ты плачешь?

Святой Гушю-лама ответил:

– Плачу, видя, как много людей варится в чугунном котле.

– Лама, зачем ты плачешь?! Их варят за то, что при жизни они разрушали храмы и статуи будд, сжигали книги и дхарани, – сказали они.

Святой Гушю-лама отправился дальше и, [10a] когда добрался до горы Шило, увидел, что на верху было подвешено сто восемь железных

вил [и установлено внизу сто восемь крюков]. На верхние вилы насадили по человеку. Нижние крюки, раскачиваясь на ветру, растягивали и раздирали их тела превращая в сетку. Когда тела растягивали, то кости, кожа и волосы отделялись, цепляясь за крюки. Затем исцелив, их вновь толкли в ступе, разрубали топорами, размалывали. Увидев [10b] все это, святой Гушю-лама преисполнившись сострадания произнес сокровенное дхарани гневного божества, и когда он окропил ад освященной водой, восемь горячих адов опустошились. Освободив тех людей из ада, он переродил их в землях будд.

Отправился он дальше и увидел, что тела, оказавшихся в холодном аду, смерзлись подобно цветкам лотоса. Хранители ада до восхода солнца отдирали смерзшиеся тела, отрывая при этом, кожу, кости и волосы. Увидев это, святой Гушю-лама [11a] окропил освященной водой – восемь холодных адов опустошились и осветил солнечным светом. Затем неоднократно обойдя все ады, он освободил и направил [все существа] в земли будд.

Шествуя по темному аду святой Гушю-лама и громко распевал молитву и силой Трех Драгоценностей, наполнил мрачный ад светом. После этого он отправился дальше и достиг Ада коробов. Приоткрыв крышку Ада коробов, он увидел, как множество людей, лежащих внутри него, [11b] пожирают плоть друг друга.

Хранители того ада сказали:

– При жизни совершив много греховных деяний, они навлекли на себя мучительные страдания и теперь оказались в Аду коробов.

Когда святой Гушю-лама прочел коренную мантру, то те короба развалились. Освободив существ того ада, он отправил их в земли будд.

Затем он отправился дальше и увидел множество людей, лежащих среди [12a] испражнений. Святой Гушю-лама спросил у хранителей того ада.

[Хранители того ада сказали:]

– Все эти люди при жизни оскверняли учение и изображение Будды. По этой причине они переродились среди испражнений и мочи.

Святой Гушю-лама отправился дальше и увидел, как, согнав множество женщин, умелым человеком раскаленным докрасна железом этих распятых на четыре стороны женщин, с треском прожигали насквозь. Святой Гушю-лама спросил у хранителей [12b] того ада.

Хранители того ада ответили:

– При жизни они наряжались в золото и серебро, ели вкусную пищу и предавались прелюбодеяниям. Поэтому их прожигают насквозь.

Святой Гушю-лама чтением коренной мантры, освободил их из рук распинавших их четверых эрликов, вызволил из ада, указал им путь и отправил в земли будд.

Оттуда святой Гушю-лама отправился дальше и достиг Ада животных. Святой Гушю-лама увидел, что животные, видя воду [13a] – не могли ее пить, видя траву – не могли ее есть. У пределов того ада сидел будда в золотом головном уборе. Святой Гушю-лама спросил у будды:

– Почему эти животные были низвергнуты в ад, когда ты, такой великий святой будда, находишься здесь?

Будда в золотом головном уборе в ответ пояснил:

– Совершенные ими при жизни грехи были так велики, что они оказались низвергнутыми в ад.

Святой Гушю-лама чтением коренной мантры освободил тех животных [13b] из ада и переродил в землях будд.

Святой Гушю-лама вернувшись оттуда, сел у ворот [дворца] Эрлик-хана. В это время пронесся необычный слух, о том что, ставший нирваной тангутский лама Замсун шестет по небесам. Эрлик-хан, услышав об этом, отправил посланцем своего львиноголового сына. Тот львиноголовый сын, вернувшись, сообщил Эрлик-хану:

– При жизни он был могущественным ламой. Он опустошил все огромные ады, наполнив [14a] солнечным светом и вознесся вверх. Я с горечью окликнул его: «Кто же ты, опустошивший все наши огромные ады?». «Я – тангутский Замсун лама!» – ответил он. – При жизни я пребывал в строгом созерцании. Благодаря силе этого созерцания, теперь я шествую по небесам», – сказал он и прошествовал дальше.

Тут прибыл эрлик с головой барса и сообщил Эрлик-хану:

– Вслед за мной [14b] идет один очень добродетельный лама. При жизни он бесчисленное количество раз прочел мантру шести слогов. Лошади и коровы, навьюченные благими накоплениями от начитанной мантры, достигли латунного моста. Благодаря силе начитанной мантры шести слогов, тот лама поднял все живые существа в мир Тридцати трех тенгриев, – так известил Эрлик-хана тот явившийся эрлик с головой барса.

– Да встретится и мне такой же святой лама! – выйдя молвил Эрлик-хан и поклонился [15a] вслед [тому ламе].

Пока сидели, перед Эрлик-ханом предстали два человека: белый и черный. Будда [сопровождаящий их] сказал:

– У этого белого человека [и черного человека] нет грехов.

Черт [пришедший вместе с ними] возразил:

– Грехов у этих двух людей много.

Тогда Эрлик-хан повелел:

– Поскольку будда и черт противоречат друг другу, то ты, [белый] человек, скажи мне правду.

Белый человек ответил:

– В прошлой жизни я был нойоном,

Грехов у меня не так много,

Тенгриам и буддам я делал [15b] подношение,

Нищим я давал подаяние,

Сто восемь книг я переписал.

Эрлик-хан повелел:

– О, этому человеку верить нельзя. Писец, открой книгу и посмотри!

Писец посмотрев в книгу, сказал:

– Благodeяния его велики, а грехи ничтожны.

Когда посмотрели в зеркало, то оказалось, что пятьдесят [переписанных] книг искупили его грехи, а пятьдесят восемь книг оказались лишними.

Эрлик-хан [16a] повелел:

– Этот белый человек – истинно верующий человек,

Некоторые люди не думают о том, что умрут,

Не думают о том, что их верховая лошадь изнурится,

Не думают о том, что все нажитое ими утратится!

Вот результат почитания Трех Драгоценностей! – сказал он и отправил того белого человека вместе с подобными ему добродетельными существами в чистую землю будды северной стороны Амиабхи.

Когда по велению Эрлик-хана [16b] писец посмотрел в книгу, зеркало и взвесил на весах, то оказалось, что при жизни [черный человек] не был привержен к благим деяниям. «За то, что он не любил людей, поклонявшихся Будде, отправим его в ад!» – решили они. По этой причине всех, кто подобно тому черному человеку привержен к злонамеренным деяниям, отправляют в восемнадцать адов.

После того как перед Эрлик-ханом предстали [17a] две женщины: белая и черная, будда [сопровождаящий их] сказал:

– У этих двух женщин нет грехов. При жизни они почитали ламу, монашескую общину и Учение.

Черт, [пришедший вместе с ними] возразил:

– У этих двух женщин много грехов. Они не почитали лам, Будду и Учение.

Тогда Эрлик-хан повелел:

– Поскольку будда и черт противоречат друг другу, то ты, белая женщина, скажи мне правду!

Та белая женщина ответила:

– Семеро сыновей было у меня [17b] при жизни,
Семь благих деяний я совершила,
С почитанием я относилась к ламе,
Учению и монашеской общине,
Совершала я подношения тенгриям и буддам.
Семеро сыновей моих, семь благих деяний по мне совершат.

Услышав сказанное, Эрлик-хан отправил ее по медному мосту в мир Тридцати трех тенгриев.

Затем Эрлик-хан повелел:

– Писец, открой и посмотри в книге об этой женщине.

Писец посмотрел и сообщил:

– Эта черная женщина при жизни [18a] порочила лам и будд. За все совершенные невежественные грехи ее следует отправить в Мрачный ад.

Затем Эрлик-хан повелел Гушю-ламе:

– Для различения истинного и ложного
Я нахожусь между этими двумя мирами перерождений.
Святой Гушю-лама, вернувшись,
Ты передай живущим людям это мое наставление!
Людей, творящих благие деяния,
Поклоняющихся Будде, почитающих лам и Учение,
Перерождаю [18b] я в чистых землях будд.
Людей невежественных, совершающих грехи,
Низвергаю я в мрачные области адов!

Возвращаясь, святой Гушю-лама, между двумя мирами перерождений встретился с той старушкой.

Святой Гушю-лама сказал:

– О, старушка, в прежнем перерождении ты была моей матерью. Теперь да переродишься ты в чистой земле будд! – сказал он и [19a] возвратился [в мир живых].

История святого Гушю-ламы, созерцанием Трех Драгоценностей – Будды, Учения и Общины – отправившего [существ ада в чистые] земли будд закончена.

Если люди возлюбят Три Драгоценности,
Все задуманное ими само исполнится!
Если кто увидит это, будет усерден в созерцании,
Если кто познакомится с «Историей святого Гушю-ламы»,
Обретет прибежище в высших Трех Драгоценностях!

Сарва мангалам.
Ом мани пад ме хум

[1a] ХУТГТ ГҮШҮ ЛАМИН ТУУЖ ОРШВ

[1b] Наму Будда йа,
Наму Дхарма йа,
Наму Сангха йа!¹

ПЕРЕВОД

ХУТГТ ГҮШҮ ЛАМИН ТУУЖ ОРШВ

Рукопись АЗ-170 (МН-397)
Музей-квартира Ц. Дамдинсүрэна
(г. Улан-Батор, Монголия)

Условные знаки, используемые в переводе:
В квадратные скобки [] заключены слова, уточняющие перевод.

Төвдин келнд...

Хутгт Гүшү лам нирван болсн бээж. Тедү нирван болсндан цаадк тамд эс күрч, наадк ах-дү, эцк-эк, ург-садндан эс күрч, тер хойрин хоорнд Хоосн тамд унж. Тенд унсна хөөн Нурвн эрдниг чаң седжж: «Ом ма ни пад ме хум!» – [2a] гиж умшсн төлөд өндр уулын көтл деер харв. Деегшэн харж үзхлэ, нег ад биш эмгн Мөстэ уул теңгрт тулж бээхиг үзв. Бас тер көтлд нег эмгн күүнлэ золхв. Бас хутгт Гүшү лам зэрлг болв:

– Ая, эмгн, чи Мөстэ уулд юн гиж бүтсэмб? – гиж асуув.

Эмгн хэрү өгүүлв:

– Хутгт Гүшү лам, чи эс медсмбч? Эн [2b] хойр заяни хоорндк Мөстэ уул гисн эн болдг!

Хутгт Гүшү лам зэрлг болв:

– Ая, эмгн, тер көтл деер олн хүй дотр хамг бүгд аратна бий үзгдсн юмб? Тер деед алтн гүр юмб? Түүнэ деед нууль гүр юмб? Түүнэ деед зес гүр юмб? Түүнэ деед төмр гүр юмб? – гиж асуув.

Бас:

– Түүнэ цаад цаң делдж, бүрэ татж, ном умшч, зурхан үзг тоолж наадгч хамг улс [3a] бас лам, бандин хурл чуулһн үүлдгч юмб? Бас түүнэ цаад цаһан бээшнгин дотр ик кеңкрг делдж бээх тер юмб? Түүнэ наад ик дала юмб? Бас деед харңһу гүр юмб? – гиж асуув.

Тер эмгн хэрү өгүүлв:

– Би үкэд долан он болв. Хутгт Гүшү лам, сүмсэн ханцулн авч одхиг эс үзвч? Тер көтл [3b] бичэ дар. Дархла, му болх! Буйн кесн күн, Нурвн эрдниг иткж, һагц үзүрт седклэр бэрсн күн дархла, һэ уга болх. Түүнэс бус килнцтэ эмтн дархла, хамг бүгд аратн саад кех болх.

Тер деед алтн гүр – Шагжмуни бурхна һазрт йовх зам болдг. Түүнэ деер хөөт нууль гүр – Умара үзгин Эмдв бурхна буйни цогц хурах һазрт йовх зам болдг. Түүнэ деед зес гүр – Нучн Нурвн теңгрин һазрт йовх зам болдг. Түүнэ деед төмр [4a] гүр – Эрлг хаанд одх зам болдг.

¹ Бурхнд иткмү, Номд иткмү, Хувргт иткмү!

Тер цан делдгч, бүрэ татгч, ном умшгч, зурхан үзг тоолгч хамг улсин, лам, бандин хурал чуулһн үүлдгч – урд, эмд заянд, лам банди хойрт хамг эрхн улс бүгдэр хамт буйиг үүлдсн күчэр хамт жирһсн утхнь эн болдг.

Цаһан бээшнгин дотр ик кеңкрг делдгч – Эрлг хан бийнь тер кеңкргин дергд бээдг. Наад далан нернь – Шеесн дала болдг, – гив.

Хутгт Гүшү ламд эмгн өгүүлв: [4b]

– Чи тер төмр гүрин замар йовж Эрлг хаанд золһ! Тамин эрүг¹ ик бээнү, үчүкн бээнү үзж болһ! – гив.

Хутгт Гүшү лам төмр гүрин замар йовж йовтл, Гүшү ламин хөөнэс олн күн иртл, тер төмр гүр хувлж килһсн чинэн болж. Тер эр, эм олн күн ишкхд [тер килһсн тасрад, тамд унв]. Төмр гүр хувлж, килһсн чинэн болсн утхнь эн болдг: урд, эмд заяндан, килнц олн үүлдж, ламнриг дормжлж, һурвн эрдниг эс бэргч [5a] өмтнэ килһсн чинэн зам тер болдг.

Бас хутгт Гүшү лам төмр гүрин замар одж, Эрлг хаана хаалһд күрч суув. Эрлг хан угтж ирж золһв.

Тер хутгт Гүшү ламд Эрлг хан өгүүлв:

– Урд заяндан муңхг күн

Миңһ наслхин чинэн санж килнц олн кенэ,

Лам, номиг худл бээнэ гиж өгүүлнэ,

Олсн, зөөсөн баргдхин чинэн эс санх болв,

[Өмссн девлэн элхин чинэн эс санх болв,

Унсн мөрэн үкхин чинэн эс санх болв.]

Түүни төлэ зөвтэ, бурутаг йилһий гиж

Эн хойр [5b] заяни хоорнд суусн утхм эн болдг! – гив.

Хутгт Гүшү лам, урд заяни олн күмн улст келж өг!

Жирһлңтэ бурхна һазриг үзүв,

[Зовлңта тамин һазрт одув,]

Ном, Бурхн, буйн кесн күүнэ бий теңгрэс деер бээнэ,

Нүүрнь – нарна герллэ эдл герлтэ бээнэ!

Ном, буйн уга күүнэ бий тамин дотр бээнэ,

Нүүрнь – зуурсн шаврла эдл бээнэ!

Эрлг хаанд Гүшү лам зэрлг болв:

– Тер цаад цаста ик уулын дотр олн күүнэ толһа үзгдгч, тер юн төлэ чаңһагдж [6a] бээхмб? Түүнэ талк идх уга, уух уга, өмсх уга олн күн үзгднэ. Идх угадан һазр ухж сууналм. Тер һазр ухсн хурһнь элж – буһуднь

¹ эрү – тушал (пытка).

күрч, буһунь элж – тохаднь күрч, тохань элж – ээмднь күрч. Тер юн төлэ чаңһагдж бээхмб? – гиж асуув.

Бас:

– Түүнэс наад олн күн бас үзгднэ. Көлнь цөм мухр бээнэлм. Тер юн төлэ чаңһагдж бээхмб? – гиж асуув.

Бас:

– Ик [6b] далан захд олн күн үзгднэ.

Амуни чинэн амта,

Алхн ядх көлтэ,

Өэлин тедү толһата,

Уулын тедү бийтэ,

Дала тедү кевлтэ,

Килһсн чинэн хоолта

Уулын тедү күн үзгднэлм.

Тер юн төлэ чаңһагдж бээхмб? – гиж асуув.

Бас:

– Түүнэ дор [харһу] һазрт олн күн: «Хо, хо, ээжи, халаха! Йо-йо, аав, һарһа!» – гиж һаслсн тер күмн юн төлэ чаңһагдж бээхмб?

Бас:

– Зүн [7a] талд олн күн хурж чуулж сууналм. Тер ном умшхиг соңсх биш шивнлцх дууһар соңсх. Тер юн төлэ чаңһагдж бээхмб? – гив.

Хутгт Гүшү ламд хэрү үг Эрлг хан зэрлг болв:

– Тер цаад цаста ик уулын дотрк олн күүнэ толһа үзгдгч тер – хойр күүнэ хоорнд зуср үг келж, хатхдулж йовсн күүнэ толһаг утлж, цусинь урсхаж дала [7b] болһгч утхнь эн болдг. Тер цаад далаһин дергд олн күн үзгдж, һазр ухж суух утхнь – урд заянд идэн-унд, өмсх-зүүхиг ламнрас хармнж йовсн төлөд, идх, уух угадан һазр ухж, үндс чигн эс олсн утхнь эн болдг.

Түүнэс цаад талдк олн күн мухр болсн утхнь эн – урд, эмд заянд, лам, бурхна өмнэс көлэн өшэркн жиисн, бурхн номиг доран ишкж [8a] йовсн күн мухр болх утхнь тер болдг.

Бас тер далан цаадк

Амуни чинэн амта,

Алхж ядх көлтэ,

Өэлин тедү толһата,

Уулын тедү бийтэ,

Өср нэрн килһсн чинэн хоолта болсн утхнь – урд, эмд заянд, алтн, мөңгн, эд-бараг хармнсн төлөд бирдт төрсн утхнь тер болдг.

Бас түүнэ наад дорк олн күн: «Йо, йо, халаха, аав!» – гиж наслсн утхнь болхла – Эрүтэ там гисн тер болдг. [8b] Урд, амд заянд, эцк-экэн алсн күн эн болдг. Бас йосн уга эмтнэ эм таслж йовсн күн бас эн Эрүтэ тамд төрх болдг.

Бас зүн талд олн күн шивнлцх утхнь – урд, амд заянд, ном умшихг муушан дормжлсн төлөд, ламин зэрлгиг биш гиж санж йовсн күүнэ чикнднь хээлсн ширм цутхж. Дун дууһан эс соңсч шивнлцх утхнь тер болдг.

Бас хутгт Гүшү лам [9a] Эрлг хаанд зэрлг болв:

– Урд заянд олн улст

Сурһал чини өгүүлсв би!

Тамд одж үзсв би,

Сэн, мууг үзэд ирсв би! – гиж, там зөрн өөд болв.

Тенд цаадк тамд күрснэ хөөн ширмн ик тоһнд олн күүг чанж бээхиг үзж, тамин эздэс асуув:

– Тер юн төлөд чансмб? – гиж асуув.

Тедниг чанхд махнь, яснь салу-салу шилжрхд хутгт Гүшү лам эврө [9b] бийэн илжрсн мет санж, өршөж, тер хутгт Гүшү лам уульж.

Уульж бээхд тер тамин эзд өгүүлв:

– Хутгт Гүшү лам, чи юн төлө уульнч? – гиж асуув.

Хутгт Гүшү лам зэрлг болв:

– Эн олн күүг тоһнд чанж бээхиг үзэд уульв, – гив.

– Лам, чи юн төлө уульнч?! Тедн урд, амд заянд, сүм, бурхиг эвдж, ном тэрниг түлж, дормжлж йовсн төлөд чангдх утхнь эн болдг! – гилдв.

Хутгт Гүшү лам бас цааран одв. [10a] Шөвг уулд күрч үзхлэ, зун нээмн төмр серэ деегшэн хатхулж, [зун нээмн төмр дегэг дорагшан хатхулж,] деед серэднь кү өргж. Дораснь сальк киискж санжлн бээхиг, зургдж ким болтл татж бээхиг хутгт Гүшү лам үзв. Тедн бас татж авхд үснь, арснь, яснь торж хоцрв. Түүнэ хөөн бас эдгэж, ууртж, сүкэр чавчулж, теермд балцлж бээхиг хутгт Гүшү лам үзж, [10b] өр өвдж, догшн бурхна зүркн тэрни умшч, там тэрндж [ус] цацхд нээмн халун тамиг хоосн болһж. [Тер эмтиг] тамас тоньлһж, бурхна һазрт төрүлв.

Түүнэс цааран одв. Киитн тамд [эмтиг] унһаж, лиңхо мет көргэж, көрснэ хөөн тер тамин эзд нарн урһхин урд хү татж авхд арснь, яснь, үснь торж хоцрв. Түүг хөөннь хутгт Гүсү лам үзж, ус [11a] тэрндж цацхд нээмн киитн тамиг хоосн болһж, нар һарһж, тамиг кесг кесгсн хөөн [тер эмтиг] тамас тоньлһж, бурхна һазр зааж өгч илгэв.

Бас хутгт Гүшү лам харһу һазрин тамд йовтлан ик ду дуурсхж ном умшхд һурвн эрднин күчэр харһу тамиг гегэтэ болһв.

Бас цааран йовтл Хээрцгтэ тамд күрч. Хээрцгин неелгэ нееж үзхд хээрцгин дотрк олн күн нег-негнэ махан [11b] идлцж кевтхиг үзв.

Тер тамин эзд өгүүлв:

– Урд, амд заянд, килнц олн үүлдсн төлөд харһу зовлңгиг бийдэн татж авч йовсмн. Түүнэ төлө хээрцгт төрх утхнь эн болдг! – гив.

Хутгт Гүшү лам нег эктэ ном умшхд тер хээрцг садрж одв. Тер тамин эмтиг тоньлһж, бурхна һазрт илгэв.

Бас түүнэ хөөн цааран йовтл, баасн дунд [12a] олн күн кевтхиг үзв. Хутгт Гүшү лам тер тамин эздэс асуув.

[Тер тамин эзд өгүүлв:]

– Эн күмн урд заянд ном, бурхиг бузрдж йовсн төлөд шеесн, баасн дунд төрсн утхнь эн болдг, – гив.

Хутгт Гүшү лам түүнэс цааран йовтл, олн эм күүг хураж, урн күүһэр төмр уладхж, дөрвн үзг болһнд татж, терцлтл хээрж бээхиг хутгт Гүшү лам үзж. Тер тамин эздэс [12b] асуув.

Тер тамин эзд өгүүлв:

– Урд, амд заянд, алтта, мөнгтөг өмсч, амтта идэ идж, аляхн нүүлиг сээшч йовсн төлөд хээргдх утхнь эн болдг! – гив.

Хутгт Гүшү лам нег эктэ ном умшхд тер үзг болһнд татж бээсн күүнэ бэрсн һарас алдулж, түүнэс тоньлһж, бурхна һазр зааж өгч илгэв.

Бас хутгт Гүшү лам түүнэс цааран йовтл, малын тамд күрч. Тер мал ус, [13a] өвс үзв чигн, ууж, идж эс чадхиг хутгт Гүшү лам үзсн бээж. Тер тамин дергд алтн махлата бурхн сун бээсн бээж. Тер алтн махлата бурхнас хутгт Гүшү лам асуув:

– Чи иим ик хутгт сууж бээтл эн мал юн төлө тамд унһавч? – гив.

Алтн махлата хэрү номлв:

– Урд, амд заянд, килнц икин тамд унсн эн болдг, – гив.

Хутгт Гүшү лам нег эктэ ном умшхд тер [13b] малыг тамас тоньлһж, бурхна орнд төрүлв.

Хутгт Гүшү лам тендэсн хэрж, Эрлг хаана хаалһд күрч суув. Сун бээтл, таңһдын Замсун лам нирван болж, оһтрһу деегүр өөд болж, ад биш чимэ һарһж одхиг Эрлг хан соңсч, арслң толһата көвүһэн элч илгэв. Тер арслң толһата көвүн Эрлг хаанд ирж өгүүлв:

– Тер урд заянд эрктэ лам бээсн бээж. Көвчн ик тамиг [14a] хоосн болтл нар һарһж өөд болв. Би һашудн дуудв: «Иим мана ик тамиг хоосн

болх чи кен нертэ күмб?» – гиж асуув. Таңһдын Жамсун лам: «Би» – гиж зэрлг болв, – Би урд, амд заянд, хатужлин даянд суулав. Тер даяни күчнд оһтһу деегүр өөд болх йосн мини эн болдг!» – гиж өгүлэд одв, – гив.

Барс толһата чөткр ирж, Эрлг хаанд өгүүлв:

– Мини хөөнэс [14b] ик буйнта лам өөд болж аашна. Амд заянд зурһан үзг туг түмн умшсн төлэд түүнэ ач-тус үрнь мөрн, үкрт ачж одгч зес гүүрт күрч одв. Тер лам зурһан үзгин күчнд хамг амтиг һучн һурвн теңгрин деер татж авч харв! – гиж, тер барс толһата чөткр ирж, Эрлг хаанд өгүүлв.

– Тиим ик хутгт бээтл нанд золһтха! – гиһэд, хазагшан харч хөөнэснь [15a] мөргж.

Сун бээтл, нег цаһан күн нег хар күн хойр Эрлг хаанд золһв.

[Мөн тер хойрла ирсн] бурхн зэрлг болв:

– Эн цаһан күн килнц уга бээнэ, – гив.

[Мөн хамт ирсн] чөткр өгүүлв:

– Хойр күүнэ килнцнь олн бээнэ, – гиж өгүүлв.

Эрлг хан өгүүлв:

– Бурхн чөткр хойр булалдна. Күн, нанд үнн үгэн кел! – гив.

Цаһан күн хэрү өгүүлв:

– Би амд заянд нойн күн билэв.

Нанд олн килнц уга бээнэ.

Теңгр, [15b] Бурхнд тэкл өрглэв,

Һуульһнч күүнд өглһ өглэв,

Зун нээмн ном бичлэв! – гив.

Эрлг хан өгүүлв:

– Ая, эн күн иткл уга күн бээнэлм. Бичгчн, бичг нееж үз! – гив.

Бичгчн бичгт үзж өгүүлв:

– Буйнь олн бээнэлм, килнцнь цөн бээнэлм! – гив.

Тольд үзхд тэвн ном килнцлэ тең болв, тэвн нээмн ном үлү болв.

Эрлг хан [16a] өгүүлв:

– Цаһан күн сэн итклтэ күн бээнэлм!

Зөрм күн бийэн үкхин чинэн эс санж,

Унсн мөрэн эцхин чинэн эс санж,

Эд-бараһан эдлхин чинэн эс санж!

Һурвн эрднин ачнь эн болдг! – гиж тиим цаһан седклтэ күн аль буйнд дурлхла, тедниг үзглж дахн одх Умара үзгин Амидаба бурхна орнд илгэв.

Эрлг хан:

– Бичг [16b] бичгтн үз, бас тольд үз, чиңһүрт үз! – гив.

Хамгт үзхд урд, амд заянд, буйна үндснд дурн уга бээсн бээж. «Бурхнд мөргх күүг эс таалн йовсн төлэд тамд унһай!» – гиж келлцж, тер хар күүг, иим хар седклтэ хамгиг зөвшөж йовсн бүгдиг арвн нээмн тамд оркх утхнь эн болв.

Бас Эрлг хаанд нег цаһан эм күн нег [17a] хар эм күн хойр Эрлг хаанд золһсна хөөн [тер хойриг авч ирсн] бурхн зэрлг болв:

– Эн хойр эм күн килнц уга бээнэ. Урд, амд заянд, лам, хуврг, номд дурта билэ! – гив.

[Мөн хамт ирсн] чөткр өгүүлв:

– Эн хойр эм күүнэ килнц олн бээнэ. Лам, бурхн, номд дурн уга билэ! – гив.

Эрлг хан өгүүлв:

– Бурхн чөткр хойр булалдналм. Цаһан эм, нанд үнн үгэн кел! – гив.

Тер цаһан эм өгүүлв:

– Урд, амд заянд, би [17b]

Долан көвүтэ билэв,

Долан буйн үүлдлэв.

Лам, ном, хувргиг күндлв,

Теңгр, бурхнд тэкл өрглэв.

Мини хөөнэс [долан көвүм]

Долан буйн кех болвза! – гиж өгүүлв.

Тер үгд Эрлг хан [цаһан эмиг] зес гүрин замар һучн һурвн теңгрин орнд илгэв.

Бас Эрлг хан зэрлг болв:

– Эн эм күүнэ бичг, бичгчн, нееж үз! – гив.

Үзэд өгүүлв:

– Эн хар эм күн урд, амд [18a] заянд, лам, бурхиг дормжлж йовсн бээж. Харһу, муңхг килнц үүлдж йовсн төлэд харһу тамд одх утхнь эн болдг! – гив.

Бас Эрлг хан өгүүлв:

– Зөвтэ бурутаг йилһий гиж

Эн хойр заяни хоорнд суусн утхм эн болдг.

Хутгт Гүшү лам, чи эн номиг

Өмд улст эн сурһал мини келж од!

Буйн үүлдсн, бурхиг тэксн, лам, ном күндлсн күүг

Бурхна һазрт төрүлх [18b] мини эн болдг.

Харңһу, муңхг нүүл үүлдсн күүг

Харңһу тамд оркх утхнь эн болдг! – гиж зэрлг болв.

Хутгт Гүшү лам тендэс хэрж иртл, минь хойр заяни хоорнд суусн эндк эмгнлэ золһж. Хутгт Гүшү лам зэрлг болв:

– Ая, эмгн, урд заянд чи мини эк билэч, өдгэ эн заянд бурхна һазрт төрх болтхач! – гиһэд зэрлг болв. Болад [19a] хэрж ирсн бээж.

Хутгт Гүшү лам Бурхн, Ном, Хуврг Һурвн эрдниг седкгдх болв гиж бурхна һазрт илгэсн тууж төгсв.

Һурвн эрдниг күмн-эмтн дурлхла,

Аль бүгд сансн эврэн бүтх!

Үүг кен күн үзхлэ, кецэн бишлһх болад,

«Хутгт Гүшү ламин туужиг» аль күмн үзхлэ,

Деед Һурвн эрдниг бишлһх болх!

Сарв маңһалам.

Ом ма ни пад ме хум

ФАКСИМИЛЕ

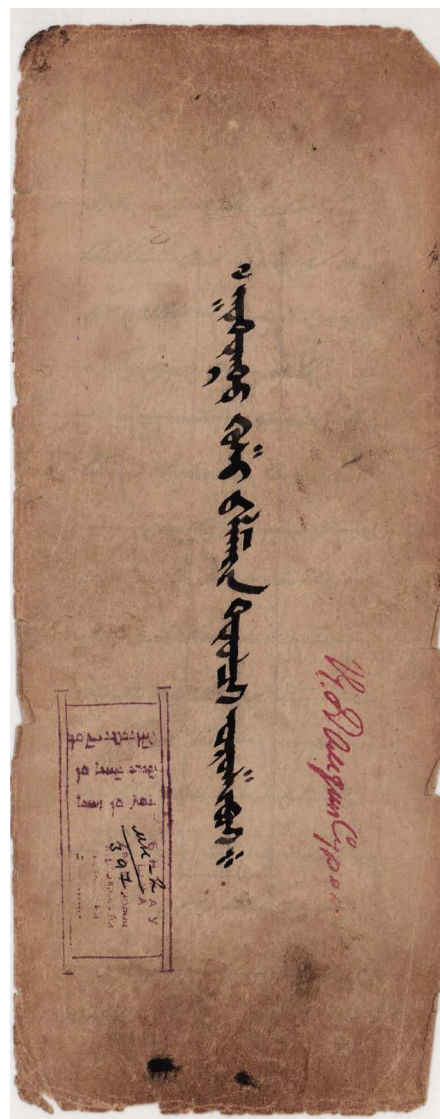
Xutuqtu Güšü blamayin tuuji orošiboi

Ойратская рукопись, 19 л., 25,5 x 9, 15–17 стк.,
плотная желтая бумага, красная и черная тушь, калам.

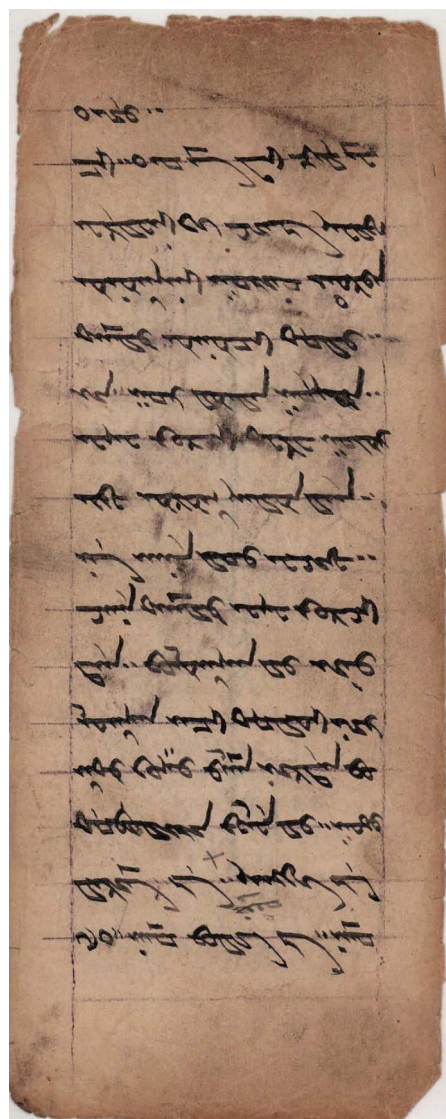
Музей-квартира Ц. Дамдинсурэна
(г. Улан-Батор, Монголия)

[Билгудэй 1990: № 162, АЗ-170 (МН-397)].

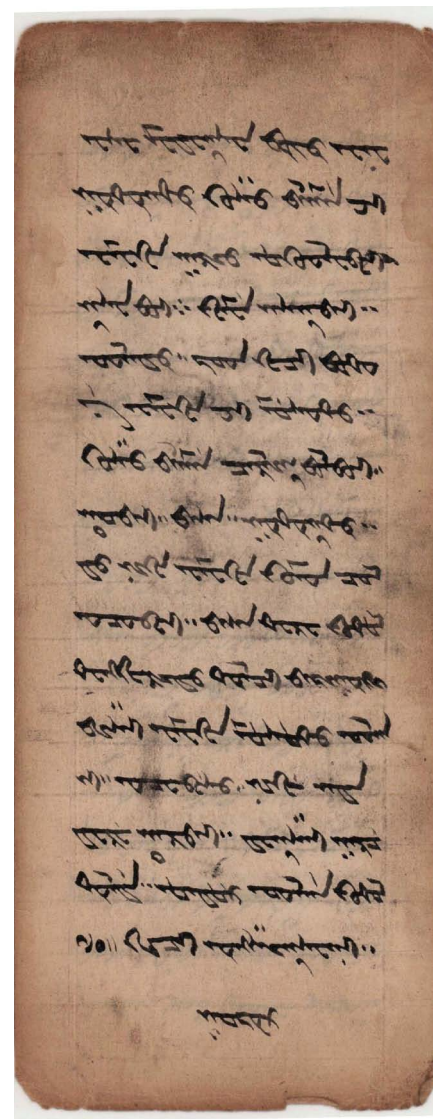
1a

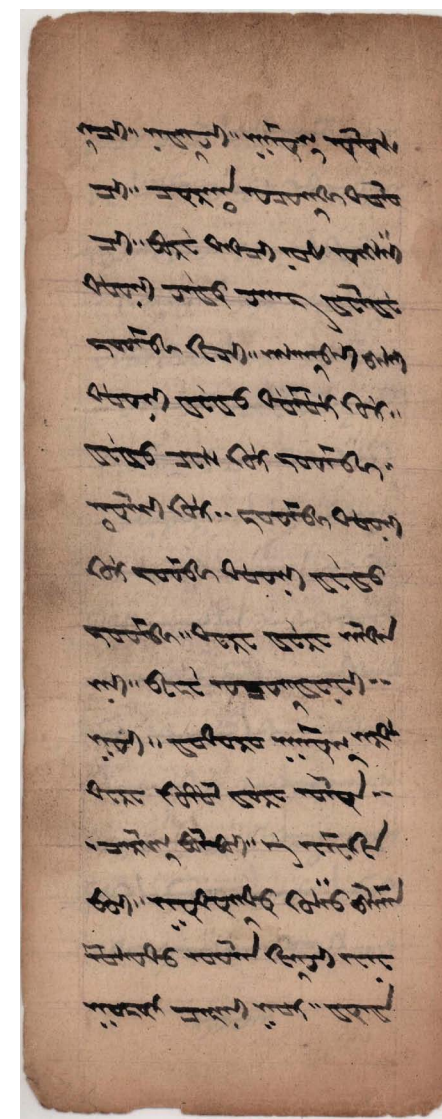
1b

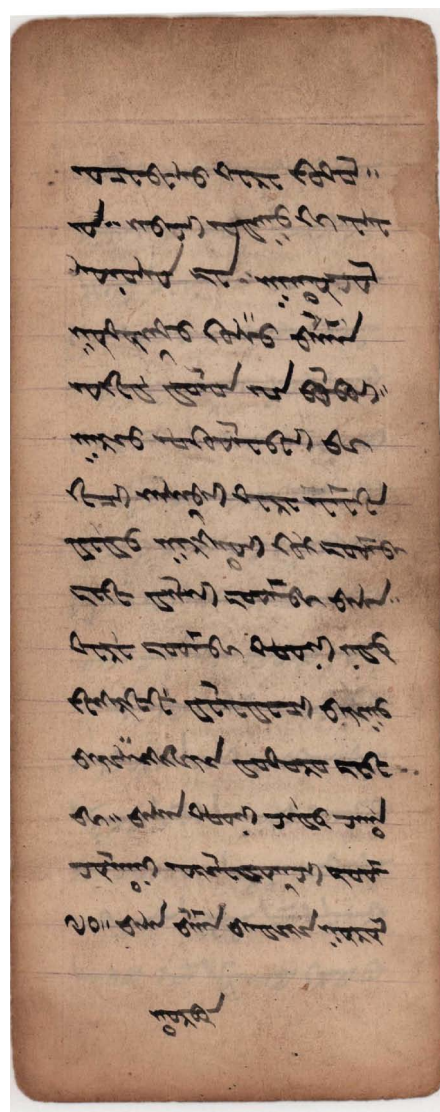
2a

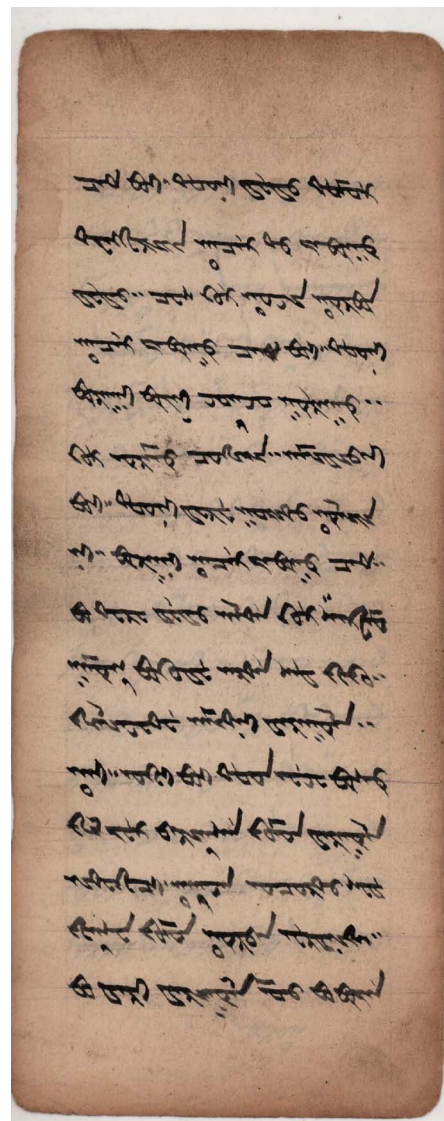
2b

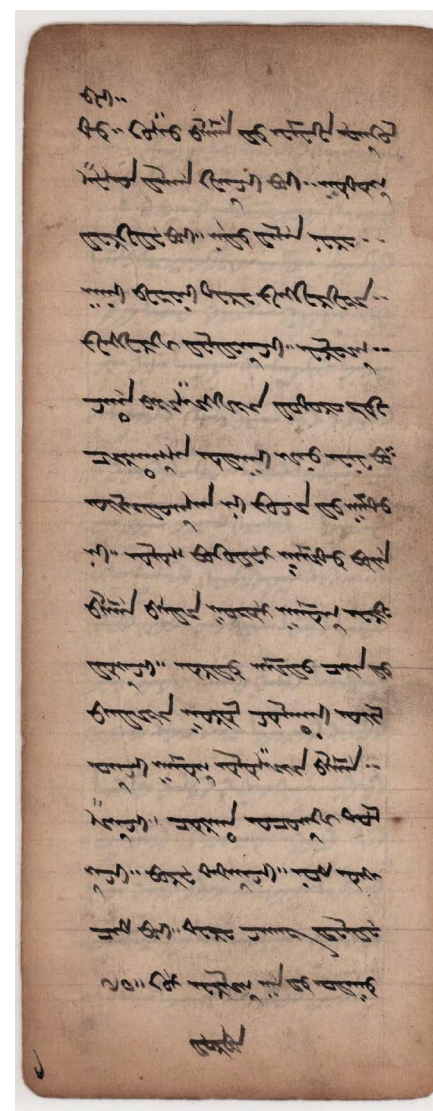
3a

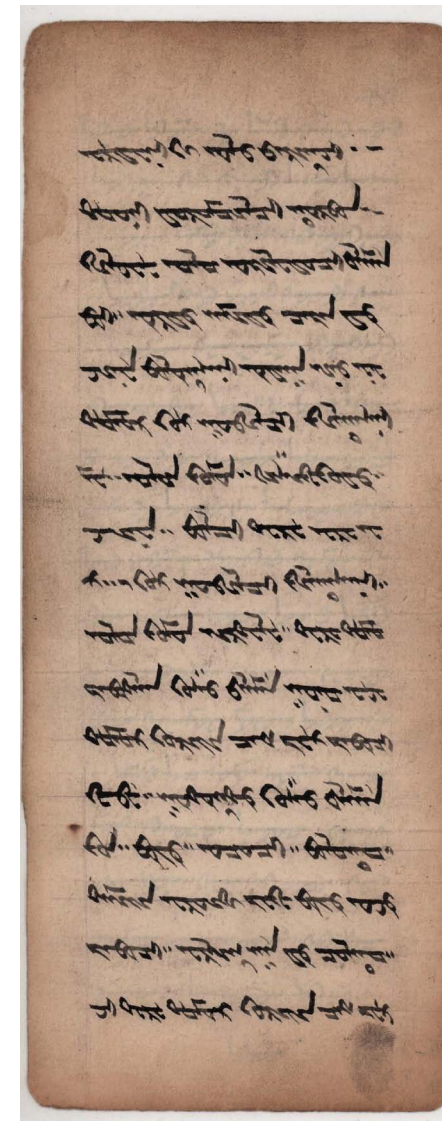
3b

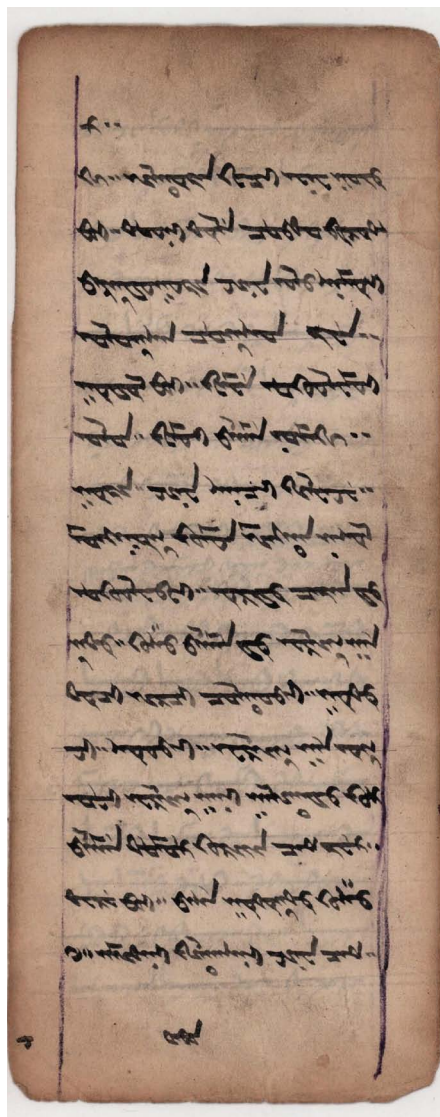
4a

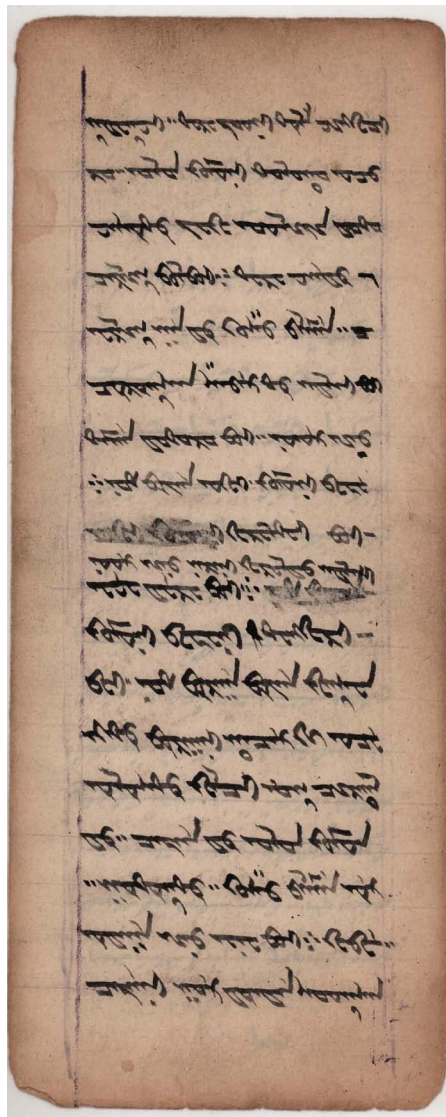
4b

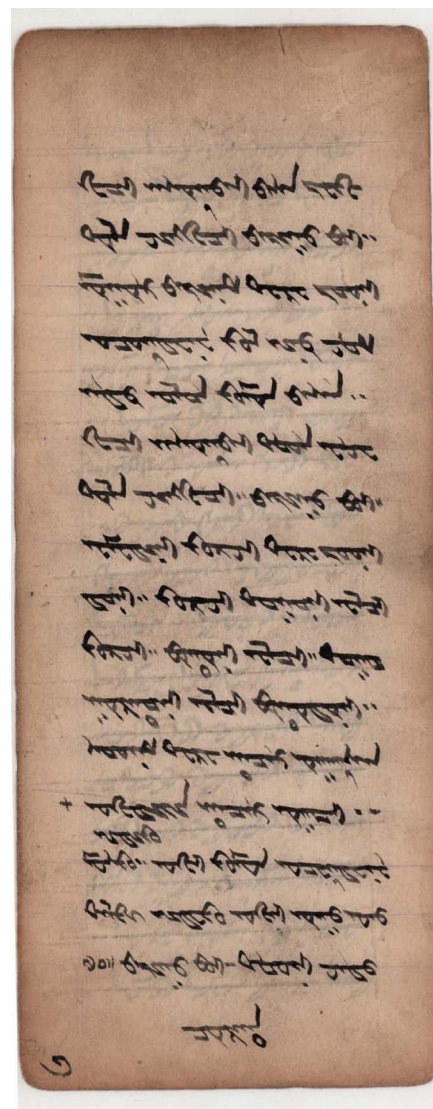
5a

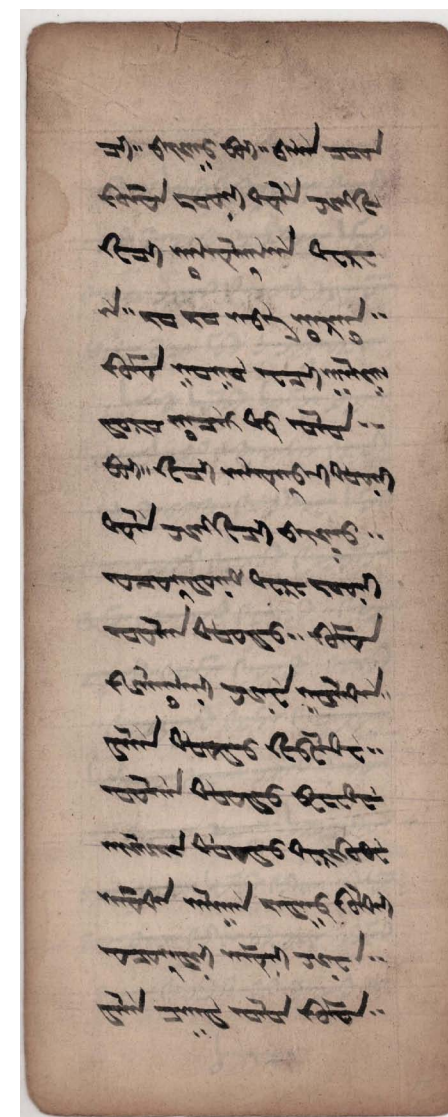
5b

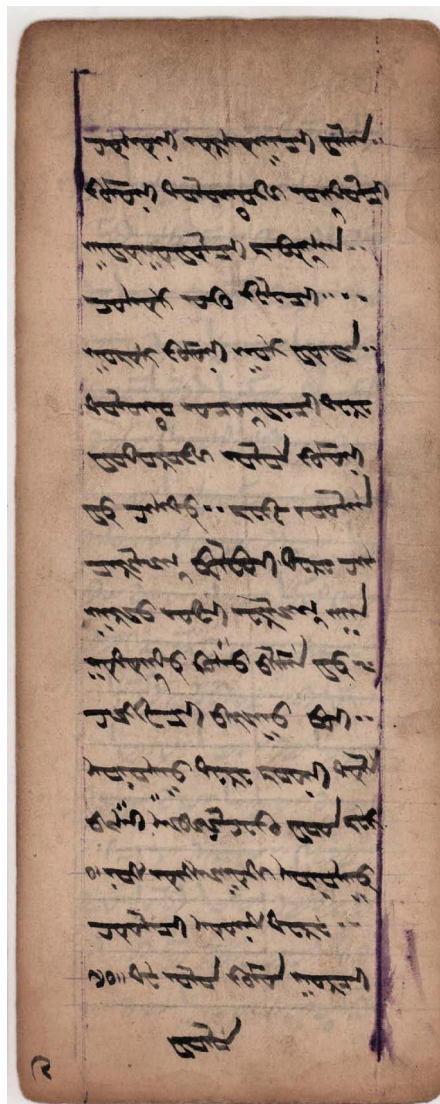
6a

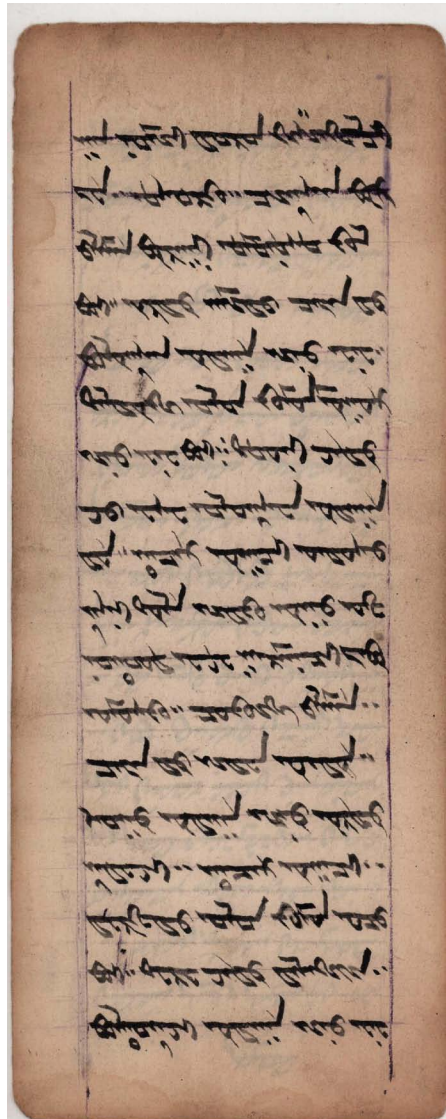
6b

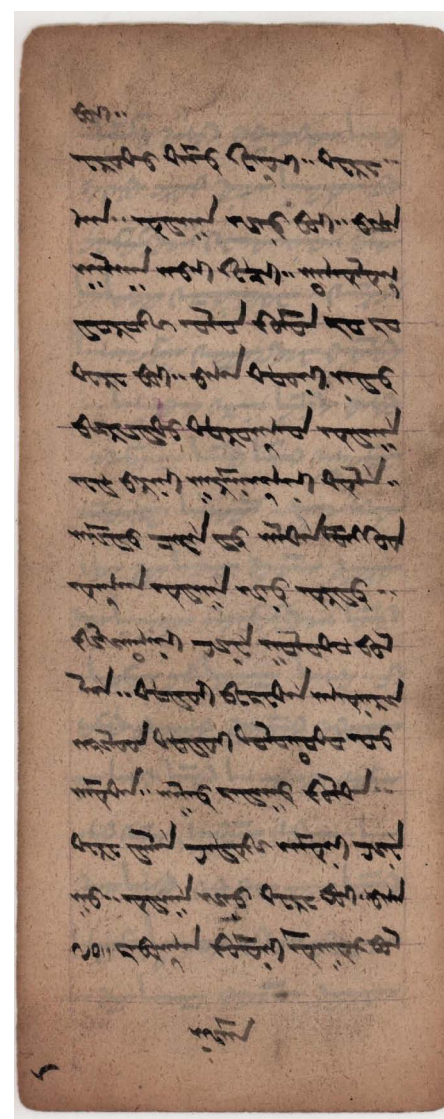
7a

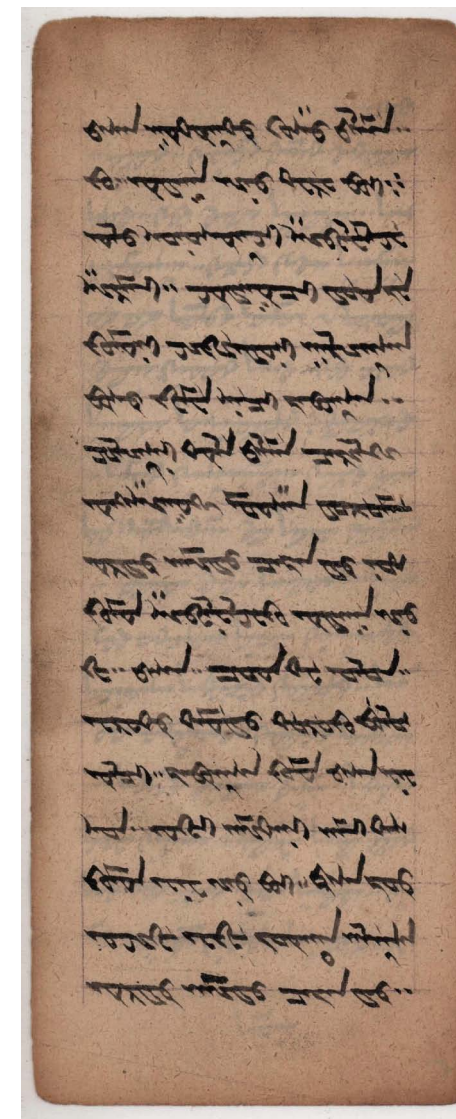
7b

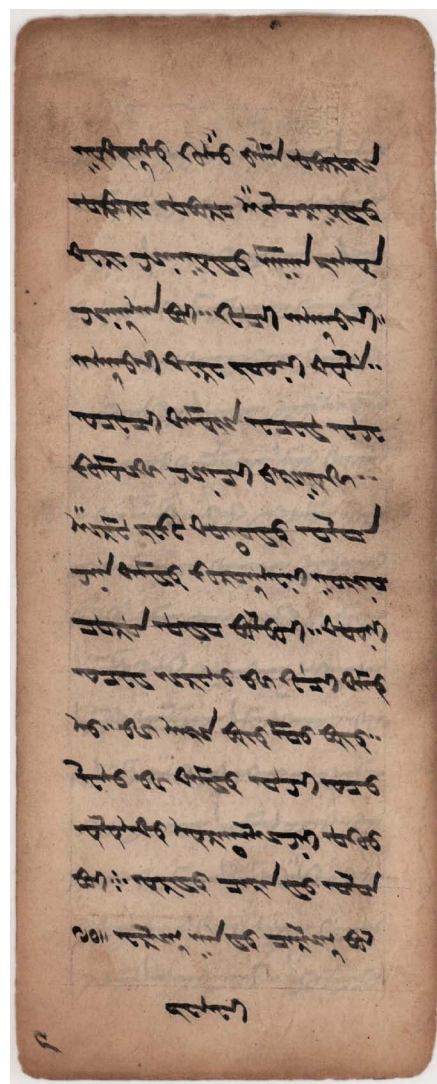
8a

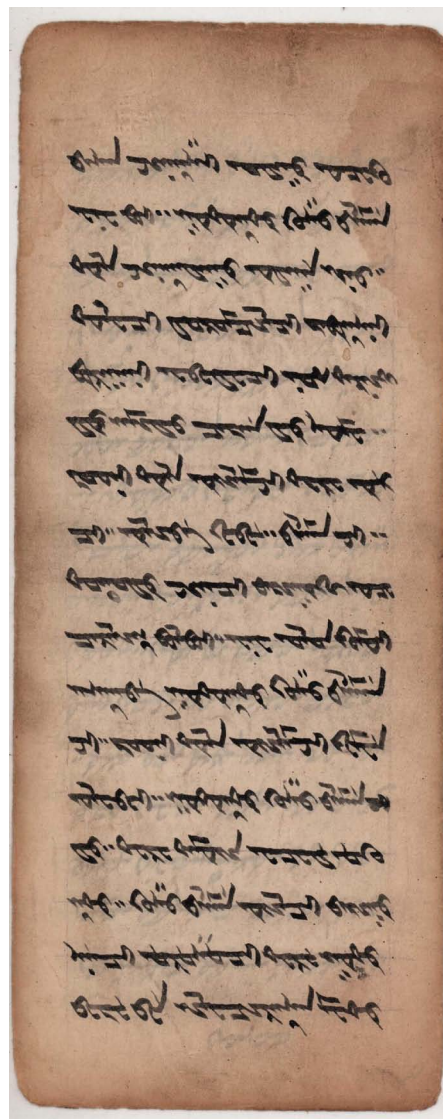
8b

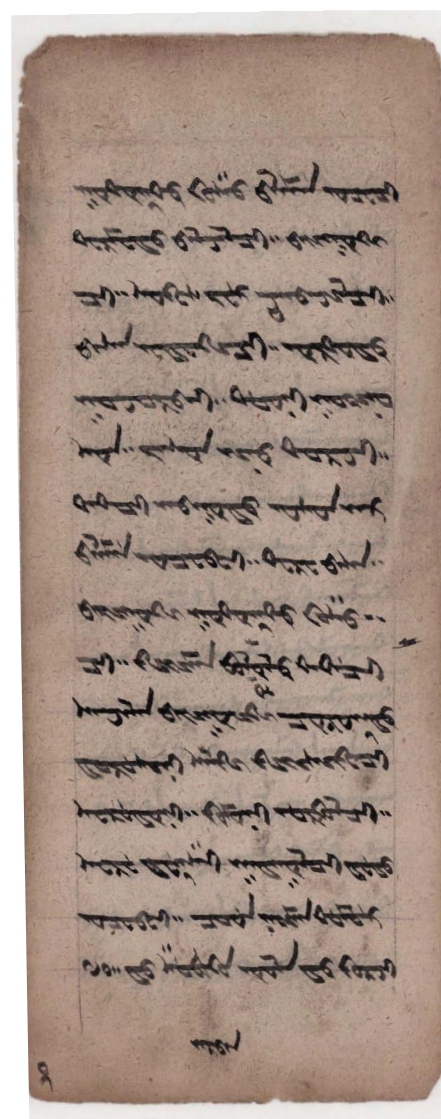
9a

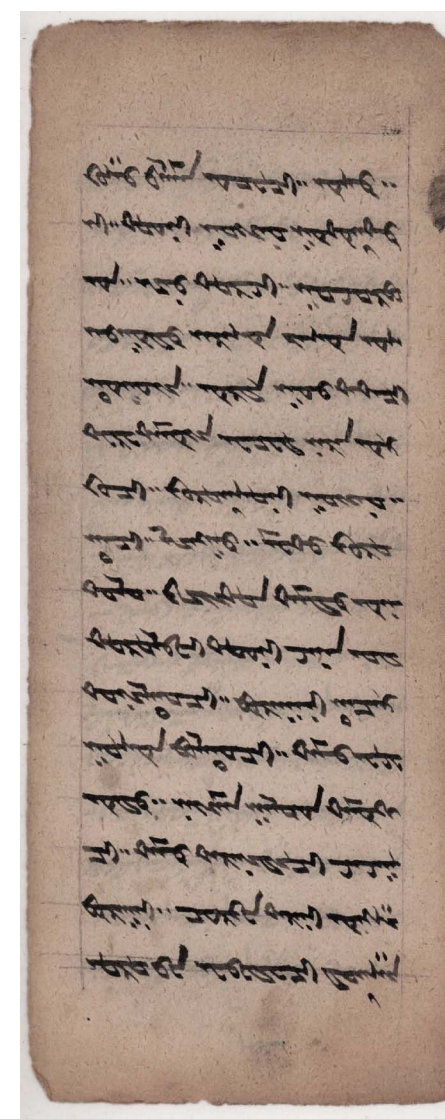
9b

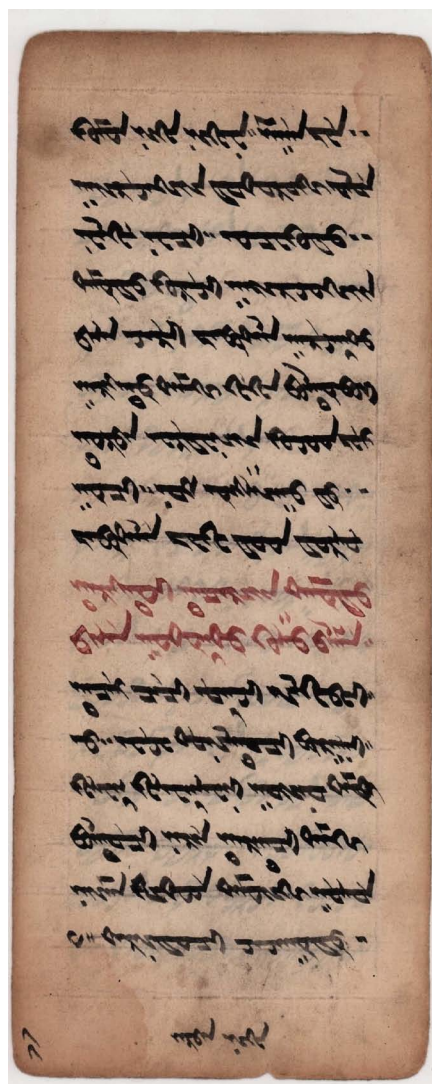
10a

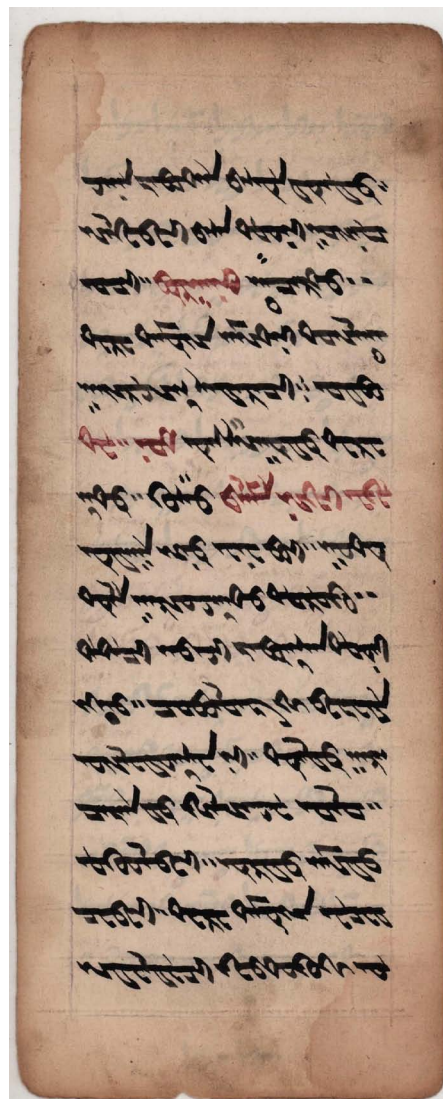
10b

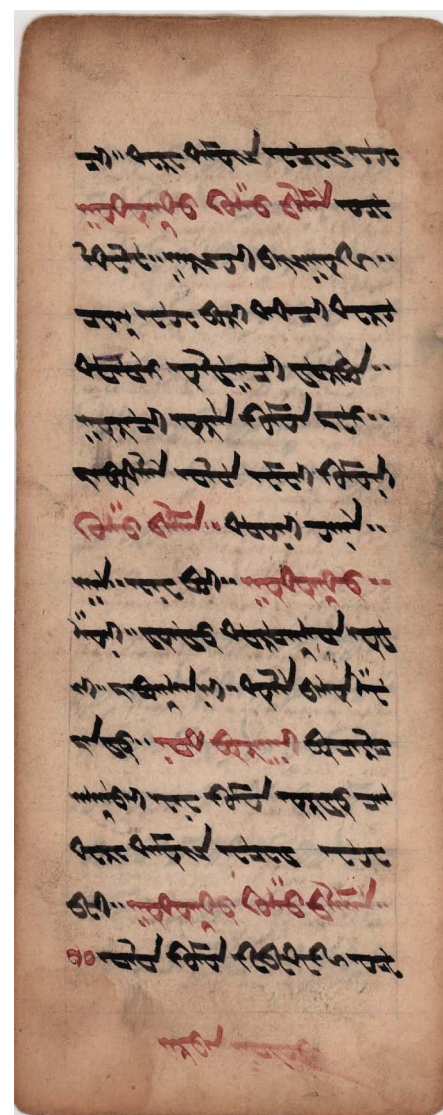
11a

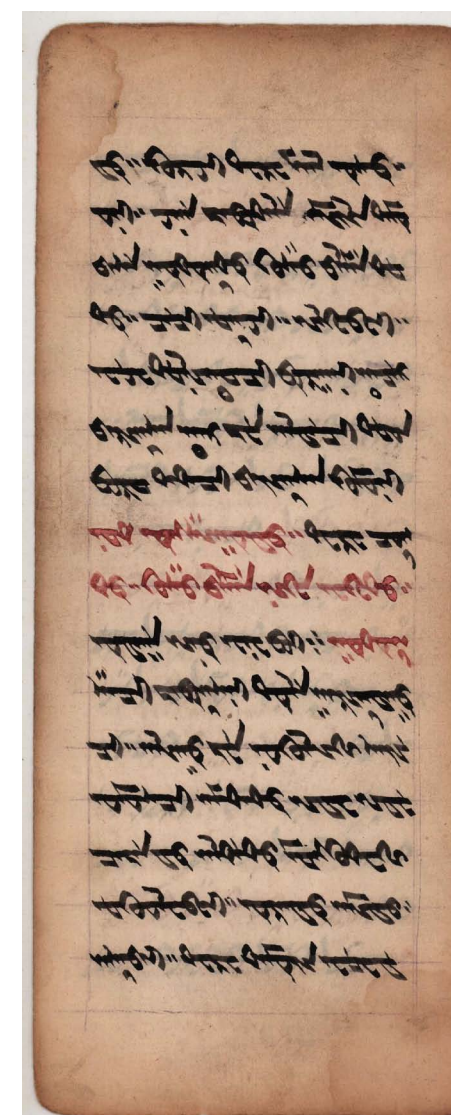
11b

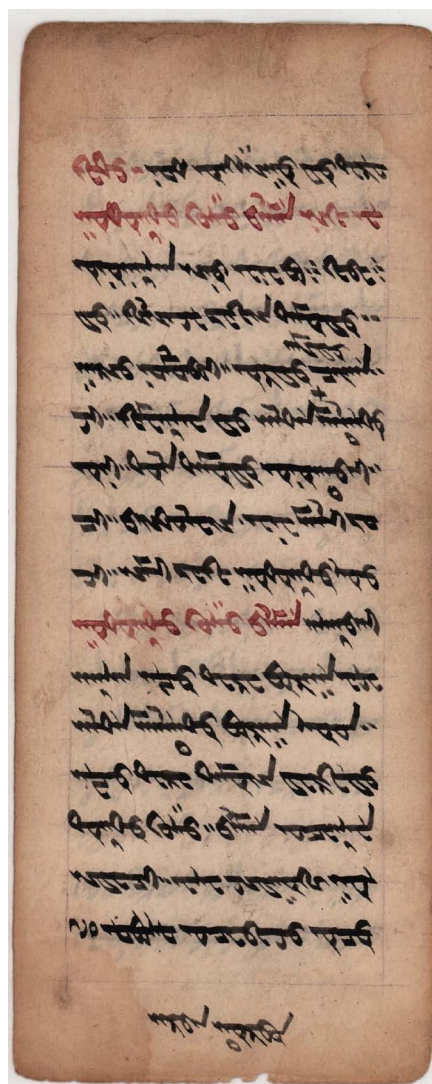
12a

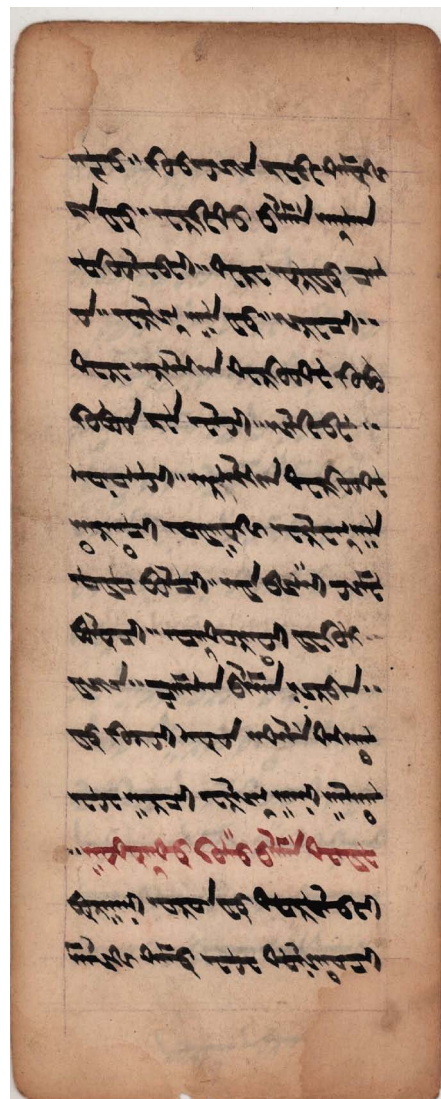
12b

13a

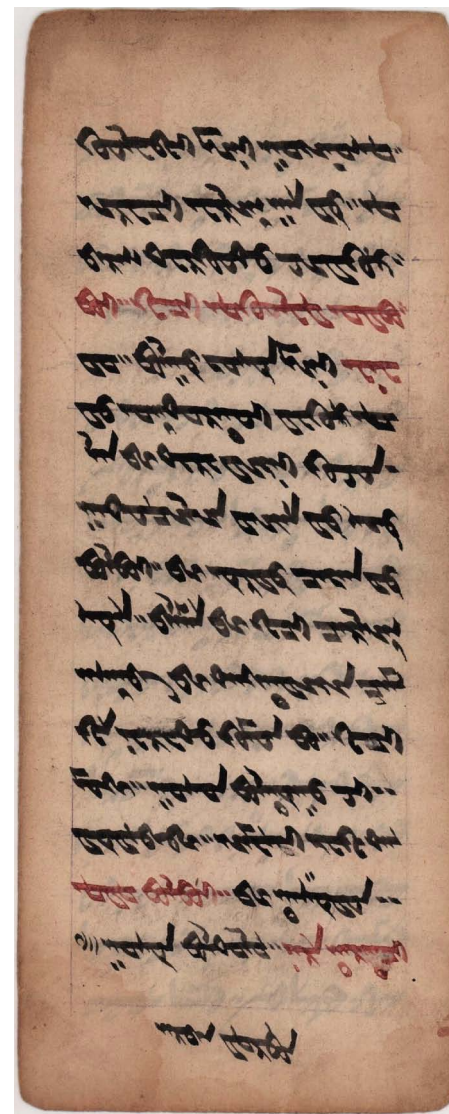

13b

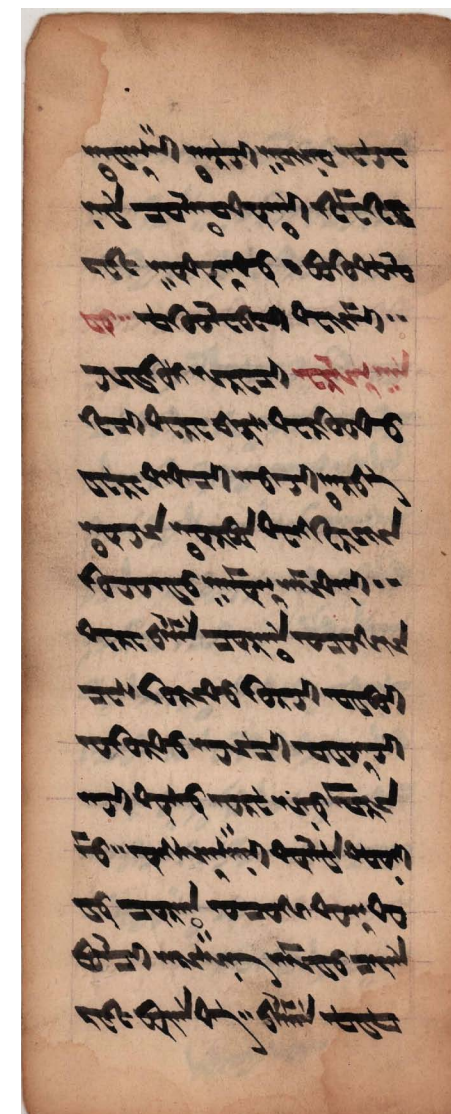

176

14a

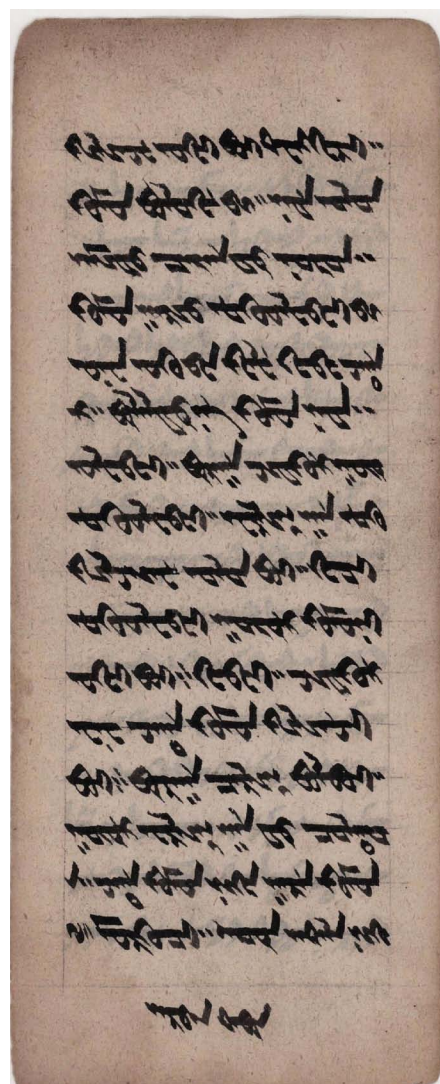

14b

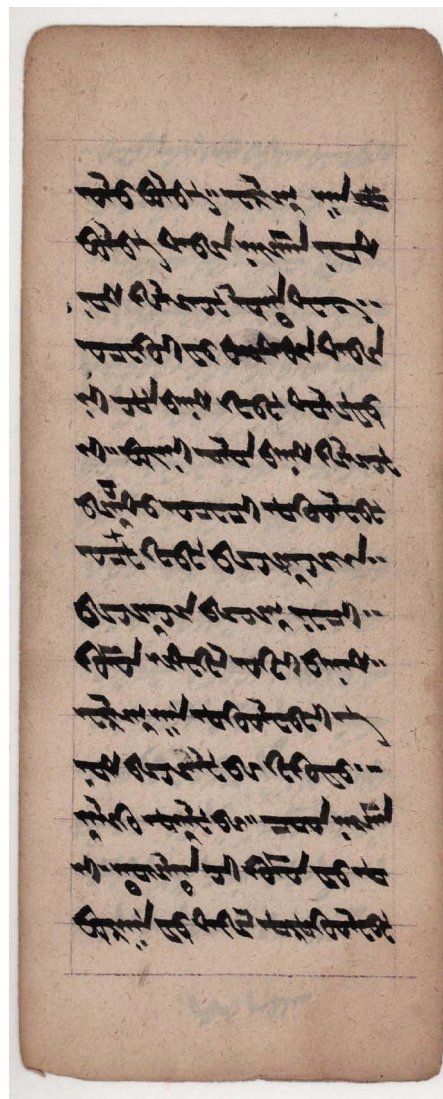

177

15a

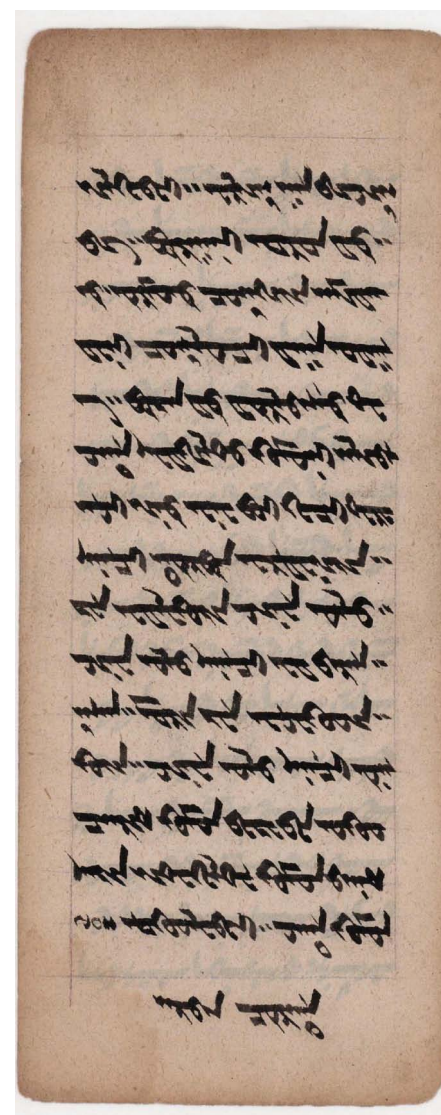

15b

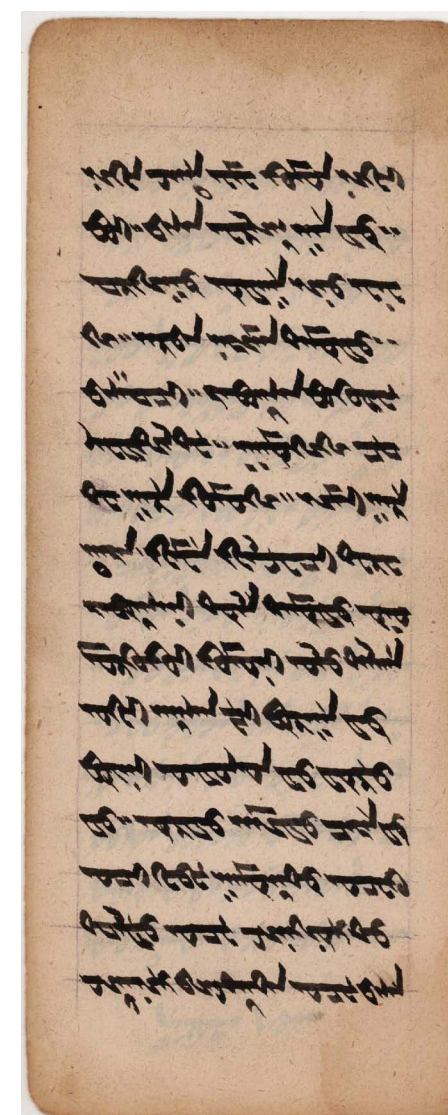

178

16a

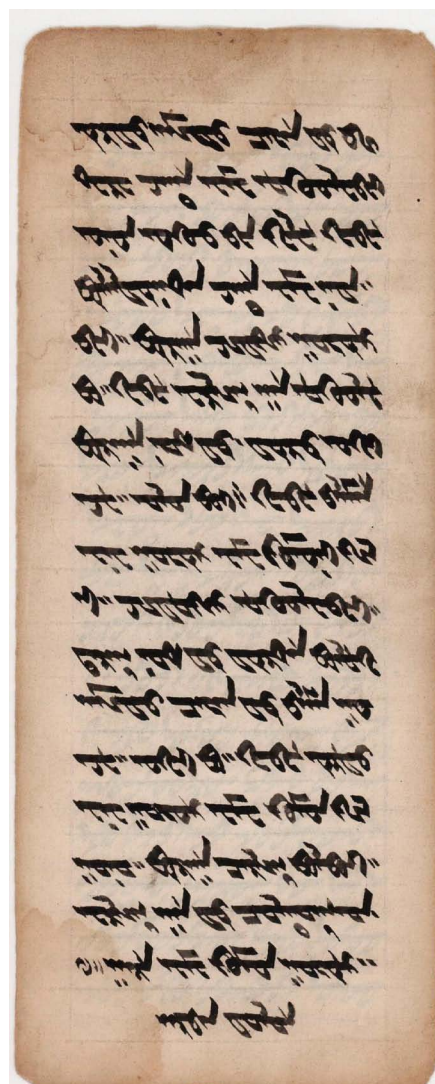

16b

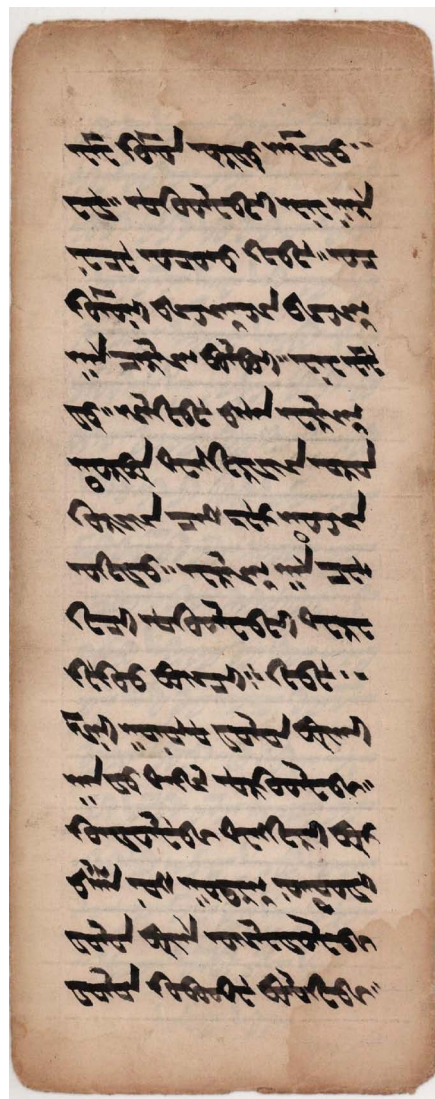

179

17a

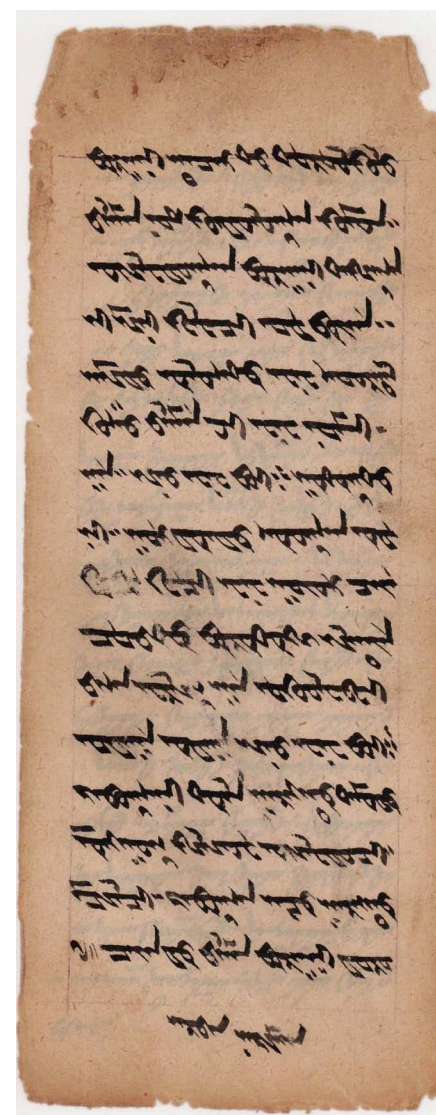

17b

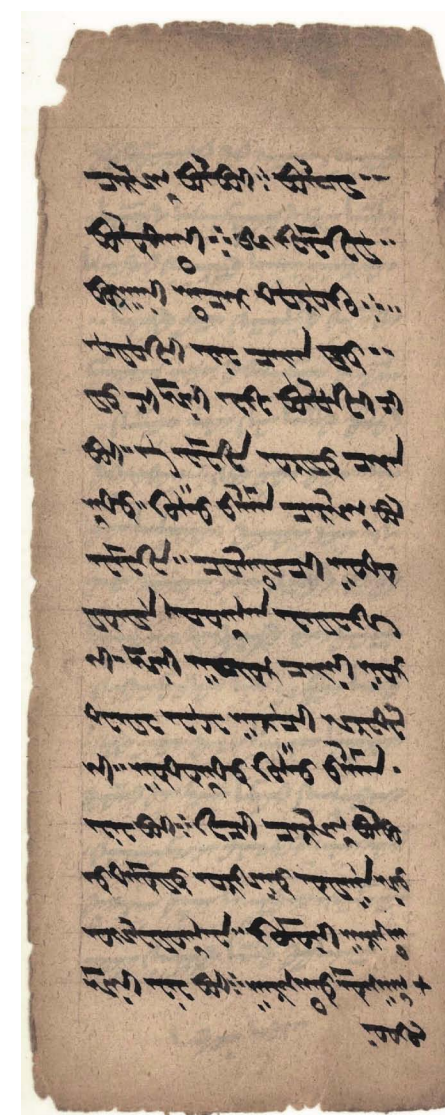

180

18a

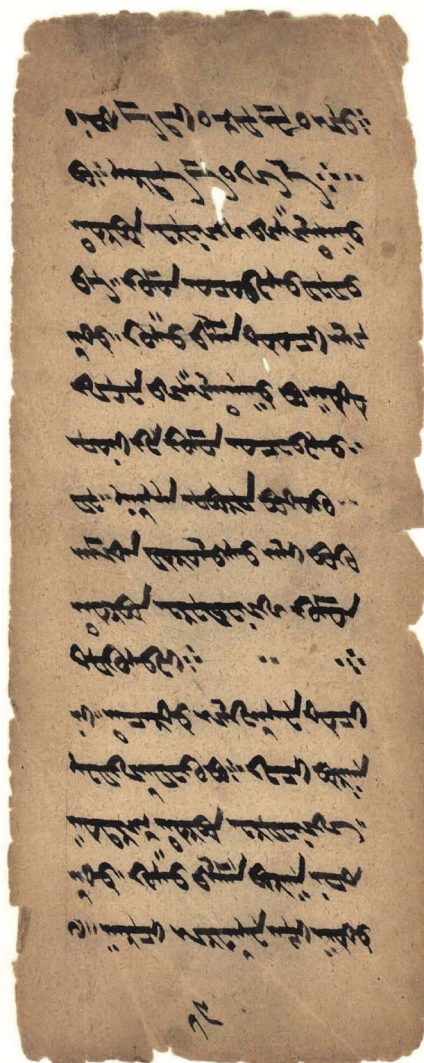

18b

181

19a

Приложение I

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

**Qutuy-tu Gösü blam-a-yin qamuy amitan-i tamu-ača tonilyaysun
šastar orosiba**

Рукопись С 236 (ИВР РАН)

В транслитерации текста использованы следующие условные знаки:

Знак равенства = ставится в месте переноса части слова на другую строку.

Круглые скобки () заключают в себе межстрочные вставки в тексте рукописи.

Квадратные скобки [] заключают в себе графему, пропущенную в тексте и восстановленную как несомненную.

<В обзорной статье о рукописях «Истории Гусю-ламы» А. Г. Сазыкин пишет, что их орфография изобилует существенными отклонениями от норм монгольского классического письменного языка. Это видно из многочисленных поправок, внесенных им в текст транслитерации с использованием условных обозначений. Однако представляется необходимым оговорить еще некоторые нестандартные написания, которые специально не отмечены. Это, в частности, нерегулярное употребление твердой и мягкой согласных γ/g в позиции перед согласными и в конце слова. Например, в суффиксах $-\gamma\dot{c}i$ /-gčī и $-\gamma san/-gsen$ наряду с соблюдением «рядности» слова могут быть и достаточно частые нарушения (ungsigčī / üjegdeγčī; olugsan / kerčiyün; ögüdüy). Суффикс $-\gamma san/-gsen$ кроме двух стандартных сингармоничных вариантов имеет еще два, учитывающих лабиальную гармонию ($-\gamma sun/-gsün$), причем, наряду с оправданными написаниями $yabuγsun$ и $üiledügsün$, встречаются и такие как $aγsun$ и $kigsün$. Нестандартны и написания дифтонгов в $jigiγjü$, $kiγsčü$, написание $naiṁan$ чередуется с $ṁaiṁan$ и некоторые другие. Все они отражены и приводятся в транслитерации А. Г. Сазыкина.>

[1a] Qutuγ-tu Gösü blam-a-yin qamuγ amitan-i tamu-ača
tonilyaysun šastar orosiba¹²

[1b] Om sostim sidim: Töbed-ün qutuγ-tu Gösü blam-a nirvan bolugsan ajiyu: minu cin[a]ysi tamu-dur čü ese kürčü: inaysi töröl aq-a degü'ü ečige eke em-e köbegün-tegen čü ese kürčü: tere qoyar jayayan-u qoyoram'dadu qoyosun-u jayuradu-yin tamu-dur tedüi un[a]ysun-u qoyina: yurban erdi[n]i-yi jöb sedkiü nom kemejü u[n]gsigsan-u tula=da: öndör ayula-yin kötöl yarba: degegčide yar=yad mölöstü ayula (ayula-yi yarču üjebesü adalabasu mölöstü ayula) tngri-dü tulju bayiqu-yi üjeg=debe: basa (tere) kötöl-dü nigen emegen kümün-iyer jolyoyad blam-a eyin kemen jarliy bolur-un: ai emegen mölöstü ayula-du bütügse ken bui kemen asayubai: basa qutuγ-tu Gösü blam-a jarliy bolurun: ai emegen tere kötöl degere yeke quriyan dотора: qamuγ bögüde arya-a-tuyin bey-e üjegdegsen tere yayun bui: basa tere degedü altan kögür'ge: tegünü qoyitu yuulin kögür'ge: [2a] tegünü <dooradu> (qoyitu) jes kögür'ge dooradu temür kögür'ge: ene dörben üy-e kögür'ge üjegdeyči yayun bui: tegünü činadu sang [=čang] deleddegsi büriyen tatayči: nom ungsigči jiruγuyan üjüg [=üsüg] mani-yi nom toyolju nay[a]dagči qamuγ ulus blam-a bandi qural čiyulyan bayiqu-yi üjegdegsen tere yayun bui: basa tegünü činadu nigen yeke čayan bayišing dотора yeke kengger'ge deleddüyči yayun bui: tegünče inadu nigen yeke dalai bayisun tere yayun bui: basa tegünü dooradu qara[n]gyui kögür'ge yayun bui: kemejü asayurun: tendeče tere emegen eyin kemen qariyu ögülrün: biber öküged doloγan on bolbai bi: čü blam-a sünesün-iyen beyen-ečigen qay[a]čayula[n] abču üjeküi-yi üjebei: tere kötöl bu'u dayari dayariyulan mayu bui: buyan kigsün yurban erdini-yi itigejü yaγča üjügür-tü čü[n]g sedkil-i barigsun kümün dayariqu-du γai ügei bui: tegünče busud kilinča-tan amitan [2b] dayariqu-du qamuγ bögüde ary-a=tan sayun: basa tere degedü altan kögür'ge burqan-u yaγar odqu jam bui: tegünü doora-duki qoyitu yuulin kögür'ge umara jüg-ün burqan-u buyan-i čoyča quriyaqu yaγara odqu jam bui: tegün-ü dooradu jes kögür'ge yučin yurban tngri-yin yaγara odqu jam bui: tegünü dooradu temü'r

¹ Транслитерация текста выполнена по рукописи С 236 из собрания монгольского фонда Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук. <С 236 (КДА, 97), инв. № 665. Qutuγ-tu Gösü blam-a-yin qamuγ amitan-i tamu-ača tonilyaysun šastar orosiba (л. 1a). «Повесть о Гусю-ламе». Монг. рук., 11 л., 33,5 x 9,8 (30 x 8), 23–27 стк., рус. бумага, тушь, кисть (Сазыкин 1988: № 331).>

² <Транслитерация приводится по изданию: Сазыкин А. Г. Видения буддийского ада. Предисловие, перевод, транслитерация, примечания и глоссарий А. Г. Сазыкина. – СПб.: Изд-во А. Терентьева «Нартанг», 2004. С. 237–242.>

kögür'ge Erlig qayan-tur odqu jam bui: basa tere sang [=čang] deled=degči büriyen tatayči: nom un[g]=sigči: jiruγuyan üjü'g [=üsüg] mani-yi toyoloyči nay[a]dagči¹ qamuγ ulus blam-a bandi-yin quruysun čiyulyan kemebesü: urida töröl-ün amidu jayayan-dayan blam-a bandi qoyar qamuγ ulus ir'gen bögüdüger qamtu buyan üile-dügsün-iyer: ene jayayan-dur küčin bey-e qamtu jiryaysun tere bui: basa tegünü činadu čayan bayising dотора tere kengerge del[e]düyči Erlig qayan-u bey-e tere bui: tegünče inadaki dalai-yin nere inu sigesün dalai bui: kemen ögöl[e]ged : basa qutuγ-tu Gösü blam-a-[3a]-dur tere emegen ögülerün: čü blam-a endeče temür kögür'ge-yin jam-iyar odču Erlig qay[a]n-dur jalqu [=jolyaqu] tamu-yin er'ke yeke bui: üčügüken bolγ-a kemen ögüleküi-dür: qutuγ-tu Gösü blam-a mön üge-ber: temü'r kögür'ge-yin jam-iyar odbai: teyin odqui-dur Gösü blam-a-yin qoyina-ača ere eme olan kümün dayaju yabutala tere temür kögür'ge qubilju kilyasun-u činegen bolju tere olan ere eme kümün giijkeküdü [=geskikü-dü] kilyasun inu tasuraju tere subuju [=čubuju] yabuysun amitan tamu-dur unabai: temü'r kögür'ge qubilju kilyasun-u činegen bolqu-yin udq-a inu: urida jayayan-dur kilinča olan-i üiledčü: blam-a toyin-i doromjilan yurban erdini-yi ülü bisiregči amitan-u yabubasu kilyasun-u činegen kögür'ge-yin jam bolun qubilju tamu-dur unay[a]qu tere [3b] bui: tendeče tere Gösü blam-a temü'r kögür'ge-yin jam-iyar odču Erlig qay[a]n-u qayaly-a-du kürbei: Erlig qay[a]n uyтуju ir[e]jü jolyay[a]d: tere qutuγ-tu Gösü blam-a-dur Erlig qay[a]n jarliy bolurun:

amidu jayayan-dur mungqay kümün

amitan mingyan nasu nasulqui-yin činegen sanaju

kilinča üile kimüi: blam-a nom qudul bui geju

olugsan jögegsün-iyen baruqu-yin činegen ülü sanan bui:

emüsegsün degil unuysun mor[i]n-iyen ülü elekü

ülü ečekü metü (ülü) öküküyin činegen sanaju bui:

tegünü tula jöb-tü buruγu-tu-yi ilyaqu kijü:

qoyar jayayan-u qoyur[u]mdu sayuysun udq-a mi[n]u ene bui:

čü qutuγ-tu Gösü blam-a amidi jayayan-u ulus irgen-dür keleju od:

jiryalang-tu burqan-u yaγar-i üjebesü-ber [4a]

jobalang-tu tamu-yin yaγar-i üjebesü-ber:

Nom buyan kigsen kümün-ü bey-e tngri-eče degere bui:

Niyur inu nara[n]-u genel metü adili bui:

Nom buyan ese kigsün kümün-ü bey-e tamu dотора bui:

¹ <У Сазыкина - nay[a]dagči >

Niyur inu jiruyuyan dabqur qar-a bui: siremün-dür adal'i bui:

kemen ögöl[e]bei : basa Erlig qay[a]n-dur Güsü blam-a jar'liy bolurun: tere činadu üje=besü čisutu yeke dalai-yin dotorki olan kümün amitan-u toloyai üjegdeyči tere yayun bui: yayun-u tula' teyimü boluysun bui: basa tegünü çayan-a çayan tala-dur edikü [=idekü] ayuqu emüskü yayum-a ügei (olan kümün üjegd[e]m: idi[kü] yayum-a ügei)-eče basa yar-bar yajar uquju sayunam: tedenü quruğun inu elejü bayun-dur kürčü: bayun inu elejü toqai-dur kürčü: toqai inu elejü mör-tür kürčü bayigsan-i üjebei:¹ tere yayun-u tula teyimü bolba: tegünče inayči olan kümün köl ügei: bükül'i muuqur bayiqu inu (tere) yayun-u [4b] tula teyimü boluysun bui: tere yeke dalai-yin tende olan kümün

iman-u činegen amtai

alaqun yadaqu költü

ayul[a]yin tedü'i bey-e-tü:

asuru kilyasun-u čin[e]gen qoyoloi-tu

olan kümün bayıysun tere yayun bui:

basa jегүн-te olan kümün qur[a]ju čugluju böged nom ungsiqu-yi ülü sonosuqu: sib[e]nelečikü tere tere yayun-u tula teyimü boluysun bui: kemen asuyubasu: Erlig qay[a]n qariyu ögülerün: tere činadu čisutu dalayin dotorki olan kümün-ü toloyai üjeg=d[e]yči tede inu: urida jayayan-a qoyar kümün-ü qayur=dumda jisur üge kelejü qob-loju alaldayulju ögül=degülju yabuysun kümün-ü toloyai-yi inu oytolju ker=čıysün-dü čisun inu urusču čisun dalai boluysun udq-a: tere bui: tegün-i činadu dalai-yin dotorki olan kümün yajar uquju sayuqu-yi üjegd[e]yči inu: urida amidi jayayan-dur blam-a-nar-tur [5a] edige [=idege] umdayan-i ba: emüskü jегüküyi qaramlan' qayiralan yabuysun-u tula': yajar maltaju ündü'sün-i olduqu böged: qoyoloi qub=čisa ügei bayiqu-yin udq-a tere bui: tere yar elejü mörün-dür kürü'gsün tere bui: basa tegünü çayan-a tala-duni olan kümün muqur ayči tere amidi jayayan-dur burqan-u emüne-eče blam-a-yin emüne-eče köl-iyen jigiyju ese kündelegsün-iyer muqur bey-e-tü boluysun-u udq-a tere bui: basa yeke dalai-yin jiq-a-dur

iman-u činegen amatu

alqun yadaqu költü

ayilun tedüi terigütei:

ayul[a]yin tedüi bey-e-tei:

asuru kilyasun-u činegen qoyoloi-tai

boluysun udq-a inu basa ber altan möng[g]ün ed edigen-iyen [=idegen-iyen] ülemji bögetüle qaramlan qayirl[a]ysun-u tula' birid-tur töröysön-ü udq-a tere

¹ <У Сазыкина - üjibeı >

bayinam: basa tegünü inadu dotorki olan kümün a-a yuu qoqoi qalaqai iji abai geju yasal[a]gsan inu eregetü [=eregüü-tü] tamu gegči tere bayinam: tere inu urida amidi jayayan-dur ečiye eke keüken ulus-i neng yeke joboyaysun ba yosu ügei [5b] amitan-i am'in tasuluysun aliba amitan-i ül[e]mji yeke jobay[a]ysan-iyar yasulang-tu tamu-dur unaysun-u udq-a tere bui: basa jегүн-te sibineljekü ba nom u[n]gsiqu-yi sonosuqu ügei ber üjegd[e]jü bayigsun amitan inu: urida amidi jayayan-dur nom un[g]=siqu-yi mayusiyaju: nom-un jarliy busu geju sanaju yabuy=sun kümün-ü čiken-dür qayil[a]ysun siremü-yi čidqu=ju: dayun dayun-iyen ülü sonosul'čuqu bolun sibi=nelčekü metü am-a-ban ködöl=geju sibineysün-ü udq-a tere bui: kemen ögülebei: basa qutuy-tu Güsü blam-a Erlig qay[a]n-dur ögülerün : biber amidi jayayan-u ulus ir'gen-dür ene bügüde suryal jarliy-yi činu ögüleju oduy-a bi: teyin-ber urid tamu-yin oron-dur odču jayiju: sayin mayu qoyarun ilyal üjeju irüsgei [=iresügei]: ba kemeged: tamu-yin жүг [6a] odbai: mön darui tamu-yin oron-dür kürčü üjebesü: nigen yeke siremün toyoyan-dur olan kümün bilčiratala sinay[a]d bučalyaju bayiqu-yi üjegd: qutuy-tu Güsü blam-a öber-ün bey-e sinaysun metü bolju yasalan[g] uyilabasu: tere tamu-yin ejed blam-a-ača asayurun: či qutuy-tu Güsü blam-a yayun-u tula yas[a]lang uyilamui kemen asayurun: qutuy-tu Güsü blam-a jarliy bolurun: ene olan kümün-i siremün toyoyan-dur činaju bayiqu-yi üj[e]besü: miqan inu yasun inu öber-e öber-e salbar[a]ju bayiqu-yi üje'ü uyilaba bi kemebesü: tamu-yin ejed ögülerün: a-a blam-a či teden-ü tula buu uyila: tede amitan inu urida amidi jayayan-dur burqan-u [6b] süm-e-yi ebd[e]ju bursang quvaray-ud-i doramjilan dayariju yabugsun-u tula' tede[n]-i šanaju¹ bayiqu tere bui : tendeče qutuy-tu Güsü blam-a basa činayči odbasu: nigen Sibügen ner[e]tü ayula-dur jayun nayiman dabqur temü'r serge-e degigčide yarya'ju: jayun nayiman temü'r dege-e doroyčida tataju: tere degerki serge-e büri-dür kümün-i ölgüju [=elgölju] doora-duki dege-e büri-dür inu salkin-iyar kiysču tere dege-e büri-dür жүг жүг-tür tataqui čay-tur kimay metü bo[l]tala tataju abqu-dur yasun üsün inu to'roju qočoramui: basa ebdejü orkigsun-iyen edegeju abuyad kirüge-iyer жүг жүг-tür qayalju butary-a-ju ayur-tur nidüji: süke-ber kersiju tegarmedeküi eyimü yasalang-un jobolang-tan-i [7a] üjegd: qutuy-tu Güsü blam-a öber-ün sayin sedkil-iyer doysin burqan-u jirüken tarni ungsiju emüne usun-i tamidaju sačuqu-dur tere nayiman qalayun tamu qoyosun bolju: tamu-yin oron-ača tonilyaju burqan-u yajar-i jayaju töregülbei: tendeče basa qutuy-tu Güsü blam-a mön činayši odbasu: küitün tamu-yin oron kemekü-dür ülijü ülü bolqu olan amitan dam dam-

¹ <У Сазыкина - šanaju>

iyar niyaldun kürçü üjigsün qaytu tataju abqui-dur arisun üsün yasun inu to'roju qoçoramui: tegüni qutuy-tu Güsü lam-a üjegend: örsiyeküi sedkil-iyer: usun-i tamidaju sasaqui-dur [=saçaqui-dur]: nayıman küitün tamu qoyosun bolju: tere oron-aça nara[n] yarçu: tere nayıman küitün tamuyin amitan-i tonilyaju burqan-u yajar jayaju iligebei: basa tendecce çınayçi od=basu: qara[n]gyui-yin tamu-dur kürbei: tere qarangyui-yin tamu dotor-a olan amitan dayun siyun-iyar yasalalçaju qayılalçan uyılalduju bayıqu-yi üjegend: qutuy-tu Güsü blam-a nigen eketü nom ungsiqui-dur yurban erdini-yin adis-tid-un küçün-iyer qarangyui-yin tamu-yi tun genel bolyan amurlıyul[u]yad: basa tegünçe çınayçi odbasu: [7b] qayırçaytu tamu-dur kürbei: tere tamu-yin qayırçay-un amasari nigeju [=negeju] üjebesü qayırçay-ud dotor-a olan kümün nigen nigen-iyen bey-e-yi idilçeju kebtüküyi üjegend: qutuy-tu Güsü lam-a tere tamu-yin ejed-eçe açayurun: tamuyin ejed ögül[e]rün: ene tamu dotor-a idil=çeju kebtægçi amitan ber urida amıdui (büküi-yin) jayayan-dur bey-e bey-e-yin ed edige-yin [=idege-yin] adal mal-i ar'γ-a jali qudul qayurmay-iyar qo[n]gijju idil=çegsen-iyer: edü'ge qayırçay-tu tamu-dur unaju öberün öberün bey-e idilçeju kebtægçen-ü udq-a tere bui: kemebe: qutuy-tu Güsü blam-a nigen eketü nom ungsiqu'i-dur qayırçay-ud inu ebderçu böged: tere tamuyin amitan-i tonilyaju burqan-u yajar-i jıyaju iligebei: basa qutuy-tu Güsü blam-a tegün-eçe çayana odbasu: bay'a'sun sigesün-ü dumda olan kümün-i kebtüküyin der'gede kürçu qutuy-tu Güsü blam-a üjegend: tere tamu-yin ejed-eçe asayubai: tede amitan yayun-u tul'a [8a] teyimü bolıysun bui kemebesü: tamu-yin ejed ögülerün: ene amitan urida amıdui büküi-dür burqan nom-un bey-e bujarlaju dor[o]m=jilan yabuysun-u tul'a bayasun sigesün-ü tamu-dur kebtükü udq-a tere bayınam kemebe: basa qutuy-tu Güsü lam-a tegünçe çayan-a odbasu: olan amitan-i¹ quriyaju: temür ulayilyaju tere amitan-i dörben kümün tataju: bariyun suyu qayarıju bayıqu-yi: qutuy-tu Güsü lam-a üjegend: tere tamu-yin ejed-eçe asayubai: tamu-yin ejed ögülerün: ene amitan urida amıdui büküi jayayan-dur altatu möng[g]ün-tü-yi emüsbeçu: sayın süsü'g-tü üile-yi ülü sanan süjüg [=süsüg] bi=sir[e]l ügei yabuysun-u tul'a qay[a]rigdaqu udq-a tere bayınam kemebe: blam-a ber nigen eketü nom ungsiqui-dur: tere amitan-u jüg büri-eçe tat[a]ju bayıysun dörben kümün bariysun-ıyan aldaju amui: teyin-ber tere tamu-aça tonilyaju burqan-u yajar-i jayaju [=jiyaju] iligebei: basa qutuy-tu Güsü blam-a tendecce çayan-a odbasu: mal-un tamu-dur kürbei: tegüni üjebesü: tere mal inu ebüsün usun üjebesü: idiju ayuju ülü çıdanam ajiyu: tegüni qutuy-tu Güsü blam-a ene üjebesü: mön tere tamu-yin dergede altan malayai-tu burqan

¹ В других рукописях: emes-i.

olan aysun ajiyu: tere [8b] burqan-aça Güsü blam-a asayurun: çi eyimü burqan sayun bögetele ene mal-i tamu-dur yayun-u tul'a unay[a]bai: kemebe: tere altan malay[a]i-tu burqan qariyu ögüler-ün: tede urida amıdui jayayan-dur kilinça yeke-yin küsün-iyer [=küçün-iyer] tamu-dur unay'san bui j-a kemen ögülebe: tere qutuy-tu Güsü blam-a nigen eketü nom nomlaju tere mal-i tamu-aça yar=yaju burqan-u yajar-i törgülbei: tendecce qutuy-tu Güsü blam-a inaysida bucaju ögöde bolun ireju Erlig qay[a]n-dur kürçu sayun atala: Tangy[u]d-un Irejamça ner[e]tü blam-a nirvan bolju: oytoryui degegür ögöde bolju odqu-yin çimege-yi Erlig qay[a]n sonosçu: üjeju iri geju ar'slan-a ter[i]gütü köbegün-i iligebe: tere ilçi [=elçi] iligegçi köbegün odçu üjegend ir[e]ju Erlig qay[a]n-dur ayıladaqbai: tere degegür yabuysun blam-a inu urida jayayan-dur yeke er'ketü blam-a agsan ajiyu: edü'ge kübçid yeke tamu-yi qoyosun bolaju naran yarya'ju yabunam: minu ken bui: kemen asayuyui-dur tere blam-a kelen[e]m: Töbed-ün oron-dur Irejamça ner[e]tü yeke blam-a bülüge bi: amıdui jay-a=yan-dur qatayujil diyan-dur sayula [9a] bi: tere diyan-u küçün-iyer edüge oytoryui-bar ögöde bolju yabuysun minu tere bui: kemen ögül[e]ged: ögöde bolju yabunam: teyin sayun atala: basa nigen bars ter[i]gütü çidker ireju Erlig qay[a]n-dur ayıladaqaba: basa qoyina-aça nigen buyan yeke buyan-tu blam-a mön ögöde bolju ayisui: tere ber amıdui büküi-dür jıruyuyan üjü'g-i [=üsüg-i] tüg tümen-te ungsiysun-u asi [=açi] tusu yeke-yin tul'a jes kögür'ge-yin jam-ıyar odbai: tere tüg tümen-te ungsiysun jıruyuyan üjü'g-ün [=üsüg-ün] küçün-iyer qamuy amitan-i yučin yurban tngri-ner-ün oron-dur ta=taju yarbai: geju ayıladaqagsun-dur Erlig qay[a]n ögüler-ün: teyimü yeke qutuy-tu blam-a nada-luy-a jolyoqu boloosoi kemegeç yaday-a-ban yarçu tere jüg-tür mörgüged sayun atala: basa nigen çayan kümün nigen qar-a kümün qoyar-i Erlig qay[a]n-dur tuçiyaba [=tusiyaaba]: mön tere qoyar-i abçu ire'ji burqan jarlıy bolur-un: ene qoyar kümün-dür kilinça ügei bui j-a: [9b] kemen jar'lıy bolba: mön qamtu abçu ir[e]gsen çidkür kelebe: ene qoyar kümün-ü kilinça inu toyolçi ügei (yeke) bui j-a: gebe: teyin Erlig qay[a]n jar'lıy bolur-un: ta burqan çidkür qoyar bulıyaldan[a]m ta: çi (tere) çayan kümün ünen üge-ben kele gebe: çayan kümün ögüler-ün:

Amıdui büküi-dür ünen kümün bülü'ge: bi:

Kilinça minu olan ügei bui j-a:

Burqan tngri-dür takil üiledb[e]i bi:

Üg[e]güü yuyilinçi-dur öglige ögüdüy bile bi:

jayun nayıman nom biçigülbe bi:

kemen ögülegün-dür Erlig qay[a]n jar'liy bolur-un: ene çayan kümün qudal üge kelen[e]m: bolbasu: biçigeçi-ner biçig-iyen negejü üje: basa tolin-dur üje: basa çingnegür-tü üje: kemen jarliy bolba: Erlig qay[a]n-u jar'liy-iyar mön biçigeçi-ner biçig-iyen negejü üjegend buyan inu yeke: kilinča inu bay-a kemebe: basa toli-dur üjejü çingnegür-tür činegn[e]ged kelebe: ene kümün-ü jayun nayiman nom bičigsen inu ünen bayinam: egünü tabin nom kigsen kilinča-lüge te[n] g bolbai: tabin nayiman nom inu iligüü buyan bolba kemen ögülebesü: Erlig qay[a]n jar'liy bolur-un:

ene suqum [=čuqum] itigel-tü kümün bisiyu
ene jarim kümün öbörün bey-e-ben
üküküi-yin [10a] činegn ülü san[a]qu
buyan-u jüg-tür ülü joridug bülü'ge:
ünen itigel-tü çayan sedkil-tü kümün
buyan-tu üile-dür dur[a]laju yabuysun-u tul'a:
jiryalang-tu yañar-a odbasu: jayayatu

gejü: öber-ün mudur-iyar tamγ-a ögčü: umar-a jüg-ün Abida burqan-u oron-a iligebe: basa Erlig qay[a]n jar'liy bolur-un: a-a tere qar-a kümün-i biber ülü itigebei: biçig-tür negejü üje: basa tolin-dur üje: (basa çingnegür-ber čingnejü üje:) gebesü: mön jar'liy-iyar üjebči: ene qar-a kümün urida amidui jayayan-dur sayin üile-dür: dura ügei agsun ajiyu: burqan nom-dur mörgükü kümün-i (ülü) tayalan yabuysun bui: mayu sedkil-tü kümün agsan bayinam kemebe: tendeçe tere kümün-i arban naiman tamu-yin jüg joriyulju iligebei: basa Erlig qay[a]n-dur çayan em-e qar-a em-e qoyar-i abču irejü tusiyaba: tere qoyar-i abču iregsen burqan jar'liy bolur-un: ene qoyar-tu kilinča ügei kemen jar'liy bolbai: mön qamtu ir[e]gsen čidkür kelebe: ene qoyar amidui bükü'i-dür burqan nom blam-a γurban erdini-dür dura ügei bele gebe: teyin Er'lig qay[a]n jar'liy bolurun: ta burqan čidkür qoyar buliyaldanam [10b] ta çayan em-e ügeben kel[e]tü'gei gebesü: çayan em-e ögüler-ün:

Biber amidui jayayan-dur doloγan köbegün-tei bülü'ge bi:
Doloγan jül-ün buyan üil[e]dün bülüge bi:
Basa burqan nom-i takiγ[a]d:
Blam-a toyin-i kündü'len bülüge bi:
Edü'ge minu qoyina-ača minu:
Doloγan köbegün minu doloγan buyan üiledbei

kemebesü: tere üge-dür Erlig qay[a]n jöbčiyejü jes kögür'ge-yin jam-iyar yučin γurban tngri-ner-ün oron-a iligebei: tere qar-a em-e biçig-tür üje: kemen Erlig

qay[a]n jar'liy bolur-un: biçigeçi-ner biçig-iyen negejü üjegend kelebe: ene qar-a em-e amidui jayayan-dur burqan nom-i dor[o]mjilan yabugsan ajiyu: qamuy mayu nigül kilinča üiledcü yabuysun-u tula: qarangyui-yin tamu-dur od kemen iligebei: teyin-ber Güsü blam-a-dur Erlig qay[a]n jar'liy bolurun: biber jöb-tü buruyu-tu-yi ilayduqai kem[e]gsen-dür ene qoyar jayayan-u qoyor=dumda sayuysun yosu minu ene bui: či qutuy-tu Güsü blam-a qariju [11a] amidui jayayan-u ulus ir'gen-dür ene surayal il'yal-i keleju od:

Burqan takiysun blam-a nom-i kündülen takiju
Aliba buyan üiledügsen kümün-i
Burqan yañar-a töregülekü yosu ene bui:
Basa mu'ngqay-iyar yabuju:
Aliba nigül kilinča üiledügsen qar-a sedkil-tü kümün
Arban naiman ayus tamu-dur un[a]qu yosu inu tere bayinam

kemen ögülebei: mön tendeçe qutuy-tu Güsü blam-a amidui-yin jayayan-u oron-a qariju yabutala: mön jam deger-a qoyar jayayan-u qoyor=dumda nigen emegen kümün-iyer jolyobai: blam-a jar'liy bolur-un: a-a em[e]gen urida amidui bükü'i-dür eke minu bülü'ge či: ene jayayan-dur burqan-u oron-dur törötügei kemen jar'liy boluy[a]d qariju iregsen ajiyu:
qutuy-tu Güsü blam-a-yin qamuy amitan-i tamu-ača tonilyaysun sastar tegüsbe::

**[1a] *Ша́стра* о святом Гусю¹-ламе,
освободившем из ада всех живых существ²**

ПЕРЕВОД

«ПОВЕСТЬ О ГУСЮ-ЛАМЕ»

Рукопись С 236 (ИВР РАН)

Условные знаки, используемые в переводе:

В квадратные скобки [] заключены слова, уточняющие перевод.

[1b] Тибетский святой Гусю-лама скончался. Не отправившись в погусторонний ад и не вернувшись к [оставленным] в этой жизни братьям, родителям, жене и сыну, он провалился в находящийся меж тех двух видов перерождений *ад промежуточной пустоты*. Но, благодаря своим истинным воззрениям на *три драгоценности* и чтению священных книг, [он не остался там], а достиг склонов высокой горы. Поднявшись выше, [он] увидел гору, полностью покрытую льдом, которая, казалось, упиралась в небеса. На тех склонах лама повстречал какую-то старушку и спросил ее:

– О, старушка, кто воздвиг эту ледяную гору?

[Святой Гусю-лама, разве ты не знаешь, что это называется «Ледяная гора между [прошлым и будущим] перерождениями»? – ответила старушка]³.

Святой Гусю-лама спросил также:

– О, старушка! Почему на тех склонах, внутри большого загона, все имеют облик хищных зверей? Что за четыре моста виднеются там – тот высокий золотой мост, позади него мосты из желтой [2a] и красной меди, а под ними железный мост? Там вдалеке виднеется скопище народа, лам и *банди*, которые веселятся, ударяя в цимбалы, читая священные книги и отсчитывая шесть слогов *мани*. Что это такое? Еще подальше, что за большой белый дом, внутри которого бьют в большой барабан? Что за огромное море здесь неподалеку? Что за мрачный мост расположен внизу?

На это старушка ответила так:

– С тех пор как я умерла, прошло семь лет. [Теперь] вижу и у тебя, лама, душа разлучилась с телом. Не ходи на те склоны. Если пойдешь, бу-

¹ Использованное в данном переводе написание «гусю» отражает правописание источника (*güsü*). В такой же форме слово появляется и в большинстве остальных имеющихся в фонде рукописей повести. В действительности это не что иное, как искаженная бурятская транскрипция тибетского «гюшю», означающего «высокородный, святой» (см. Цыбиков Г. Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета // *Он же*. Избранные труды. Новосибирск, 1981. Т. 1. С. 105). В заглавии одной из рукописей монгольского фонда СПбФ ИВ РАН (Q 2157) тибетское «гюшю» заменено монгольским «adistu» («благословенный, благодатный»).

² <Перевод текста приводится по изданию: Сазыкин А. Г. Видения буддийского ада. Предисловие, перевод, транслитерация, примечания и глоссарий А. Г. Сазыкина. – СПб.: Изд-во А. Терентьева «Нартанг», 2004. С. 229–236.>

³ Дополнено по рукописи С 391.

дет плохо. Люди, вершившие добро и твердо, всей душой, уверовавшие в *три драгоценности*, даже если и пойдут туда, вреда им не будет. Но, когда туда отправляются иные, грешные, существа, [2b] то все они превращаются в хищных зверей. Тот высокий золотой мост ведет в область будд. Находящийся под ним мост из желтой меди ведет в область средоточия добродетели *будды северной стороны*. Расположенный [еще] ниже мост из красной меди ведет в область тридцати трех *тэнгриев*. [Самый] нижний железный мост ведет к *Эрлик-хану*. Что касается того сборища мирян, лам и *банди*, которые веселятся, ударяя в цимбалы, читая священные книги и отсчитывая шесть слогов *мани*, то все они – ламы, *банди*, а также весь мирской люд – в прошлой жизни сообща исполняли благие деяния. Потому-то в этой жизни, [обретя] тело и душу, они и радуются сообща. В том дальнем белом доме находится [*тэнгри*] в облике *Эрлик-хана*, бьющий в тот барабан. Расположенное поблизости море называется «Море мочи».

Сообщив это, старушка вновь обратилась к святому Гусю-ламе:

[3a] – Ты, лама, отправившись по этому железному мосту, встретишься с Эрлик-ханом. Велика сила ада, но ты ослабь ее.

Когда [она] произнесла это, святой Гусю-лама отправился по железному мосту, как велела старушка. Едва Гусю-лама тронулся в путь, как за ним последовало множество мужчин и женщин. Однако тот железный мост сделался толщиной с волос, и, когда те многие мужчины и женщины ступили на него, волос порвался, и те, шедшие гуськом, живые существа провалились в ад.

Вот причина, почему железный мост становится толщиной с волос. Если по нему идут живые существа, совершившие в прошлой жизни множество грехов, порочившие лам и *тойнов*, не почитавшие *три драгоценности*, то мост становится толщиной с волос, и они падают в ад.

[3б] Затем святой Гусю-лама, пройдя по железному мосту, достиг ворот [дворца] *Эрлик-хана*. *Эрлик-хан* вышел навстречу и обратился к святому Гусю-ламе:

– При жизни глупые люди и [прочие] живые существа совершают множество грехов, думая, что будут жить до тысячи лет. Утверждая, что ламы и Учение лгут, они не думают об утрате того, что имеют. Думают, что их одежда [никогда] не изнашивается, а верховая лошадь не изнуруется и не падет. Для того, чтобы различать истинное и ложное, я и нахожусь здесь между прошлым и будущим перерождениями. Ты, святой Гусю-лама, иди и Расскажи всем ныне живущим людям:

[4a] Если посмотреть на блаженную область будды и посмотреть на область мучительных адов, то тело благочестивого, добродетельного человека лучше [тела] *тэнгрия*.

Лицо его будет подобно сиянию солнца.

Тело человека, не совершившего добрых поступков, окажется в аду.

Лицо его будет в шесть раз чернее и станет похожим на чугун.

Когда владыка ада сообщил это, святой Гусю-лама спросил у *Эрлик-хана*:

– Там вдалеке, что за головы множества людей виднеются в огромном море крови? За что они там? Еще дальше, в белой степи, виднеются множество людей, не имеющих ни еды, ни питья, ни одежды. Те, что не имеют еды, сидят и скребут землю руками. Руки их ободраны от пальцев до запястий, от запястей до локтей и от локтей до плеч. За что их так [наказывают]? Ближе сюда видно множество безногих людей. За что их всех так укоротили? [4b] Почему у тех многих людей возле моря рот величиной с горошину, ноги, не способные сделать и шагу, тело размером с гору и горло, как самый тонкий волос? Там, слева, собралось много людей. Почему они не слушают чтения священных книг, а только шепчутся?

– Те головы множества людей, виднеющиеся в том дальнем кровавом море, это [головы] тех, кто в прежней жизни сеял сплетни среди людей и клеветой доводил их до убийства. Когда им за это отрубили головы, то из вытекшей крови и образовалось то море.

Виднеющиеся там дальше, сидящие у моря люди, скребущие землю руками, в прежней жизни, [5a] имея еду, питье и одежду, из скупости не давали их ламам. За это они и скребут землю и, не находя корешка, не имеют [здесь] ни пищи, ни одежды, и руки их ободрены до плеч.

Находящиеся еще дальше, в той белой степи, многочисленные куцые людишки при жизни непочтительно вытягивали ноги перед изображениями будд и в присутствии лам. За это их тела и укоротили.

Те, что на берегу огромного моря со ртами величиной с горошину, с ногами, не способными ступить и шагу, с головами, как дом, и телами с гору, чьи глотки размером с тончайший волосок, при жизни были скупы на золото, серебро, имущество и пищу. За это они и переродились *претами*.

Ближе сюда, там, где множество людей страдают, вопя: «Ай! Ой! Матушка! Батюшка!», находится «Мучительный ад». Эти в своей прежней жизни заставляли страдать своих родителей, детей и [прочих] людей. Без-

законно [5b] лишали жизни живых существ. За то, что заставляли много страдать различных живых существ, они, и ввергнуты в «Мучительный ад».

Те существа, что шепчутся слева и не слушают чтения священного писания, при жизни осуждали чтение священных книг и порочили Учение. За это им в уши залили расплавленный чугун. Поэтому, не слыша ни звука, они и шевелят губами, как будто шепчутся, – сообщил Эрлик-хан.

Тогда святой Гусю-лама вновь обратился к Эрлик-хану:

– Я пойду и передам живущим людям все твои наставления. Но прежде отправлюсь в ад и посмотрю различие между добром и злом.

Сказав это, он направился в сторону ада. [6a] Достигнув тотчас пределов ада и оглядевшись, [лама] увидел множество людей, варившихся в огромном чугунном котле. Святой Гусю-лама опечалился и заплакал, как будто его собственное тело варилось там.

– Почему ты, святой Гусю-лама, опечалился и плачешь? – спросили у ламы владыки того ада.

– Плачу оттого, что вижу, как у этих многих людей, варящихся в чугунном котле, мясо отваливается от костей, – ответил святой Гусю-лама.

– Ну, из-за этих ты, лама, не плачь, – сказали владыки ада. – Они варятся за то, что в прежней жизни [6b] разрушали буддийские храмы, унижали и порочили духовенство.

Затем святой Гусю-лама отправился дальше и увидел, как на горе, называемой «Шило», подняли вверх сто восемь железных вил и установили внизу сто восемь крюков. На каждые вилы насаживали по человеку, и, когда каждого из них ветром сдувало на крюк, тело раздиралось на части, подобные конопляной шелухе, а волосы и кости отваливались. Затем их исцеляли и начинали пилить пилой, толочь в ступе и рубить на части топорами.

Увидев эти мучительные страдания, [7a] святой Гусю-лама из благих побуждений произнес сокровенные *тарни* и опустошил восемь горячих адов, окропив их предварительно освященной водой. Освободив [всех] из ада, [лама] отправил их перерождаться в область будд.

После этого святой Гусю-лама пошел дальше. В области, называемой «Холодный ад», смерзлось невообразимое множество людей. Когда тех вытаскивали и отделяли друг от друга, их волосы, кожа и кости отваливались. Увидев это, святой Гусю-лама, милосердуя, окропил освященной

водой и опустошил восемь холодных адов. И в той области взошло солнце. Освободив живых существ тех восьми холодных адов, [лама] отправил их в область будд.

Затем он пошел дальше и увидел, как в «Мрачном аду» горестно рыдает множество людей. Святой Гусю-лама прочитал священную книгу и силой благословения *трех драгоценностей* полностью освятил «Мрачный ад» и успокоил [всех].

После этого [лама] направился дальше [7b] и прибыл в «Коробчатый ад». Приоткрыв тот адский ящик и заглянув в щель, он увидел, что внутри лежит множество людей, пожирающих друг друга. Святой Гусю-лама спросил [об этом] у владык того ада, и те ответили:

– Все живые существа, лежащие и пожирающие друг друга в этом аду, в прежней жизни, обманывая друг друга, наживали себе имущество, пищу и скот. Поэтому теперь, упав в «Коробчатый ад», они и лежат, пожирая друг друга.

Когда святой Гусю-лама прочитал священную книгу, эти ящики развалились. Освободив живых существ того ада, [лама] отправил их в область будд.

Затем святой Гусю-лама пошел дальше и достиг множества людей, лежащих среди экскрементов и мочи. Увидев это, святой Гусю-лама спросил у владык того ада:

– За что здесь эти живые существа?

[8a] – Все эти живые существа в прежней жизни осквернили и порочили святые изображения будд. За это они и лежат в аду экскрементов и мочи, – ответили владыки того ада.

Святой Гусю-лама отправился дальше и увидел, как четверо эрликов, собрав множество женщин и распяв их, прижигают [всех] раскаленным докрасна железом. Святой Гусю-лама спросил [об этом] у владык того ада, и те ответили:

– Этих женщин прижигают за то, что в течение всей своей прошлой жизни они наряжались в золото и серебро, ели вкусную пищу, даже не помышляя о благочестивых деяниях и не почитая святую веру.

Когда лама прочитал священную книгу, четверо эрликов, распявшие тех женщин, отпустили их. Освободив тех [женщин] из ада, [лама] отправил их в область будд.

Святой Гусю-лама пошел дальше и прибыл в ад животных. Оглядевшись, он заметил, что животные, видя траву и воду, не могли ни есть, ни пить. Возле того ада сидело множество будд в золотых шапках. [8b] Гусю-лама спросил у [одного из] будд:

– Почему, в то время как ты, будда, сидишь здесь, эти животные были ввергнуты в ад?

– Так ведь они ввергнуты в ад силой своих великих прижизненных грехов, – ответил тот будда в золотой шапке.

Святой Гусю-лама прочитал Учение и, выведя тех животных из ада, отправил перерождаться в область будд.

После этого святой Гусю-лама вернулся к Эрлик-хану и сел возле него. В это время Эрлик-хан слышал шум, [издаваемый] тангутским¹ ламой по имени Ирджамц, который, скончавшись, шествовал на небеса. [Эрлик-хан] отправил [своего] львиноголового сына, велел: «Иди, посмотри». Тот львиноголовый сын сходил посмотреть и, вернувшись, доложил Эрлик-хану:

– Тот идущий наверх лама при жизни был очень могущественным ламой. Теперь он шествует, опустошая все великие ады и воздымая там солнце. Когда я спросил [его]: «Кто ты?» – тот лама ответил: «В Тибете я был великим ламой по имени Ирджамц. При жизни, проявляя стойкость, я пребывал в созерцании. [9a] Благодаря силе этого созерцания теперь я иду на небеса». Сказав это, он прошествовал дальше.

В то время, пока все еще продолжали сидеть, прибыл черт с головой тигра и доложил Эрлик-хану:

– Позади меня идет еще один очень добродетельный лама. Поскольку польза от прочитанных им при жизни бесчисленное количество раз шести слогов [мани] очень велика, он идет по мосту из красной меди. Благодаря силе этих прочитанных бесчисленное количество раз шести слогов [мани], он увел всех живых существ в область тридцати трех *тэнгриев*.

Когда он так доложил, Эрлик-хан молвил:

– Как бы мне встретиться с таким великим святым ламой, – и, выйдя наружу, поклонился в сторону того [ламы].

В это время Эрлик-хану представили белого и черного человека. Будда, приведший тех двух, сообщил:

– У этих двух людей нет грехов.

¹ Тангутский [Tangyud] – т. е. тибетский.

[9b] Пришедший вместе с ним черт возразил:

– Грехи этих двух людей неисчислимы.

Тогда Эрлик-хан велел:

– Вы, будда и черт, противоречите друг другу. Поэтому ты, белый человек, говори правду.

Белый человек рассказал:

– Всю жизнь я был честным человеком.

Грехов у меня немного.

Совершал жертвоприношения буддам и *тэнгриям*.

Раздавал подаяние нищим.

Я велел [обо всем] записать в ста восьми книгах.

Когда он это поведал, Эрлик-хан приказал:

– Если этот человек сказал неправду, то [вы], писцы, откройте и посмотрите свои записи, проверьте в зеркале и на весах.

Писцы открыли, как велел Эрлик-хан, свои записи и, посмотрев в них, сказали:

– Добродетель его велика. Грехи ничтожны.

Посмотрели также в зеркало, взвесили на весах и сказали:

– Это правда, что об этом человеке записано в ста восьми книгах. Из них ровно пятьдесят книг составляют его грехи. Добродетели же составляют более пятидесяти восьми книг.

Как только это сообщили, Эрлик-хан повелел:

– Это истинно верующий человек. Другие люди не думают о своей смерти [10a] и не стремятся к добродетели. За то, что этот истинно верующий, с чистой душой человек охотно исполнял добрые деяния, ему определено отправиться в область блаженства, – и, сделав знак рукой, отправил [белого человека] в *северную область будды Амитабы*¹. [Затем] Эрлик-хан также приказал:

– Я не верю тому черному человеку. Откройте и проверьте записи, посмотрите в зеркале, взвесьте на весах [его деяния].

Согласно приказу [все] проверили и доложили:

– В прошлой жизни этот черный человек не был склонен к добрым поступкам. Ему не нравились люди, поклонявшиеся Будде и Учению. Это был злонамеренный человек.

¹ В действительности будда *Амитаба* пребывает в одном из буддийских раев, который, согласно буддийской космологии, расположен в западной части мира.

Тогда того черного человека отправили в восемнадцать адов, а к *Эрлик-хану* привели и представили белую и черную женщину. Будда, приведший тех двух, доложил:

– У этих двух нет грехов.

Пришедший вместе с ним черт сообщил:

– Этим двум всю жизнь не нравились Будда, Учение, ламы и *три драгоценности*.

Тогда Эрлик-хан велел:

– Вы, будда и черт, противоречите друг другу. [10b] [Поэтому] ты, белая женщина, рассказывай.

Белая женщина рассказала:

– У меня при жизни было семеро сынов.

Сама я исполнила семь видов благих деяний.

Совершала жертвоприношения Будде и Учению.

Почитала лам и тойнов.

Теперь, после моей смерти,

семеро моих сынов исполнили семь добрых дел.

Эрлик-хан одобрил такие слова и отправил [ее] по мосту из красной меди в область тридцати трех *тэнгриев*.

[Затем] Эрлик-хан приказал:

– Посмотрите записи [деяний] той черной женщины.

Писцы открыли книгу, посмотрели и сообщили:

– Эта черная женщина при жизни порочила Будду и Учение. За все свои тяжкие грехи пусть идет в «Мрачный ад». Сказав это, отправили [ее].

[Тут] Эрлик-хан обратился к Гусю-ламе:

– Я нахожусь здесь, между двумя видами перерождений, для того, чтобы различать истинное и ложное. Ты, святой Гусю-лама, возвратившись [на землю], [11a] объясни живущим людям эти [мои] поучения.

Скажи им, что люди, почитавшие Будду,

уважавшие лам и Учение,

а также исполнявшие всяческие благие деяния,

отправляются обычно к перерождениям в область будд.

Злонамеренные же люди,

совершавшие по глупости всевозможные грехи,

низвергаются обычно в восемнадцать страшных адов.

Когда святой Гусю-лама возвращался в мир живых, он на дороге между двух видов перерождений повстречался со старушкой.

– О, старушка, – молвил лама, – в прежней жизни ты была моей матерью. [Поэтому] теперь ты переродишься в области будд. Сказав это, [лама] возвратился [в мир живых].

Шастра о святом Гусю-ламе, освободившем из ада всех живых существ, окончена.

Глоссарий

ад промежуточной пустоты (qoγosun-u jāyuradu-yin tamu) – то же, что промежуточная область.

Амитаба (монг.: Amindiua, Abida; санскр.: Amitabha, «Невообразимо лучезарный») – будда, олицетворяющий свет. Один из пяти земных будд.

банди (монг.: bandi; тиб.: bandhe) – низшая степень монашества для принявших пять обетов: не убивать, не воровать, избегать женщин, не лгать, не пить вино.

будда северной стороны (umara jüg-ün burqan) – будда Амогасиддха.

мани (монг.: manī, maṇi; санскр.: maṇi) – краткое название самой распространенной и почитаемой среди тибетских и монгольских буддистов шестисложной магической формулы «ом ма ни пад мэ хум», ставшей своего рода молитвой-заклинанием.

преты (монг.: birid; санскр.: preta) – существа, пребывающие в преддверии ада и испытывающие муки голода и жажды.

промежуточная область (монг.: jāyuradu-yin oγon; тиб.: bar do) – местопребывание души умершего человека между прошлым и будущим рожденьями.

тарни (монг.: tarni; санскр.: dhāraṇī) – магическая формула, заклинание.

тойн (toyin) – монах, обычно высокого ранга, который может быть наставником для монахов низкого ранга.

три драгоценности (монг.: yurban erdeni; санскр.: triratna) – Будда, Дхарма (Учение Будды) и Сангха (община).

тэнгри (tngri) – небожители. В буддийской литературе упоминаются, как правило, 33 тэнгрия. Широкую известность они приобрели также в мифологии монгольских народов, где уже насчитывается 99 тэнгриев во главе с Хормустой. Термин «tngri» в тексте использован также в значении: «небо», «небесный».

шастра (монг.: šastir; санскр.: śāstra) – трактат, рассуждение на определенную тему. Этот вид сочинений получил значительное распространение в буддийской литературе. Многие шастры вошли в состав «Данджура».

эрлик (erlig) – один из многочисленных служителей ада. Эрлики обычно изображались с головами различных животных (тигра, быка, обезьяны, кабарги и т. д.).

Эрлик-хан, Эрлик Номин-хан (Erlig qaγan, Erlig Nomun qaγan) – Владыка ада, судья умерших, хранитель Учения.

Приложение II

МНЕНИЕ КАЛМЫКОВ О БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ*

Истолковав перемены и обороты мира, следует теперь предложить, какое они имеют понятие о будущей жизни. Они так же делают разделение между воздаянием за добрые дела и наказания за злые. За самоважнейший грех почитаются недоверие к закону и хула на Бурханов, удержанная Бурханам подать и не почитание священнического чина. За ними следует убийство не только людей, да и всякого животного даже до последнего насекомого, и прочее. У них вымышлен некто судья, которого *Ирлик-хан*¹ называют.

Престол ему поставляют между небом и землею на середине, окруженный тьмами черных Тенгров. Пред ним всякая душа должна предстать на суд со своими приставами, выключая великих угодников, которые прямо восходят на небо, аки столп огненный. Приставы их суть черные и белые тенгры, т. е. злые духи и хранители, которых каждое дышащее имеет. Приставы должны быть при сем суде стряпчими.

У *Ирлик-хана* есть и дневные записки, называемые *Алтан толи*, в которые вносятся вся содеянное людьми. В оные он не редко заглядывает, чтобы от стряпчих, или от самого судящегося не быть обмануты. Спорные дела весит он на весах. В одну чашку кладет грехи, а в другую добрые дела и которая чашка перетянет, по тому бывает и расправа.

По их мнению, надобно твердо иметь в памяти, что кто доброго на сем свете сделал, и оное смело предлагать *Ирлик-хану*. Иначе боязливые вместо рая попадают в муку за тем, что иногда приставам не придет на память то, что его оправдать или осудить может, а *Ирлик-хан* по множеству дел иногда и поленится заглянуть в свою шнурованную книгу. Заблуждение сие утверждают многими выходцами с того света. Я одну только басню приведу в пример.

* *Лепехин И.* Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. – СПб.: при Императорской Академии наук, 1771. С. 467–475.

¹ Откуда взялся сей Ирлик-Хан, мне не известно. Сие только о нем сказать могу, что он все пороки и добродетели совершил и так избран был судиею душ, как сведущий все дела людские.

Некоторый пьяница, будучи осужден на суд *Ирлик-хана*, ввергнут был в одно мытарство, преисполненное острого оружия, куда препроводили его *яргачи*¹ по шести дорогам, убитым острыми гвоздями².

Во время его мучения и стенания, молитвою и властью некоего Бурхана *Хонжсо Боди Сано* до 80000 мучащихся душ из глубины всех восемнадцати мытарств извлечены были, за то, что они читали *Доржсо Зодбу*³.

Мучащемся пьянице пришло на память, что и он некогда сию *Доржсу Зодбу* списал, и при поклонении и молитве просил помощи от оно-го. Приставы, слыша сие имя, тотчас доложили своим начальникам, и дело дошло до самого *Ирлик-хана*. Он приказал грешника себе представить, и допрашивал его, подлинно ли он сию добродетель в жизни своей совершил, что *Доржсу Зодбу* один раз списал.

Пьяница уверял *Ирлик-хана*, сколько его сил было, а *Ирлик-хан* справясь в *Алтан толи*, нашел его слова справедливыми, и просил у него прощения за учиненное ему мучение. Но чтобы большее ему сделать возмездие, посадил его возле себя на златом престоле, показывал ему многое тайное и обещал возратить его паки в жизнь, дабы он проповедовал *Доржсу Зодбу*.

Пьяница отговаривался от сего благодеяния, представляя, что живущее в мире всякое животное будет стремиться на его гибель: ибо я в жизнь мою убивал овец, сайгаков, лошадей, рыб, сусликов, и всяких насекомых даже до вши, и всякую ползающую и пресмыкающуюся душу.

Ирлик-хан немедленно повелел предстать пред собой всем животным, которых помянутый пьяница на том свет умерщвлял и приказывал им, чтобы они никакого зла ему на сем свете не чинили. Вся помянутая тварь за сие приказание вознегодовала и недовольна была судом *Ирлик-хана*. *Ирлик-хану* в сем случае ничего более не оставалось, как прибегнуть к гилям правосудия. Он взял свои весы и в одну чашку вместил всех животных, а в другую *Доржсу Зодбу*, но *Доржса Зодба* перевесила всех тех животных. Чего они убоясь, сделали все поклонение и

¹ Приставы или караульные при мытарствах.

² По таким дорогам, по мнению их, должно проходить в мытарства или муку.

³ Что значит Доржса Зодба, изложено будет ниже.

просили прощения. За сие их *Ирлик-хан* отослал на место упокоения, а пьяницу возвратил на сей свет для прославления *Доржи Зодбы*¹.

Возвратившийся из царства мертвых пьяница со многими другими, которых и столстная книга едва вместить может, проповедал калмыкам будущее их состояние на том свете. Они видели три дороги и белый Град. Дороги сии начинаются от некоей аспидной горы, которая земным жителям видится наподобие облака. Первая дорога серебряная, другая медная, а третья железная. Железная дорога ниже всех и ведет к белому Граду, который есть жилище *Ирлик-хана*. Она дорога, наконец, по мнению их, истончается в волос, и многих хлопот избавляет *Ирлик-хана*: ибо непомнящие за собою никакого благодаяния, тонкой сей путь превозмочь не могут, но обрушась, попадают на место казни.

Медная дорога лежит повыше, и провожает к жилищу 33 тенгров, что есть среднее место упокоения, а серебряная дорога, которая всех выше и лежит на востоке к раю, обитаемому Абидом Бурханом.

Какого возмездия они за свои добрые дела в воображаемом ими раю надеются, сказать не могу, кроме того, что они за главнейший рай почитают, не знаю какое-то Сукавидино место. Засим местом следует рай Амидабы Бурхана, обладающего двухтысячным небом. Самое последнее место представляют себе у Тридцати трех тенгров, где только одной вольности ожидают. Впрочем, у них такое множество раев, что и перечесть трудно, но тому, что они каждому Бурхану приписывают особое небо, в котором он водворяется с душами праведных.

Что касается до ада, то я так же не могу определить ему места, ибо и в сем они не согласны. Да и в записках, которые мне достались в руки, подлинного ничего не нашел. Но уповательно, что они ад представляют под землею, потому, что называют его нижним мытарством. Чтобы не наскучить читателю исчислением, кто именно за какое пре-

¹ Кажется, от сего заблуждения происходит, что калмыки охотнее едят падаль, нежели убитую скотину, говоря, что первая зарезана бурханами; и так есть ее безгрешно. Повесть сия так же подтверждает, что калмыки веря переселению душ, разумную душу приписывают всякой дышащей твари и что всякая тварь должна явиться на суд *Ирлик-хана*, и получить воздаяние, или наказание за свои дела. Изрядные пифагористы, которые никакому животному не спускают! И так, по мнению своему, вмещают в желудке своем тела животных, может быть в сродстве с ними находящихся. Пифагор уверял своих сограждан о переселении душ собственным примером. Но калмыкам примером служит главнейший их Бурхан Санжи Муни, которого душа некогда обитала в зайце и тогда он, увидев гладом тающего человека, предал себя на добровольную ему снесь. Сие так же подтверждает, что их Бурханы не от небесного, но от калмыцкого отродия.

ступление и каким образом мучим будет, предложу вкратце их о муках умствование.

Иные по их мнению будут мучимы в аду, где изобилует всякое оружие, и которым они будут посекаемы на мелкие части; а как от того умертвятся, то паки от некоего небесного гласа восстанут. Сие мучение грешные претерпевать должны двести миллионов тысяч лет, по прошествии которых выпущены будут и вселятся в тела живущих на сем свете. И так, может быть, из древнего калмыцкого хана родится капустный червь или стенной клоп.

Второе мытарство составляют адские темные пещеры, в которых всегда будут раздавливать людей двумя железными досками. И сему мучению время предписано вдвое перед прежним.

В пятом мытарстве будут грешных калмыков жарить на сковородах и вертлюгах как рыбу, или птиц.

Шестая статья грешных калмыков ввержена будет в смрад, где всякое зловоние. Иных низринут в реку, в которой вода беспрестанно кипит белым ключом. Другие поселены будут на крепкой белой земле, которая ничего не произрастает. В оной беспрестанный глад и нагота господствует, где люди копая руками землю, отрут оные по самые плечи. Коварным людям и смутителям приуготовано кровавое море, в котором они плавать должны. Роскошные богачи, не творящие милостыни, отягчатся собственною своею тяжестью. Глава у них будет яко холм великий, шея и ноги истончатся наподобие волоса, а тело представлять будет огромную гору. Для непочтителей Бурханских слов и святотатцев сделан огромный котел, наполненный смолою, в котором сии грешные вариться будут.

Для убийц всякого животного поделаны крючья, на которых вешают их за ребро. Крюки сии некоторою силою опускаются с людьми на низ, где другие крюки их задевают, и отрывают части человеческого тела, которое паки прирастает.

Пренебрегателям и гнушающимся их Бурханского предания черные тенгры вкладывают в уши раскаленную сажу. И такое мучение претерпевающие всегда друг другу на уши шепчут, сообщая причину своего мучения, однако слова их бывают непонятны.

Тати и прелюбодеи мучатся в студенном озере, которые по закату солнца даже до восхождения оногo в воде замерзают, а при солнеч-

ном сиянии паки вытаскиваются из оно́го, так что от примерзания некоторые члены в воде остаются. К вечеру паки в оную же воду погружаются, чтобы члены их срослись и пр.

Иным, не знаю, за какое преступление перетирают кости, иных колесуют, а иных толкут на мельницах в ступе.

Восемнадцатое, или последнее мытарство назначено для всякого другого животного, где на лошадях беспрестанно ездят. Другую скотину морят голодом, иных увечат побоями и проч.

Мы описали рай и муку калмыцкого народа. Следует теперь сказать о мнимых ими средствах, помощью которых думают они по смерти избавиться от ада.

Первый пункт составляет прошение за умерших их Бурханов, а особливо, когда к тому щедрым подаянием священнический чин поощрен будет. Читением по умершим разных книг устами благоговейных гелюнов, как то книги называемой *Эркетю*, содержащей славные дела их Бурханов, *Дойшин Бурхани*, Бурханское наставление и проч.

А главное место между всеми занимает *Доржо Зодва*. Сия книга содержит в себе непонятные вещи для калмыцкой головы, и значит сокровенную тайну, которую никто разуме́ть не может, кроме великого Бурхана. Польза, происходящая от сей книги, утверждена многими примерами благополучных душ возвратившихся с того света. И она в таком почтении у калмыков, что почти всякий изустно ее знает, хотя содержания никто не понимает, да и толковать ее за грех вменяется.

Благосклонный читатель может заметить и в сем кратком описании монгольского суеверия много спорных и противоречащих мест. Но я осмеливаюсь сказать, что все сказанное за отпор почесть можно. Ибо такой у них наплетен вздор, что, думаю, в каждой их книге можно найти тысячу противоречий.

Шарган Увелзенг-генге

Увелзенг-генге (Шарган Увелзэнг) родился 28.02.1962 г. в семье Джеджин Шарга из рода шебенеров гюл кёк сомона, ветви кётчинкин. Его мать Кёкян Бата была того же рода шебенеров гюл кёк сомона, ветви тогйондон.

После окончания в 1978 г. средней школы работал полеводом. В 1983 г. стал послушником в Синчен хошеутовском сумэ Баян-Гол-Монгольского автономного округа. Его наставником был Равсал-эмчи.

В 1988 г. служил в должности нирвы в монастыре «Хутуктин хурэ». В том же году поступил на обучение в знаменитый монастырь Гумбум. У своего наставника Лувсанцүлтим-ламы принял обеты гелонга.

Увелзенг-генге – член буддийской общины, настоятель «Хутуктин курэ» Худжирту-Монгольского автономного уезда, Или-Казахского автономного округа СУАР КНР. Проживает в поселке Бахлаг.

Помимо своих духовных обязанностей Увелзенг-генге является коллекционером и хранителем древних книг и артефактов. От своего отца он в наследство коллекцию рукописей на «ясном письме», которая сегодня насчитывает более 120 экземпляров. Среди наиболее ценных экземпляров его коллекции – текст калмыцкого ксилографа «Алтан Герел», изданного во времена правления Дондок-Даши хана (1741–1761) и рукопись «Истории Гусю-ламы», датируемую исследователями серединой XVIII в.

СПИСОК

некоторых рукописей из личной коллекции Увелзенг-генге

Художественная литература

1. *Xutuqtu Gösü blamayin tuuji orošibo.*

Ойр. рук., 8 л., 25,5 x 12 (21 x 7,5), 20–22 стк., плотная желтоватая бумага, красная и черная тушь. Рукопись неполная.

См.: Сазыкин 1988: № 338; Бильгүүдэй 1998: № 162.

2. *Dorje gjod peyin ači tusayin tayilbuur orošibo.*

Ойр. рук., 14 л., 35,5 x 11,2, черная тушь.

См.: Сазыкин 1988: № 377–380; Gerlmaa 2005: 421–433, 435–436.

Сутры

3. *Xutuqtu suduriyin ayimagiyin erketü xān dēdū altan gerel kemēkū yeke külgüni sudur orošiboi* (л. 1a); *Xutuqtu suduriyin ayimagiyin erketü xān dēdū altan gerel kemēkū yeke külgüni sudur dousba* (130a); *Xutuqtu dēdū altan gerel suduriyin ayimagiyin erketü xān kemēkū yeke külgüni sudur* (л. 1b); (л. 1b: санскр. и тиб. заглавия в ойр. транскрипции).

Переводчик: *Oqtoryuyin Dalai rab jampa Zaya pandida.*

Инициатор перевода: *Axali Aldar.*

Писец на доске для письма: *Güüši čülkrim rgjmo.*

Переписчик на бумаге: *Dgen gdün bzang po.*

Инициатор ксилографического издания: *rabbjams pa Blobjang*

Донаторы ксилографического издания: *oyirodiyin noyon Dongrob bkrašes neyideyin yeke ezen eke xatun Bdeskyed.*

Резчик на доске для ксилографии: *Dgeddon yešes.*

Калм. ксил., 131 л., 41,5 x 10,8, 26–28 стк., плотная желтая бумага. На каждом листе печать красного цвета.

См.: Лувсанбалдан 1975: 0228; Gerlmaa 2005: № 842, 843, 844.

4. *Xutuqtu biligiyn činadu kürüqsen tasuluqči očir kemēkū yeke külgüni sudur orošiboi.*

Ойр. рук., 25 л., 35,3 x 11, красная и черная тушь.

См.: Сазыкин 2001: № 2681–2697, 5044; Gerlmaa 2005: № 355–420.

То же

5. *Xutuqtu biligiyn činadu kürüqsen tasuluqči očir kemēkū.*

Ойр. рук., 43 л., 23 x 9, черная тушь.

6. *Xutuqtu oqtoryui yazariyin nayiman gegēn kemēkū yeke külgüni sudur orošiboi.*

Ойр. рук., 4 л., 22,9 x 8,9, темно-синяя бумага, «золотые» чернила.

См.: Сазыкин 2001: № 2588; Gerlmaa 2005: № 355–420.

Дидактические сочинения

7. *Xutuqtu Nayuzanayin zokoqsun erdeni töriyin šašiter orošiboi.*

Ойр. рук., 8 л., 17,5 x 10,2, черная тушь.

См.: Сазыкин 1988: № 427; Сазыкин 2003: № 4073.

8. *Ödöge nöqcöq-sun tüüni delken nomloso xamuq-yin yasal orošiboi.*

Ойр. рук., 46 л., 25,5 x 10, черная тушь.

9. *Sukvadiyin oroni zokoliyigi ögüüleqsen oki ariun oroni erdemi todorxoi üzülküi biligiyn toli kemēkū orošiboi.*

Ойр. рук., 28 л., 35,5 x 11,2, красная и черная тушь.

См.: Сазыкин 2003: № 4095.

Молитвы

10. *Itegel orošiboi.*

Ойр. рук., сшитая тетрадь, 11 л., 10 x 7, черная тушь.

См.: Сазыкин 2001: № 3731–3738; Gerlmaa 2005: № 203–220.

11. *Kilince namančilaxui altan üsün xutaya tamu ebdeküi xourai kemēkū sudur.*

См.: Сазыкин 2001: 2488–2491; Gerlmaa 2005: № 37–47.

Ойр. рук., 12 л., 22,3 x 8,9, красная и черная тушь.

12. *Tabun yeke sakuusuni sudur yeke külgüni sudur orošiboi. Maniyin maqtal orošiboi.*

Ойр. рук., сшитая тетрадь, 15 л., 12,5 x 7, красная и черная тушь.

Похоронные обряды

13. *Sonosod toniluqči zuurdiyin sudur orošiboi.*

Ойр. рук., 24 л., 22 x 9, черная тушь.

См.: Сазыкин 2001: № 3184–3189; Gerlmaa 2005: № 179–192.

То же

14. *Zuuradayin sudur orošibo.*

Ойр. рук., 20 л., 11,5 x 9,5, черная тушь.

Дхарани

15. *Banzaraqčiyin xurangyui orošibo.*

Ойр. рук., 5 л., 16 x 7,5, черная бумага, «золотые» чернила.

См.: Сазыкин 2001: № 3305–3306; Gerlmaa 2005: № 337–354.

16. *Busudtu ülü ilaqtaqči xarin xariuuluqči saγān šukürtüyin tiqtöl orošibo.*

Ойр. рук., 29 л., 24,5 x 7, красная и черная тушь.

См.: Gerlmaa 2005: № 605–619.

17. *Getülgexüi xutuqtu Darē eke orošiboi.*

Ойр. рук., 8 л., 25,5 x 10,5, черная тушь.

См.: Gerlmaa 2005: № 106–119.

18. *Xara kitediyin möčölgeni xariulγa kemēkü toqtöl orošiboi.*

См.: Сазыкин 2001: № 3286

Ойр. рук., 11 л., 25,5 x 9, черная тушь.

19. *Kaliban padma saγān küqšini toqtöl orošiboi.*

Ойр. рук., шитая тетрадь, 15 л., 11 x 7,5, черная тушь.

20. *Erkēr tolku üzekü sudur orošiboi.*

Ойр. рук., 4 л., 24,5 x 9,5, красная и черная тушь.

Обрядовые тексты

21. *Ünegeni sang orošiboi.*

Ойр. рук., 15 л., черная тушь

См.: Сазыкин 1988: № 1168; Gerlmaa 2005: № 818–820.

22. *Mu züdüüni xarilyaši oršibo.*

Ойр. рук., 7 л., 23 x 9, черная тушь.

См.: Сазыкин 2001: № 3329; Gerlmaa 2005: № 632

23. *Neng yeke saγān Xormustan tenggeri nayiman ayimaq takixu sudur orošiboi.*

Ойр. рук., 11 л., черная тушь. Рукопись не полная.

S

OIRAT VERSION OF *THE TALE OF GUSYU LAMA*

The Oirat version of *The Tale of Gussyu Lama* is one of the stories describing ‘travels to hell’ or ‘visions of hell’. It was widespread in the past but only three manuscripts in *Todo bichig* (‘Clear script’) are available to us at present. This is the first publication that includes the facsimiles of all three Oirat manuscripts from Russia, Mongolia, and China supplied with their transliterations, translations (in Russian or English) and a comparative study. All three texts are reproduced in Modern Kalmyk as well.

The textological analysis of these manuscripts has shown that the Oirat version of *The Tale of Gussyu Lama* is a complete work that stands apart from similar stories. Its specific feature is a combination of a narrative plot and a religious message sent to the readers, which is a part of the traditional old Oirat literature.

Научное издание

**ОЙРАТСКАЯ ВЕРСИЯ
«ИСТОРИИ ГУСЮ-ЛАМЫ»**

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
«CORPUS SCRIPTORUM OIRATORUM»*

Редактор

Т. А. Михалева

Перевод

Т. Н. Богрданова

Компьютерная верстка

Д. В. Татнинов

Подписано к печати 15.12.2017.

Формат 70×100/16. Печать офсетная.

Усл.печ.л. 17,25. Тираж 500 экз. Заказ **610-15**.

Отпечатано в ЗАОр «НПП «Джангар»,
358000, Республика Калмыкия,
г. Элиста, ул. Ленина, 245.